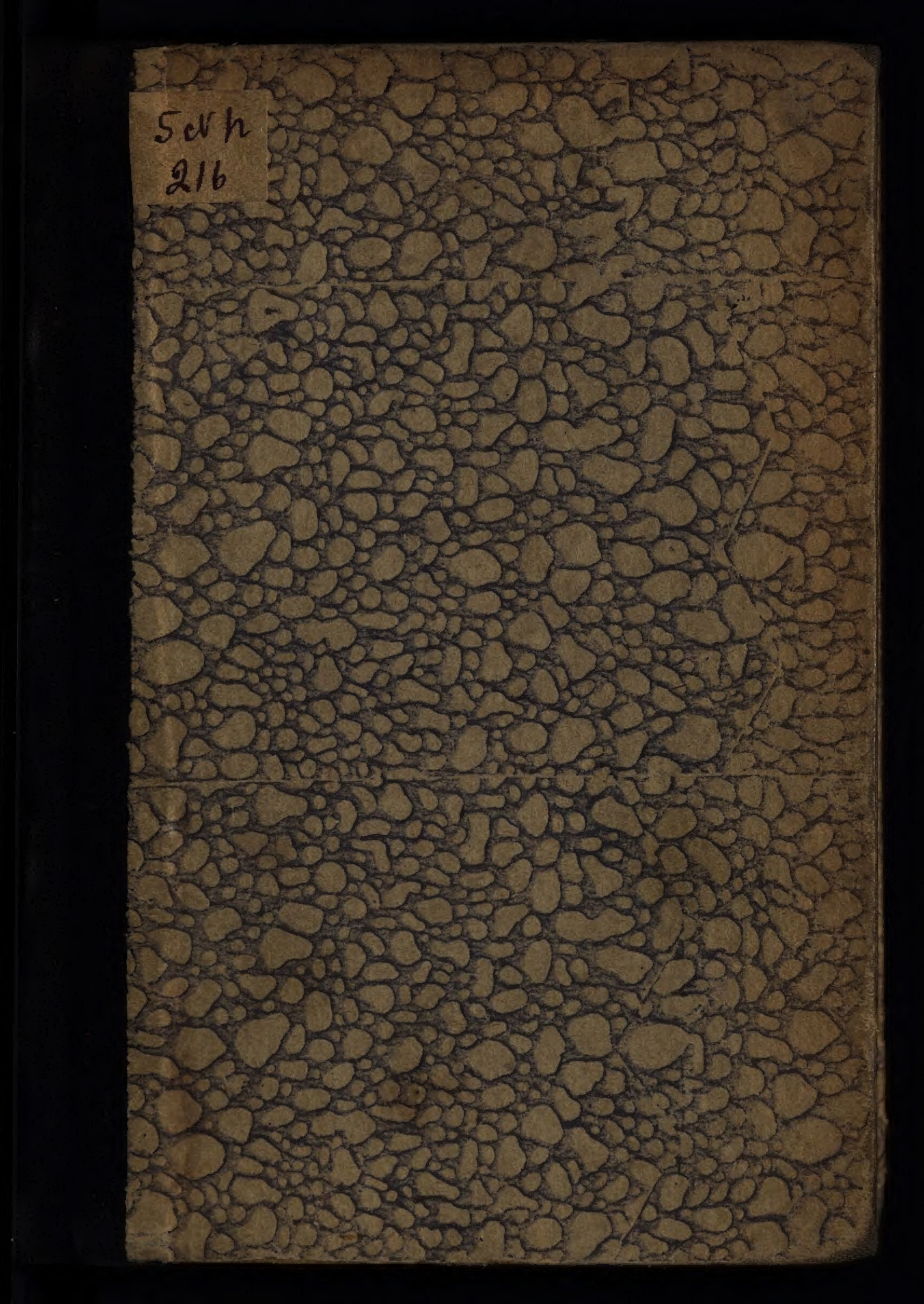
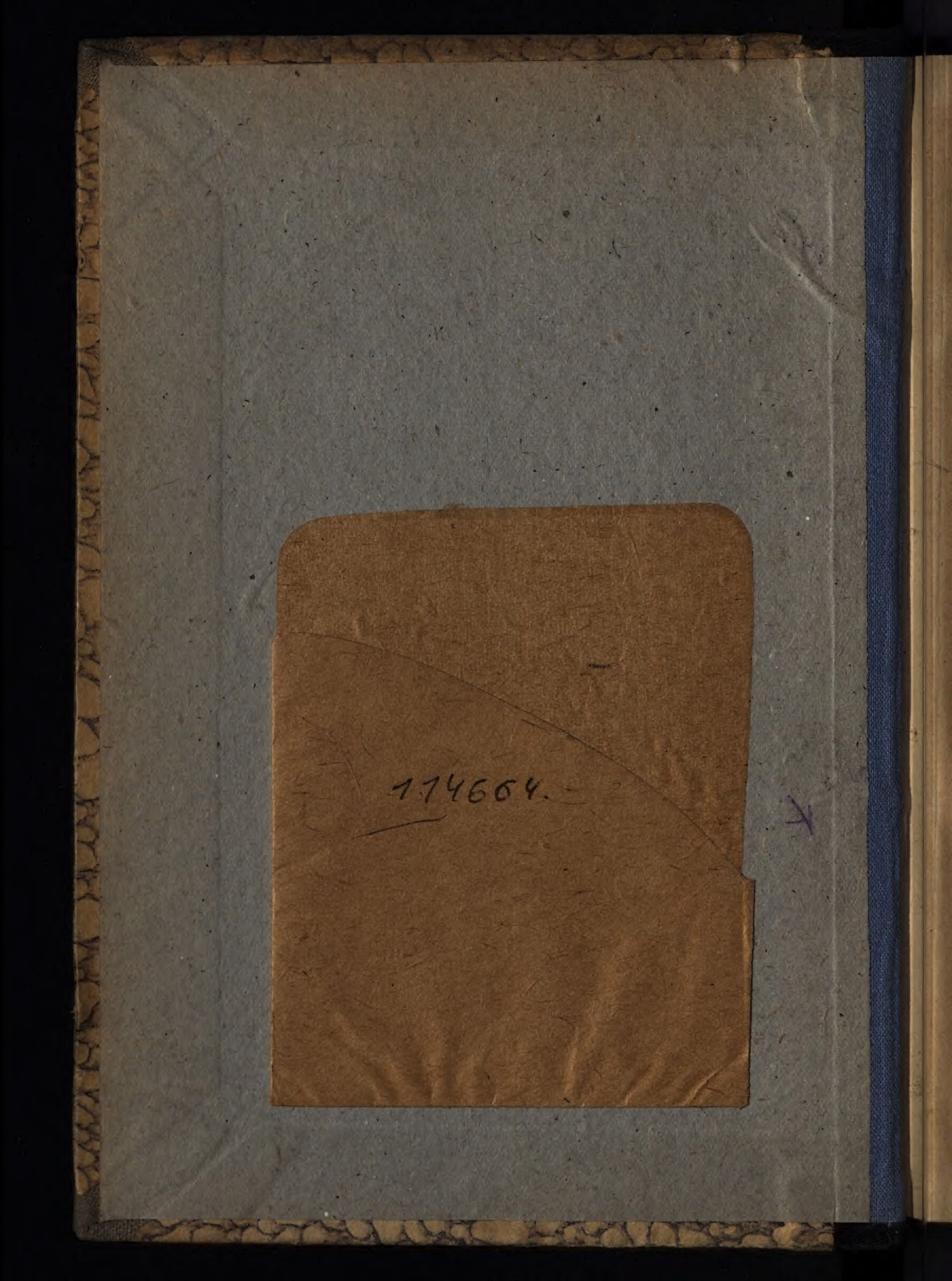

216

114664.

А. СОРЕЛЬ.

МОНТЕСКЬЕ.

ПЕРЕВОДЪ
М. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Н. И. КАРѢЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1898.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 1 октября 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Имя Монтескье—одно изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи просвѣтительной и освободительной литературы XVIII вѣка. Оно настолько извѣстно, что нѣтъ надобности въ предисловіи къ переводу книжки, посвященной жизни, сочиненіямъ и идеямъ Монтескье, распространяться о важномъ значеніи, какое должно имѣть для каждаго образованнаго человѣка знакомство съ тѣмъ, кто былъ и что сдѣлалъ этотъ замѣчательный писатель XVIII в. Между тѣмъ въ то самое время, какъ на русскомъ языкѣ уже существуютъ отдѣльныя книги о Вольтерѣ, Руссо и Дидро, — я имѣю въ виду особенно прекрасныя монографіи Морлея,— о Монтескье у насъ нѣтъ ни одного сочиненія, если

не считать маленькаго очерка г. Никонова (Спб. 1893), входящаго въ составъ „Біографической библіотеки“ г. Павленкова. Этотъ важный пробѣлъ въ нашей литературѣ и долженъ пополнить настоящій переводъ.

Книжка Сореля входитъ въ составъ цѣлой серіи другихъ подобныхъ книжекъ, издающихся подъ общимъ заглавіемъ „Les grands écrivains français“. Отдѣльныя біографіи „великихъ французскихъ писателей“ составляются для этого изданія наиболѣе видными спеціалистами, и между ними Сорелю принадлежитъ почетное мѣсто. На русскомъ языкѣ уже существуетъ переводъ первыхъ четырехъ (пока только и вышедшихъ въ подлинникѣ) томовъ историческаго труда Сореля „Европа и французская революція“ (Спб. 1892), пользующагося заслуженною извѣстностью и на родинѣ автора, и за ея предѣлами. Небольшой объемъ настоящей книжки, не помѣшавшій автору весьма рельефно изобразить литературный портретъ Монтескье, заставилъ насъ отдать ей предпочтеніе передъ другимъ, болѣе значительнымъ трудомъ Віана (Histoire de Montesquieu), и при указаніи на книги по исторіи идей XVIII вѣка въ „Программахъ чтенія для самообразованія“, издаваемыхъ петербургскимъ „Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію“.

Къ переводу книжки Сореля прилагаются переводъ отрывковъ изъ „Духа законовъ“ Монтескье и перечень его сочиненій. Приведенныя мѣста изъ „Духа законовъ“ заключаютъ въ себѣ наиболѣе существенные взгляды политической теоріи Монтескье.

Н. Карѣевъ.

I.

Характеръ Монтескье.

«Персидскія письма» появились въ 1721 г. Эта книга, какъ громъ, поразила общество. Никогда ни одинъ писатель не соотвѣтствовалъ болѣе общественному настроенію, никто столь осторожно не снималъ покрывала съ его тайнъ, никто такъ искусно не разоблачалъ затаенныхъ желаній и думъ, еще неясныхъ. Авторъ видѣлъ, какъ вокругъ него разлагались старыя вѣковыя общественныя учрежденія: вѣрованія, обычаи и нравы, которые создали и поддерживали монархію, рушились во Франціи. Онъ хотѣлъ анализировать это зло и пытался помочь ему, онъ не догадывался, что, описывая это зло, какъ это сдѣлалъ онъ, онъ распространялъ его въ умахъ, и что его произведеніе является самымъ важнымъ симптомомъ кризиса, который, какъ ему казалось, онъ могъ отклонить. Это не было предостереженіемъ и призывомъ къ реформѣ—это было сигналомъ къ революціи, зародышъ которой лежалъ во всѣхъ умахъ и причины

которой проявлялись во всѣхъ событіяхъ. «Персидскія письма» заключаютъ въ себѣ въ зародышѣ «Духъ законовъ». Человѣкъ, написавшій эти письма, при выходѣ ихъ въ свѣтъ имѣлъ 32 года. Его рожденіе, его воспитаніе, первоначальное развитіе его мысли связываютъ его съ XVII в. И въ то же время никто своею жизнью и своими произведеніями не даетъ намъ лучшаго понятія о томъ, какимъ образомъ демократическая революція явилась, даже безъ вѣдома тѣхъ, которые её подготовляли, необходимымъ слѣдствіемъ царствованія Людовика XIV, который, казалось, установилъ во Франціи принципъ монархіи на незыблемыхъ основаніяхъ. Изслѣдуемъ поэтому вопросъ, чѣмъ былъ Монтескье въ то время, какъ писалъ свое первое произведеніе, и попытаемся опредѣлить характеръ его генія прежде, нежели мы увидимъ, какъ этотъ геній проявился.

Фамилія Монтескье принадлежитъ къ знатному дворянскому роду феодальнаго и парламентскаго происхожденія (noblesse d'épée et de robe). Въ свое время она приняла протестантизмъ, но отреклась отъ него вмѣстѣ съ Генрихомъ IV. Іаковъ де Секонда, второй сынъ барона Монтескье, президентъ въ Гіеннскомъ парламентѣ, въ 1686 г. женился на Франсуазѣ де Пенель, которая принесла ему въ приданое землю и замокъ Ла Бредъ около Бордо. Здѣсь именно и родился 18 января 1689 г. Шарль Луи, будущій авторъ «Духа законовъ». Его отецъ отличался аристократическою суровостью, подобно Вобану и Катина; его мать была благочестива; и тотъ, и другая принадлежали къ тому

дворянству, которое было простонародно и популярно вмѣстѣ и по долгу своего званія, и по христіанскому чувству. Въ минуту рожденія Шарля Луи предъ зàмкомъ явился нищій; Секонда пригласили его въ воспріемники сыну, «для того, чтобы этотъ воспріемникъ всю жизнь напоминалъ послѣднему о томъ, что бѣдные — его братья». Такъ поступилъ раньше и отецъ Монтаня, соотечественникъ отца Монтескье.

Шарль Луи сначала носилъ имя Ла Бредъ, бывшее названіемъ родовой земли. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ находился на воспитаніи у крестьянъ: здѣсь укрѣпилъ онъ свое здоровье и научился простонародному языку. Затѣмъ онъ возвратился къ своимъ родителямъ въ зàмокъ Ла Бредъ, съ именемъ котораго связана его память. Это — огромная постройка XIII ст. въ формѣ массивной зубчатой башни безъ архитектурныхъ украшеній, съ черными стѣнами, неправильно расположенными окнами, съ широкими рвами, наполненными водой; проникнуть въ башню можно было только по подъемному мосту. Здѣсь Шарль Луи прожилъ до семи лѣтъ; въ это время умерла его мать, и онъ былъ отосланъ къ ораторьянцамъ въ Жюлльи, гдѣ пробылъ отъ 1700 до 1711 г.

Это воспитаніе - внѣ семьи не могло развить въ немъ излишней сердечной нѣжности: онъ не былъ склоненъ къ ней, будучи отъ природы веселымъ, сдержаннымъ, свободнымъ отъ какой бы то ни было меланхоліи. Церковная школа должна была, повидимому, привязать его къ вѣрѣ или, по крайней мѣрѣ, расположить его къ религіознымъ идеямъ. Его мать

внушила ему уваженіе къ христіанской религіи, но все его воспитаніе, чисто литературное, классическое и римское, развило въ немъ своимъ индифферентизмомъ невѣріе. Двадцати лѣтъ онъ написалъ сочиненіе съ цѣлью доказать, что языческіе философы не заслуживали вѣчнаго осужденія. Стоическій оттѣнокъ, который онъ сохранялъ всю свою жизнь и который составлялъ основу его собственной философіи, онъ усвоилъ непосредственно изъ своихъ латинскихъ занятій. Съ того времени, какъ онъ сталъ самъ распоряжаться своимъ чтеніемъ, онъ примѣшалъ къ нему изрядную дозу пирронизма, традиція о которомъ сохранялась въ обществѣ Témple и который распространялся, несмотря на Сорбонну, цензуру и полицію.

Ла Бредъ прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ и въ 1714 г. былъ принятъ въ бордосскій парламентъ въ качествѣ совѣтника. Въ слѣдующемъ году онъ женился на Жаннѣ де Лартигъ изъ военной и кальвинистской семьи. Она скорѣе отличалась душевною непорочностью, чѣмъ красотою, болѣе робостью, чѣмъ прелестью, болѣе добродѣтелью, чѣмъ пріятностью: въ 1716 г. она подарила ему сына, а затѣмъ еще двухъ дочерей. Въ томъ же 1716 г. Ла Бредъ сдѣлался президентомъ. Его дядя, старшій въ родѣ, владѣвшій этою должностью, завѣщалъ её ему со всѣмъ своимъ имуществомъ подъ условіемъ принятія имени Монтескье. Никогда завѣщанное не было помѣщено лучше, — что касается имени, по крайней мѣрѣ, такъ какъ къ должности Монтескье не выказывалъ особеннаго расположенія. Семья и парламентъ мало зани-

мали мѣста въ его жизни: онъ говорилъ о той и о другомъ съ уваженіемъ, велъ себя въ той и въ другомъ такъ, какъ того требовали приличія, но старался возможно болѣе отдаляться отъ нихъ, а какъ только счелъ это возможнымъ, совершенно отъ нихъ освободился. Онъ любилъ свѣтъ и удовольствія, которыя манили его изъ дому; онъ не интересовался процессами, питалъ отвращеніе къ судебнымъ писцамъ, смотрѣлъ на адвокатовъ съ пренебреженіемъ и на просителей—съ презрѣніемъ. Онъ не чувствовалъ себя ораторомъ, и не считалъ себя способнымъ ни къ торжественнымъ рѣчамъ, ни къ парадныхъ отчетамъ, составлявшимъ славу магистратуры. Его энергія обратилась въ сторону научной любознательности и умственныхъ развлеченій; лучшую пищу для этого онъ находилъ въ бордосскомъ обществѣ, гдѣ его рожденіе и положеніе ставили его на первое мѣсто.

«Это парламентское званіе, нѣчто среднее между высшимъ дворянствомъ и народомъ», открывало самое широкое поле для политическаго наблюдателя. Оно составляло центръ образованнаго общества въ провинціяхъ. Бордо былъ однимъ изъ городовъ, гдѣ образованіе ума занимало почетное мѣсто. Здѣсь была учреждена академія для того, «чтобы образовывать и усовершенствовать удивительные таланты, которыми природа столь щедро награждаетъ людей, родившихся въ этомъ климатѣ». Такъ выразился основатель этой академіи. Монтескье былъ принятъ туда— и онъ имѣлъ на это въ нѣкоторомъ родѣ право — и съ самаго начала набросился на научныя занятія.

Подъ вліяніемъ Ньютона наблюденіе и изученіе природы освободилось отъ запутанной компиляціи и легенды. Монтескье, написавшій два этюда: La politique des Romains dans la religion и La système des idées, посвятилъ себя временно занятіямъ анатоміей, ботаникой, физикой: онъ изучалъ почечныя железы, причины эхо и прозрачности тѣлъ. Но его зрѣніе, которое всегда было слабымъ, зятрудняло для него опыты, его умъ, бывшій всегда нетерпѣливымъ, дѣлалъ ихъ для него безплодными и утомительными. Онъ не обладалъ способностью къ кропотливой внимательности, которая составляетъ часть генія научныхъ открытій и которая у Гете соединялась съ творческимъ воображеніемъ. Монтескье стремился къ немедленнымъ заключеніямъ; онъ жаждалъ большой картины (peindre en grand), очерченной рѣзкими штрихами. Еще до Бюффона онъ задумалъ планъ «Физической исторіи земли въ древнее и новое время». Въ 1719 г. онъ разослалъ циркуляры по всему ученому міру, прося о замѣчаніяхъ. При этомъ обозрѣніи прошедшаго вселенной онъ опять встрѣтился съ людьми и человѣчествомъ и остановился на ихъ разсмотрѣніи. Къ этому-то предмету и предназначилъ его его геній; онъ склонился къ нему самъ собою, по естественному расположенію, и привязался навсегда. Но отъ этихъ научныхъ экскурсій и бѣглыхъ занятій въ лабораторіяхъ у него остались общій взглядъ на науку, методъ и наблюдательность, что мы встрѣчаемъ въ его политическихъ и историческихъ трудахъ.

Вотъ какъ образовался онъ. Тридцати лѣтъ онъ

былъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, тѣмъ, чѣмъ оставался до конца жизни. Мало писателей, которые имѣли бы столько вліянія на свой вѣкъ и которые въ то же время такъ мало вмѣшивались бы въ событія этого вѣка. Частная жизнь Монтескье не имѣетъ ни малѣйшаго интереса: она ни въ чемъ не освѣщаетъ его трудовъ. Это былъ свѣтскій человѣкъ и мыслитель: онъ считалъ бы нескромными тѣхъ, которые стали бы разузнавать о немъ, онъ счелъ бы нескромнымъ самого себя, если бы сталъ занимать собою другихъ. Онъ желалъ, чтобы его знали только по его трудамъ, и, на самомъ дѣлѣ, почти только по его трудамъ мы можемъ себѣ составить мнѣніе о его жизни и характерѣ (sentiments).

Средняго роста, сухой, нервный, Монтескье имѣлъ длинное изящное лицо, рѣзко очерченный профиль,— профиль, годный для медали,—большой носъ, тонкія, насмѣшливыя, чувственныя губы, немного покатый лобъ, широко открытые глаза, хотя рано ослабленные и преждевременно потускнѣвшіе, но полные огня, генія и стремленія къ свѣту: «я смотрю, говорилъ онъ, на свѣтъ съ восхищеніемъ». Въ его чисто французской физіономіи сразу можно было замѣтить и гасконскія черты: въ немъ смѣшиваются два характера.

Гасконецъ составляетъ общій фонъ и направляетъ инстинктъ. Монтескье сохранилъ отъ этого происхожденія не только акцентъ, которымъ онъ кокетничалъ, но и походку, гасконскій веселый характеръ (la gasconnade) въ хорошемъ смыслѣ этого слова, своего рода щепетильность въ отношеніи ума. Его разговоръ

былъ полонъ остротъ, сюрпризовъ, неожиданныхъ скачковъ. Изъ его манеры въ разговорѣ много осталось и въ его стилѣ: нѣсколько обрубленныя фразы, частыя отступленія, простонародное краснорѣчіе, злыя насмѣшки и остроумныя шутки, однимъ словомъ, непринужденность въ разговорѣ, и при избыткѣ памяти и излишкѣ жара небрежность, доходящая иногда до распущенности.

Монтескье любитъ Монтаня: онъ причисляетъ его къ великимъ поэтамъ; онъ смакуетъ его, питается имъ и временами его воспроизводитъ. Онъ обладаетъ, какъ и тотъ, ненасытною любознательностью и тою жаждою къ знанію, которая составляетъ какъ бы неизмѣнную молодость мысли. «Я провожу свою жизнь въ изслѣдованіи;... все меня интересуетъ, все меня удивляетъ; я — какъ дитя, еще нѣжные глаза котораго живо поражаются самыми незначительными предметами». Одержимый страстью къ чтенію, онъ совершаетъ путешествія по своей библіотекѣ, прогуливается по ней, охотится, гоняется за добычей, мараетъ свои книги отмѣтками. Эта охота постоянно воодушевляетъ его и оплодотворяетъ его мысль. Ему доставляютъ удовольствіе анекдоты съ глубокимъ смысломъ, черты, которыя характеризуютъ человѣка или страну, даже исторійки, которыя только забавны и указываютъ на глупость или доброту человѣка всѣхъ временъ. Онъ собираетъ ихъ, запоминаетъ и, если представляется для того случай, не отказывается отъ удовольствія разсказать ихъ. Множество странностей, намековъ, странныхъ цитатъ, которыя встрѣчаются

на самыхъ серьезныхъ страницахъ «Духа законовъ», являются слѣдствіемъ этого прирожденнаго жара. Онъ цитируетъ по поводу законовъ, «которые образуютъ политическую свободу въ ея отношеніяхъ къ устройству государства», Арриба, царя эпирскаго, и законы молоссовъ. При чемъ тутъ этотъ Арриба и эти молоссы? спроситъ критикъ. Они указываютъ на то, что авторъ читалъ Монтаня и что онъ происходитъ изъ той же страны.

Но онъ въ то же время французъ, истый французъ изъ серьезной и размышляющей Франціи. Монтань разбрасывается въ своей мысли; Монтескье долженъ непремѣнно сосредоточить свою мысль: онъ стремится къ порядку, методу, послѣдовательности. Ему нуженъ планъ во всѣхъ дѣлахъ, ему нужны отношенія и сцѣпленія причинъ. Самая чудесная коллекція рѣдкихъ предметовъ недостаточна для него. Онъ не довольствуется только тѣмъ, чтобы прогуляться съ любителями по своей галлереѣ и посмѣиваясь наслаждаться ихъ удивленіемъ предъ разнообразіемъ формъ и безконечнымъ возобновленіемъ контрастовъ. Онъ хочетъ объяснить самому себѣ и другому это чудесное разнообразіе природы, открыть законы въ кажущемся безпорядкѣ явленій и удивить сходствомъ еще болѣе, чѣмъ контрастомъ. «Наша душа создана для того, чтобы мыслить, т.-е. чтобы понимать; но такое существо должно быть любознательнымъ: такъ какъ всѣ вещи находятся въ связи, при чемъ одна идея предшествуетъ или слѣдуетъ за другою, то нельзя стремиться видѣть одну вещь безъ желанія

видѣть за нею другую». Это—любознательность ученаго и историка.

Такого рода любознательность предполагаетъ полную независимость сужденія; послѣднимъ качествомъ Монтескье обладалъ всегда. Его мысль наименѣе подчинена предвзятымъ взглядамъ, она—одна изъ самыхъ свободныхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, какую только можно себѣ вообразить. Впрочемъ, хотя у него никогда не было предразсудковъ суевѣрія, за то одно время были предразсудки нечестія. Подъ вліяніемъ реакціи, совершавшейся въ его молодости противъ правовѣрія послѣднихъ лѣтъ Людовика XIV, онъ выказалъ себя вольнодумцемъ, доводящимъ свободу мысли до неуваженія и независимость въ отношеніи вѣры до враждебности. Но онъ не остался при этомъ мнѣніи. Размышленіе о порядкѣ явленій и идей отвратило его отъ скептицизма; глубокое изученіе соціальныхъ учрежденій заставило его относиться съ уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ. Но, какъ то замѣтилъ С.-Бевъ, относясь съ глубокимъ почтеніемъ «къ возвышенію и идеализаціи человѣческой натуры», онъ оставался всегда въ особенности политикомъ и историкомъ. Онъ воспринялъ и усвоилъ идеи справедливости и религіи скорѣе съ ихъ практической и положительной стороны, чѣмъ «внутреннимъ образомъ и въ нихъ самихъ» (virtuellement et en elles-mêmes). Не имѣя ни малѣйшей склонности къ метафизикѣ, онъ считалъ первопричины недостижимыми, не старался проникнуть въ нихъ и довольствовался вторичными причинами, вліяніе которыхъ

замѣтно для насъ и можетъ быть предметомъ опыта. Его взоры ограничивались земнымъ и не выходили за предѣлы человѣчества. Въ вещахъ, которыя находятся по ту сторону исторіи и міра, онъ полагался на свой инстинктъ живого и сознательнаго существа. Въ концѣ концовъ, онъ успакаивался на тѣхъ прекрасныхъ общихъ мѣстахъ человѣческой надежды, которыя по самой таинственности своей казались ему самымъ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ, какое только люди нашли для проблемы о своей конечной судьбѣ.

«Къ чему столько философіи? Богъ такъ далеко отъ насъ, что мы не можемъ составить о немъ даже приблизительнаго понятія. Мы можемъ познавать его только по его заповѣдямъ». Эти заповѣди начертаны внутри насъ, и общественный инстинктъ развиваетъ ихъ въ нашихъ душахъ по мѣрѣ того, какъ онъ побуждаетъ насъ создавать общество. «Если бы не было Бога, мы должны были бы все-таки любить справеливость, т.-е. поступать такъ, чтобы походить на то существо, о которомъ мы имѣемъ столь прекрасную идею, и которое, если бы оно существовало, было бы неизмѣнно справедливымъ. Если бы мы и были свободны отъ ига религіи, мы не должны бы были быть свободными отъ ига справедливости». «Если бы безсмертіе души было ошибкой, то мнѣ было бы горько не вѣрить въ него: признаюсь, я не такъ смиренен, какъ атеисты. Я не знаю, какъ они думаютъ; но что касается меня, то я не хочу промѣнять идеи о моемъ безсмертіи на идею о кратковременномъ счастіи одного дня. Я чувствую

неизъяснимое удовольствіе при мысли, что я безсмертенъ, какъ самъ Богъ. Независимо отъ идей откровенія, метафизическія идеи даютъ мнѣ сильную надежду на мое вѣчное блаженство, отъ котораго я не хотѣлъ бы отказаться».

На практикѣ онъ почти пришелъ къ выводу Паскаля не по сердечному томленію или безнадежности ума, но изъ осторожности и вслѣдствіе пренебреженія къ школьнымъ гипотезамъ и произвольнымъ системамъ, по сознанію законодателя особенно, по здравому смыслу гражданина, по чувству общественныхъ необходимостей, по уваженію къ человѣческому роду. Его природная склонность влекла его къ древнимъ, къ Марку Аврелію и Антонинамъ, которыхъ онъ называетъ «самымъ великимъ твореніемъ природы» (le plus grand objet de la nature). «Рожденные для общества, они думали, что ихъ предназначеніемъ было работать для него». Во всѣхъ трудахъ его можно найти этотъ духъ стоицизма, смягченный французской вѣжливостью и проникнутый современной гуманностью.

Я не говорю о милосердіи. Монтескье, который никогда не доходилъ до полнаго пониманія роли христіанства въ цивилизаціи, навсегда остался недоступнымъ для христіанскаго чувства. Онъ былъ добръ, великодушенъ. «Я никогда, говорилъ онъ, не могъ видѣть чьихъ-либо слезъ безъ глубокаго чувства соболѣзнованія; во мнѣ является чувство человѣколюбія къ несчастнымъ, какъ если бы они были единственными людьми». Но онъ боялся выразить это чувство.

Онъ думалъ, «что прекрасно то дѣло, источникомъ котораго является доброта, и которое для своего совершенія требуетъ усилій». Въ этомъ онъ доходилъ до аффектаціи: его отвращеніе къ ложной чувствительности принимало видъ холодности; страхъ его предъ тѣмъ, какъ бы не показаться обманутымъ въ своемъ чувствѣ или хвастающимся своими благодѣяніями, доходилъ до того, что онъ всячески избѣгалъ благодарности.

Въ эту сдержанность онъ вносилъ нѣкоторую долю сухости и много конфузливости. «Конфузливость была бичемъ моей жизни». Онъ признается, что благодаря послѣдней онъ особенно страдалъ предъ глупцами. Можно думать, что вслѣдствіе той же конфузливости онъ страдалъ иногда и съ женщинами. Онъ любилъ ихъ, любилъ ихъ подолгу, и самъ былъ любимъ нѣкоторыми. Онъ любилъ безъ пыла, безъ тревогъ, безъ романовъ, однимъ словомъ, но съ живостью, скорѣе ища забавы, чѣмъ нѣжности, будучи болѣе поверхностнымъ въ любви, чѣмъ въ занятіяхъ, но внося въ нее ту же самую любознательность лишь съ бо́льшею снисходительностью. Если у него и были страсти, то онѣ мало волновали его; если и были разочарованія, то онъ скоро утѣшался; хотя онъ и часто отдавался, но никогда не отдавался весь безъ остатка. «Я былъ слишкомъ счастливъ въ своей юности, чтобы привязаться къ женщинамъ, о которыхъ я зналъ, что онѣ меня любили; разъ я переставалъ вѣрить въ это, я сразу удалялся отъ нихъ». Въ немъ было что-то циническое. Это должно отмѣтить здѣсь, потому что

слѣды этого остаются въ его произведеніяхъ; это заразъ и знаменіе, и недостатокъ времени. Мы не знали бы Монтескье, если бы не усматривали въ немъ, по крайней мѣрѣ, мимоходомъ и украдкой, будуарнаго острослова и галантнаго судью, соревнователя въ утонченностяхъ президента Эно (Hénault) и президента де Бросъ.

«Общество женщинъ, сказалъ онъ разъ, портитъ нравы и создаетъ вкусы». Можно сказать противоположное этому о женщинахъ, которыхъ онъ зналъ: его нравственное чувство не притупилось въ ихъ обществѣ, но вкусъ испортился. Для того, чтобы понравиться имъ, онъ составилъ нѣкоторыя вещицы, которыя не служатъ къ украшенію его произведеній, и пересыпалъ свои лучшія страницы непристойными остротами, которыя портятъ эти страницы. Это обстоятельство и заставляло читать его книги въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ; но изъ-за того же самаго онѣ рискуютъ остаться въ пренебреженіи у современнаго намъ beau-mond'a,—не потому, что этотъ послѣдній сталъ менѣе легкомысленъ и выказалъ болѣе возвышенныя нравственныя чувства, но потому, что измѣнилась мода, а мода въ этомъ отношеніи и въ этой средѣ является самою нетерпимою цензурой. Распущенность, пикантная и полная нѣжнаго чувства у Фонтенелля, ироническая и обдуманная у Монтескье, унижающая и саркастическая у Вольтера, раздражающая у Руссо, сладострастная и обнаженная у Дидро,—эта распущенность у Шатобріана дѣлается надутой, у романтиковъ—театральной, въ школѣ, ко-

торая затѣмъ послѣдовала, — педантичной, патологической и угрюмой. Далека отъ этой школы и галиматьи госпиталя истеричныхъ забавная уличная шутка, въ которой охотно забывается Монтескье; отъ этой литературы отдѣляется тяжелый паръ, который въ современницахъ Монтескье вызвалъ бы чувство отвращенія и еще нѣчто несносное, что̀ для нихъ было бы худшимъ изъ скандаловъ: скуку.

Вотъ скандалъ, къ которому Монтескье никогда не давалъ повода. Онъ шутитъ въ интермедіяхъ, но не останавливается на этомъ слишкомъ долго, не желаетъ смѣшивать мотива виньетки съ предметомъ главы. Онъ фриволенъ такъ же, какъ любознателенъ, вслѣдствіе расточительности и шаловливости гасконскаго характера; но мыслитель очень скоро снова приводитъ бродягу на большую дорогу: за философомъ всегда остается послѣднее слово.

Онъ высоко ставилъ достоинство своего имени. Этотъ либеральный дворянинъ сильно увлекался своимъ происхожденіемъ. Онъ гордился принадлежностью къ расѣ завоевателей. «Наши отцы, германцы, люди воинственные и свободолюбивые»—эта мысль, которая такъ часто и въ столь разнообразныхъ формахъ встрѣчается въ его произведеніяхъ, является у него постоянною мыслью, выраженіемъ первоначальнаго предразсудка,—мыслью, которой онъ кичится, которую не подвергаетъ обсужденію, а, наоборотъ, старается закрѣпить своимъ чтеніемъ. Онъ говоритъ съ чувствомъ удовольствія: мои земли, мои вассалы. Эта сухая матерія о феодахъ, которая отталкиваетъ и смущаетъ

его современниковъ, для него имѣетъ вполнѣ личную прелесть генеалогіи.

Но знатокъ феодальнаго права сливается въ немъ съ членомъ парламента; если онъ не чувствуетъ расположенія къ должности, то онъ страстно убѣжденъ въ прерогативахъ своего сословія. И такъ какъ онъ пропитанъ древностью, то въ требованіе феодальныхъ вольностей онъ вноситъ своего рода республиканскую гордость, которая исходитъ непосредственно изъ Рима: «я видѣлъ издалека въ книгахъ Плутарха, что̀ такое были великіе люди». Изъ этого общенія съ древними онъ вынесъ стремленіе къ великимъ вещамъ, силу души, культъ политическихъ доблестей, традиція которыхъ погибла вокругъ него, но возстановленію которыхъ во Франціи онъ не мало способствовалъ. Онъ чувствуетъ отвращеніе къ поношенію, но склоненъ къ удивленію; онъ составилъ для себя галлерею великихъ національныхъ людей, «этихъ рѣдкихъ людей, которые могли бы быть признаны римлянами,» тѣхъ, о которыхъ, какъ о Тюреннѣ, можно сказать, что ихъ жизнь «была похвальнымъ гимномъ человѣчеству». Самыя прекрасныя страницы его—это портреты основателей государствъ.

Онъ прежде всего и болѣе всего — гражданинъ. «Не прекрасна ли цѣль работать для того, чтобы оставить послѣ себя людей болѣе счастливыми, чѣмъ были мы?» «У меня естественная любовь къ благу и чести моей родины... я всегда чувствовалъ скрытую радость, когда издавали какое-либо распоряженіе, клонившееся къ общему благу». Онъ ищетъ это общее благо;

онъ охотно для него работалъ бы; это было бы его славой, и мы видимъ, какъ одно время онъ стремился къ этой славѣ. Дворъ его отвергъ. Онъ былъ оскорбленъ этимъ. Горечь, которую онъ почувствовалъ при этомъ, излилась въ словахъ, по чувству и выраженію напоминающихъ Ла Брюйера: «Я питалъ сначала къ большей части высокопоставленныхъ лицъ дѣтскій страхъ; когда же я узналъ ихъ, я почти сразу перешелъ къ презрѣнію». «Я говорилъ человѣку: фи! у васъ столь же низкія чувства, какъ и у знатнаго человѣка!»

Тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ страдать отъ этого пренебреженія версальскаго двора, что на самомъ дѣлѣ былъ скроменъ. Всякая аффектація превосходства непріятно поражала его. «Авторы—персонажи театра». Онъ не понималъ ненависти, которую онъ считалъ чувствомъ, причиняющимъ боль. «Вездѣ, гдѣ я встрѣчаю зависть, я доставляю себѣ удовольствіе приводить ее въ отчаяніе». Онъ былъ самимъ собой (se livrait) только въ интимномъ кругу, «въ домахъ, гдѣ онъ могъ обходиться съ своимъ обыденнымъ умомъ». Этотъ умъ былъ необыкновенно смѣтливъ, гибокъ, блестящъ. Его друзья очаровывались и ослѣплялись имъ. Его знакомые, къ которымъ онъ относился индифферентно, и которые только слышали объ его разговорѣ, упрекали его въ холодности къ нимъ. Онъ легко съеживался, на видъ соглашаясь съ назойливыми людьми, лишь бы только не слушать ихъ и особенно имъ не противорѣчить, избѣгая спора, наблюдая свысока и «составляя свою книгу въ обще-

ствѣ», какъ говорила не безъ досады одна дама, около которой, говорятъ, онъ слишкомъ много размышлялъ.

Лучшій изъ друзей, самый пріятный и любимый, Монтескье умѣлъ примиряться и съ уединеніемъ,—и онъ даже искалъ его, когда призваніе мыслителя заставляло его чувствовать въ этомъ необходимость. У него былъ характеръ человѣка довольнаго: хорошее здоровье, ясность быстраго и сильнаго ума, неограниченная способность углубляться въ занятія. «У меня никогда не было грусти, которой не разсѣялъ бы часъ чтенія».... «Если кто захотѣлъ бы быть счастливымъ, то онъ легко достигъ бы этого; но обыкновенно хотятъ быть счастливѣе другихъ; а это почти всегда очень трудно, такъ какъ другихъ мы считаемъ болѣе счастливыми, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ». Вотъ благоразуміе, даже слишкомъ много благоразумія въ этихъ дѣлахъ воображенія и сердца, которыя такъ мало выносятъ его. Благотворительный и гуманный безъ чувствительности, онъ никогда ни одной привязанности не доводилъ до душевной тревоги и сердечныхъ мукъ. Это всегда одна и та же стоическая основа, прикрытая и пересыпанная гасконскимъ легкомысліемъ. Растенія, которыя растутъ на этой почвѣ, изобилуютъ соками и приносятъ удивительно питательные плоды, но они не развиваютъ зелени и не даютъ тѣни.

Хотя Монтескье глубокъ и блестящъ, но онъ былъ бы сухъ, если бы къ качествамъ наблюдателя, любознательнаго человѣка и мыслителя не

присоединялись и качества артиста. Онъ проникъ не только въ политическій смыслъ древности, но и въ поэтическій. «Этотъ античный міръ меня очаровываетъ, и я всегда готовъ повторять вмѣстѣ съ Плиніемъ: вы идете въ Аѳины, благодарите боговъ». Ему нравится «этотъ веселый видъ, разлитой во всей сказкѣ». Онъ считаетъ Телемака «божественнымъ произведеніемъ своего вѣка». За исключеніемъ одного романа, который онъ прочелъ въ зрѣлые года и который ему понравился, именно Manon Lescaut, всѣ остальные, появлявшіеся въ его время, расплывчатые, лишенные наблюдательности, съ плохимъ стилемъ, отвратили его отъ изящной литературы; безцвѣтная, холодная, чисто искусственная версификація отвратила его отъ поэзіи. Онъ находитъ ее только у Монтаня и въ античномъ мірѣ. Ставя себѣ впрочемъ въ заслугу то обстоятельство, что онъ пишетъ, какъ дворянинъ, а не какъ грамматикъ, онъ наскоро набрасываетъ свою мысль, какъ она приходитъ ему въ голову, — рельефно и образно; но онъ часто и долго возвращается къ ней; онъ вновь ее обдумываетъ, мараетъ, исправляетъ; онъ пишетъ, наконецъ, какъ писатель, выяснившій свой вкусъ и выработавшій свой стиль. «Что́ создаетъ обыкновенно великую идею, это —когда высказываютъ мысль, которая позволяетъ видѣть великое множество другихъ мыслей, и когда даютъ намъ возможность открыть сразу все то, на что мы могли бы надѣяться только послѣ долгаго чтенія».

Такимъ является предъ нами Монтескье около

1720 г., въ пору своей зрѣлости. Удивительная умѣренность души, ума и характера установила въ немъ и уравновѣсила одни другими самыя разнообразныя качества, которыя природа рѣдко соединяетъ въ одномъ человѣкѣ. Эти качества не составляютъ всего генія Франціи; но въ нихъ весь французскій умъ и духъ (raison et l'esprit). У насъ были философы болѣе возвышенные, мыслители болѣе смѣлые, писатели болѣе краснорѣчивые, болѣе скорбные и трогательные, болѣе плодовитые и богатые творцы типовъ и образовъ, но не было болѣе основательнаго наблюдателя человѣческихъ обществъ, болѣе мудраго совѣтника въ великихъ общественныхъ дѣлахъ, человѣка, который соединялъ бы въ себѣ столь тонкую смѣтливость въ индивидуальныхъ страстяхъ съ столь глубокою проницательностью въ государственныхъ учрежденіяхъ, у котораго, наконецъ, столь рѣдкій талантъ писателя являлся бы на службу столь совершенному здравому смыслу.

«Мой умъ—форма, говорилъ Монтескье; въ ней отливаются всегда одни и тѣ же портреты». Эти портреты имѣли свои этюды и свои эскизы, а оригиналами были великія историческія фигуры, которыя составляютъ галлерею Монтескье. Разсмотримъ первыя модели, которыя представились ему и напрашивались на воспроизведеніе. Это люди и событія регентства: ни одно общество не показывалось нагимъ такъ охотно и не вызывало такъ нагло сатиры.

II.

Персидскія письма [1]).

Людовикъ XIV только-что сошелъ со сцены; онъ скрылся въ своего рода мрачномъ и величавомъ закатѣ солнца. Современники и не думаютъ любоваться сумерками великаго царствованія. Они всецѣло предаются радости освобожденія. Никто не жалѣетъ о королѣ; онъ слишкомъ жестко наложилъ на всѣхъ французовъ «эту зависимость, которая поработила все». «Провинціи послѣ глубокой скорби о своемъ разрушеніи и упадкѣ легко вздохнули и трепетали отъ радости, говоритъ Сенъ-Симонъ; парламенты и всякаго рода судебныя власти, потерявшіе почти всякое значеніе вслѣдствіе эдиктовъ и апелляцій, снова начали надѣяться, первые—играть роль, вторыя—осво-

---

[1]) „Lettres Persanes“ были переведены на русскій языкъ въ 1892 г. въ изданіи Пантелѣева. Въ трехъ-четырехъ мѣстахъ настоящей главы мы и пользовались этимъ переводомъ. Есть и другой переводъ въ „Пантеонѣ Литературы“ за 1892 г. *Прим. перев.*

бодиться отъ гнета. Народъ, разоренный, обремененный податями, отчаявшійся, съ скандальнымъ шумомъ возсылаетъ Богу благодарственныя молитвы за освобожденіе, въ которомъ не сомнѣвались самыя пылкія его желанія». Въ обществѣ, гдѣ вращался Монтескье, среди остроумныхъ и вольнодумныхъ людей, не думали благодарить Бога, какъ то сдѣлалъ простой народъ; совершенно наоборотъ, свобода, установившаяся тамъ, возстановила вольный духъ, который прорвалъ всѣ плотины.

Онъ никогда не исчезалъ. Традиція его, говоритъ Сентъ-Бевъ, передавалась «непосредственно и непрерывно» отъ возрожденія къ Фрондѣ и отъ Фронды къ Регенству, чрезъ Ретца, С.-Эвремона, Вандома, Бэйля: все это были эпикурейцы и пирронисты. «Царствованіе Людовика XIV было ими какъ-бы подкопано». Этотъ король и его совѣтники въ духовныхъ дѣлахъ думали дѣлать чудеса, подавляя диссидентовъ. Гугеноты и янсенисты, все то, что хотѣло вѣрить согласно съ своей собственной совѣстью и благодатью, ниспосланной небомъ,—всѣ они подвергались преслѣдованіямъ, осуждались на смерть, уничтожались. Но невѣріе осталось: оно скрылось въ потаенные уголки души, сдѣлавшись самымъ страшнымъ врагомъ, которому только подвергалась церковь со времени Льва X, ибо оно было спокойно, сознательно и непоколебимо, какъ мысль того времени. Невѣрующіе вносили въ свое отрицаніе полноту и докторальную увѣренность, которыми отличался Боссюэтъ въ своей вѣрѣ. «Великою ересью міра, писалъ Николь, яв-

ляется уже не кальвинизмъ или лютеранизмъ, а атеизмъ».

Уничтожили протестантизмъ и янсенизмъ, оба имѣвшіе свое начало въ христіанскомъ духѣ. Такимъ образомъ прочистили широкую дорогу передъ духомъ Возрожденія, источникомъ котораго является языческій античный міръ. Король возстановилъ нравы Олимпа; примѣръ болѣе дѣйствительный, чѣмъ всѣ эдикты въ свѣтѣ. Политика, извлеченная Боссюэтомъ изъ Св. Писанія, не могла восторжествовать надъ моралью, извлеченной Людовикомъ XIV изъ миѳологіи. Одряхлѣвшій, обращенный и набожный король не нашелъ другого средства кромѣ покаянія; если онъ самъ и соблюдалъ послѣднее, то въ подданныхъ могъ развить только лицемѣріе. Распутство надѣло маску или совершалось при закрытыхъ дверяхъ.

Регентство освободило его отъ всякой узды. Повидимому, бахвальство порокомъ послѣдовало за показною набожностью, соревнователи Донъ Жуана заняли на аванъ-сценѣ мѣсто, которые еще недавно занимали соревнователи Тартюфа. Во всемъ стали сомнѣваться, обо всемъ спорили, все потрясалось. Папская булла Unigenitus возбудила страсти во всѣхъ вѣрующихъ; внутреннія ссоры въ церкви открыли брешь для вольнодумцевъ. Дюбуа вводитъ дебошъ въ политику; Ло вводитъ его въ экономическую жизнь. Раньше существовали игорные дома только для знатныхъ людей; отнынѣ они открыты для всего народа. И со всѣмъ тѣмъ никто не сомнѣвался въ томъ, что этотъ потокъ идей и страстей перевернулъ во Франціи

все вверхъ дномъ. Новое царствованіе внушало безграничныя надежды, самыя смѣлыя вещи казались возможными по той причинѣ, что ни одно не казалось страшнымъ.

Такъ думалъ Монтескье, увлеченный этими движеніями вѣка. Дворянинъ и членъ парламента, человѣкъ себѣ на умѣ, фрондеръ, но въ то же время великодушный, пламенно желающій реформъ и довѣрчивый въ отношеніи иллюзій, стремящійся къ славѣ, ищущій популярности (désireux de plaire), мечтающій о просвѣщеніи своей страны и о томъ, чтобы играть роль въ высшемъ свѣтѣ, захваченный, однимъ словомъ, «этой болѣзнью писать книги», которыя и есть его призваніе; но въ то же время осторожный, заботливый въ отношеніи приличій своего сословія, безъ всякой наклонности къ скандалу и еще менѣе къ испытаніямъ, онъ ищетъ для своихъ идей покрывала достаточно прозрачнаго и скромнаго для того, чтобы его произведеніе, не задѣвая оффиціальной щепетильности цензоровъ, было занимательно для любознательныхъ умовъ. Онъ предполагаетъ, что два перса—одинъ болѣе веселый и насмѣшливый, Рика, другой болѣе созерцательный и разсудительный, Узбекъ, — путешествуютъ по Европѣ, обмѣниваются своими впечатлѣніями, извѣщаютъ своихъ друзей въ Персіи о томъ, что дѣлается въ Европѣ, и получаютъ отъ нихъ свѣдѣнія о происходящемъ въ Персіи. Фабула не была совершенно новой; для насъ неважно знать, не заимствовалъ ли её Монтескье у Дюфрени; онъ былъ человѣкомъ изобрѣтательнымъ, и во всякомъ случаѣ

онъ усвоилъ её себѣ. Идея о Персіи была взята имъ у Шардена. Очень милые разсказы этого путешественника были однимъ изъ его любимыхъ чтеній; оттуда онъ извлекъ свои теоріи о деспотизмѣ и о климатахъ; онъ вдохновлялся ими при выборѣ романа, который былъ имъ включенъ въ «Персидскія письма» и при выборѣ декораціи, на фонѣ которой онъ помѣстилъ свои персонажи: это—самая сомнительная часть книги. Она была въ большой модѣ, теперь она совершенно устарѣла.

Монтескье очень увлекался книгой «Тысяча и одна ночь»; онъ могъ бы найти въ ней всѣ элементы подражанія восточной сказкѣ. Но онъ объ этомъ не подумалъ. Его романъ напоминаетъ, только съ менѣе раздражающей прелестью, разсказы Кребильона-сына, за исключеніемъ легкости и пріятныхъ невѣроятностей—сказки Гамильтона. Въ этихъ скабрезныхъ разсказахъ замѣтно стремленіе къ точности, совершенно неумѣстное и производящее непріятное впечатлѣніе. Если бы Монтескье ограничился подробнымъ воспроизведеніемъ нравовъ, собранныхъ Шарденомъ, то эти подробности по точному смыслу могли бы быть сочтены за мѣстную окраску. Но ничего подобнаго не было. Монтескье вышиваетъ по канвѣ путешественника, и вышиваетъ по ней на свой образецъ парламентскаго циника. «Скромность, говоритъ гдѣ-то Шарденъ, не позволяетъ даже вспомнить о томъ, что мы слышали по этому поводу». Монтескье не слышалъ того, что онъ вообразилъ, и, отбросивъ всякую скромность, написалъ объ этомъ. Въ его произведеніи

вся гаремная обстановка—скорѣе гасконская, чѣмъ персидская, вся полигамія—скорѣе европейская, нежели восточная, выставка которой на показъ имѣетъ видъ, я не знаю, чего-то фальшиваго, поблекшаго, увядшаго, что насъ раздражаетъ и оставляетъ холодными.

Монтескье доводитъ Шардена не только до распущенности, но и до трагическаго. У его персовъ мрачная и безпокойная ревность. «О, я несчастный!—восклицаетъ Узбекъ. Я желаю снова увидѣть мою родину, быть можетъ, для того, чтобы стать еще несчастнѣе! И что мнѣ тамъ дѣлать?... я вступлю въ сераль; мнѣ придется требовать отчета за все роковое время моего отсутствія... что будетъ, если наказанія, которыя самъ же я и назначу, останутся на вѣчныя времена свидѣтельствовать о моемъ позорѣ и отчаяніи?» Онъ говоритъ зловѣщимъ тономъ объ «этихъ фатальныхъ дверяхъ, которыя открываются только для него». Тѣ, которые охраняютъ ихъ, не «тѣ старые безобразные и чудные рабы», которыхъ наблюдалъ Шарденъ; это напыщенныя жертвы фатальной судьбы. Эти евнухи, повидимому, были очень учены и занимали у знатныхъ персовъ мѣсто наставниковъ.

Вотъ слабыя стороны произведенія; отчасти это и создало имъ успѣхъ. Эта мода прошла; наши моды также исчезнутъ. Остановимся на томъ, что долговѣчно. Прежде о стилѣ: онъ необыкновенно нервенъ, кратокъ, выразителенъ, особенно точенъ, умѣренъ и удивительно богатъ оборотами и выраженіями; болѣе живой, легкій и рѣзкій въ переходахъ, чѣмъ у С.-Эвре-

мона; менѣе натянутъ и обдуманъ, нежели у Ла Брюйера. Монтескье не выискиваетъ съ такимъ стараніемъ украшеній и фигуръ, какъ это будетъ позднѣе, когда онъ заговоритъ о болѣе сухихъ предметахъ; ему кажется—и это справедливо,—что разнообразія мысли достаточно здѣсь для того, чтобы читатель не скучалъ. Это настоящій потокъ французскаго ума: онъ течетъ по немного каменистому ложу; но какъ прозрачны воды! сколько веселья, прелести и свѣта въ струйкахъ и маленькихъ каскадахъ! Это потокъ, направляющійся къ Вольтеру и Бомарше; Стендель и Мериме въ нашемъ вѣкѣ приняли его и направили къ намъ, но въ менѣе свободныхъ берегахъ, по болѣе излучистому и осушенному ложу.

«Персидскія письма» изобилуютъ характерами и указаніями на нравы. Монтескье, впослѣдствіи выказавшій себя столь глубокимъ знатокомъ человѣка въ общественномъ отношеніи, въ этихъ письмахъ является проницательнымъ и ироническимъ наблюдателемъ свѣтскихъ людей. Преданіе утверждаетъ, что въ Узбекѣ онъ описалъ самого себя: Узбекъ много резонерствуетъ о дѣлахъ и старательно изслѣдуетъ причины; онъ проповѣдуетъ разводъ, превозноситъ самоубійство, восхваляетъ стоиковъ; но онъ очень буренъ въ своей любви, меланхоличенъ въ ревности и желченъ въ пресыщеніи удовольствіями. Это никогда не могло быть свойствомъ гасконца, очень непринужденнаго въ отношеніи сердца, который привязывается съ легкостью, разстается безъ горечи и который отъ всѣхъ своихъ горестей излѣчивается нѣсколькими

страницами Плутарха или Монтаня. Рика, по крайней мѣрѣ, столько же похожъ на Монтескье; но на самомъ дѣлѣ онъ только другая фигура того же лица. Эти два перса—близнецы. Узбекъ держитъ перо, когда Монтескье проповѣдуетъ своимъ современникамъ о нравственности; Рика беретъ его, когда Монтескье смѣется надъ ними. И какъ тонко онъ пронизируетъ!

Его галлерея смѣшныхъ лицъ стоитъ самыхъ знаменитыхъ коллекцій этого рода: вельможа, «одинъ изъ людей королевства, который умѣетъ выставить себя съ самой лучшей стороны», который «беретъ свою понюшку табаку съ такимъ величіемъ, такъ немилосердно сморкается, плюетъ съ такой флегмой, ласкаетъ свою собаку столь оскорбительнымъ для людей образомъ», что не устаешь ему удивляться; духовникъ; негодяй въ литературѣ, который съ бо́льшимъ удовольствіемъ снесетъ удары на спинѣ, чѣмъ критику на свои труды; «всезнайка» (décisionnaire), который представляетъ собою одинъ изъ самыхъ живыхъ эскизовъ произведенія.

«На дняхъ мнѣ пришлось быть въ одномъ обществѣ, гдѣ я встрѣтилъ необыкновенно самодовольнаго человѣка. Въ какіе-нибудь четверть часа онъ разрѣшилъ три вопроса по части нравственности, четыре историческихъ загадки и пять физическихъ задачъ. Я никогда не видывалъ такого всеобъемлющаго знатока; онъ не задумывался и не сомнѣвался ни минуты. Отъ наукъ перешли къ текущимъ новостямъ: онъ и тутъ зналъ все лучше всѣхъ. Я хотѣлъ его

поймать и подумалъ про себя: заговорю о томъ, въ чемъ я всего сильнѣе; попробую забраться въ область своего отечества. И сталъ говорить съ нимъ о Персіи; но не успѣлъ я сказать и четырехъ словъ, какъ онъ оборвалъ меня два раза, ссылаясь на авторитетъ господъ Тавернье и Шардена. Господи! мысленно воскликнулъ я, да что же это, наконецъ, за человѣкъ? Вѣдь этакъ онъ скоро станетъ увѣрять, что лучше меня знаетъ испаганскія улицы! Я скоро хватился за умъ и замолчалъ; а онъ разглагольствуетъ и по-сейчасъ».

Персы Монтескье суровы къ женщинамъ; я думаю, что это тѣ женщины, съ которыми Монтескье встрѣчался въ обществѣ, гдѣ онъ развлекался, и съ слабостями которыхъ онъ былъ, быть можетъ, лично знакомъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ пристрастіи къ игрѣ съ цѣлью «способствовать успѣхамъ другой болѣе важной для нихъ страсти», когда онѣ молоды, и заполнить пустоту этой страсти, когда почувствуютъ себя старыми. Онъ скажетъ позднѣе, и скажетъ уже напрямикъ: «каждый пользуется ихъ прелестями и страстями и съ ихъ помощью дѣлаетъ свою карьеру». Онъ неумолимъ къ людямъ, которые составили себѣ карьеру этимъ путемъ. Онъ клеймитъ этихъ альковныхъ негодяевъ, прототиповъ Ловеласа и Вальмона, которые путемъ развращенности создаютъ себѣ общественное положеніе и нагло хвастаются своимъ негодяйствомъ: «что ты скажешь о странѣ, гдѣ терпятъ подобныхъ людей и гдѣ оставляютъ жить людей, занимающихся такимъ ремесломъ? гдѣ невѣрность, из-

мѣна, насиліе, коварство и несправедливость доставляютъ человѣку почетъ»? Здѣсь говоритъ уже не легкомысленный или свѣтскій человѣкъ, а дворянинъ и членъ парламента; это напоминаетъ у Мольера воззваніе Донъ Луи къ Донъ Жуану и величественную ремонстранцію отца Лжеца.

Это тотъ же духъ, болѣе близкій къ Сенъ-Симону, чѣмъ къ Вольтеру, который обнаруживается въ постоянной сатирѣ на короля, дворъ и вельможъ. Монтескье поноситъ Людовика XIV, котораго онъ видѣлъ въ его дряхлости, которому льстили его подчиненные, который завидовалъ простотѣ пріемовъ турецкаго султана въ правленіи. Онъ признаетъ за Людовикомъ XIV только формы справедливости, политики и набожности: ничего, кромѣ вида великаго короля. Несправедливый къ государю, онъ справедливъ къ его слугамъ. Я не нахожу у Ла Брюйера болѣе жесткаго заявленія, нежели слѣдующее: «Во Франціи сословіе лакеевъ гораздо болѣе уважается, чѣмъ въ другихъ странахъ: это—разсадникъ вельможъ, онъ пополняетъ пробѣлы въ другихъ сословіяхъ. Принадлежащіе къ нему люди замѣщаютъ неудачниковъ-вельможъ, разорившихся судей, дворянъ, убитыхъ среди ужасовъ войны; а если они не могутъ замѣщать вакансіи лично, то спасаютъ знатные дома отъ всякихъ бѣдъ посредствомъ своихъ дочерей, изображающихъ нѣчто въ родѣ навоза, удобряющаго каменистую и безплодную почву».

Монтескье рисуетъ предъ нами монарха деспота, министровъ, не имѣющихъ никакой системы, непроч-

ное правительство, потерявшіе всякое значеніе парламенты, ослабленіе семейныхъ узъ, упадокъ сословій, зависть привилегированныхъ классовъ, однимъ словомъ, всѣ признаки близкаго крушенія режима. Какой контрастъ между Версалемъ, «гдѣ всѣ малы», и Парижемъ, «гдѣ всѣ велики»,—гдѣ царствуютъ «свобода и равенство», «стремленіе къ труду», бережливость; гдѣ «страсть къ обогащенію переходитъ отъ сословія къ сословію, отъ ремесленниковъ къ вельможамъ»! Это соревнованіе не лишено въ своемъ основаніи зависти; тѣмъ не менѣе оно является одною изъ причинъ національной дѣятельности. «Даже среди самыхъ низкихъ ремесленниковъ нѣтъ такихъ, которые не разсуждаютъ о превосходствѣ того ремесла, которое они выбрали; каждый считаетъ себя выше того, который принадлежитъ къ другой профессіи, сообразно съ представленіемъ, которое онъ имѣетъ о превосходствѣ своего ремесла». И этотъ Парижъ— только образъ націи. По всей Франціи видишь «трудъ и изобрѣтательность». «Гдѣ же, пишетъ Узбекъ своему другу, тотъ изнѣженный народъ, о которомъ ты столько говоришь?»

Таковы французы; они заразъ стремятся къ зажиточности и страстно относятся къ равенству. Монтескье не замѣчаетъ въ нихъ элементовъ демократіи, которая образовалась подъ сѣнью короны и которая обнаружитъ характеръ, совершенно отличный отъ характера античныхъ демократій. Онъ остается и навсегда останется при римской свободѣ и при политической добродѣтели Ликурга. Онъ противопоста-

вляетъ, по дѣйствительному контрасту и по сатирической игрѣ фигуръ, республику монархіи; но это—республика древнихъ. Онъ не представляетъ себѣ другой республики. Какъ только онъ касается этой великой проблемы, онъ расплывается въ грезахъ; здѣсь въ этой фантазіи «Персидскихъ писемъ» завязываются узы, которыя соединяютъ этого реформатора стараго порядка съ апостолами революціи. Монархія, говоритъ Узбекъ, «есть насильственное состояніе, которое всегда вырождается въ деспотизмъ»... «Алтарь чести, славы и добродѣтели, повидимому, установленъ въ республикахъ и странахъ, гдѣ можно произносить слово «отечество».

«Я часто слышалъ отъ тебя, писалъ одинъ изъ друзей Узбека, что люди родились для того, чтобы быть добродѣтельными, и что́ справедливость есть качество, которое такъ же свойственно имъ, какъ и существованіе. Объясни мнѣ, пожалуйста, что ты подъ этимъ подразумѣваешь». Монтескье ни разу не объяснилъ этого достаточно ясно. Этотъ вопросъ о происхожденіи и объ основаніи права заставлялъ его всегда смущаться, избѣгать объясненія и отдѣлываться неопредѣленными выраженіями. За неимѣніемъ лучшаго онъ выпутывается изъ этого положенія съ помощью басни—исторіи троглодитовъ, которая показываетъ, «что можно быть счастливыми, только будучи добродѣтельными». Онъ создалъ Салентъ, но очень отличный отъ Фенелонова Салента. Послѣдній былъ идеаломъ будущаго правительства герцога Бургундскаго при министерствѣ Бовилье. Троглодиты

Монтескье являются предвѣстниками государства Мабли и республики Руссо.

Будучи фрондеромъ и человѣкомъ парадоксальнымъ въ политикѣ, Монтескье въ «Персидскихъ письмахъ» очень вольнодуменъ по отношенію къ религіи. Онъ молодъ, надѣется на свой умъ, увѣренъ въ своемъ здоровьѣ, въ своей жизни. Онъ рѣшителенъ, рѣзокъ, безжалостенъ къ свѣтскимъ компромиссамъ и къ обращеніямъ въ предсмертную минуту. Онъ пишетъ легко, какъ ловкій врачъ, дѣлающій операцію, повидимому, едва касающійся кожи, но на самомъ дѣлѣ рѣжущій очень глубоко. Въ письмахъ объ измѣненіяхъ вселенной и о доказательствахъ исламизма является въ зародышѣ вся вольтеровская полемика; но это Вольтеръ болѣе могучій и болѣе краткій. Монтескье о церкви говоритъ съ ироніей, о теологахъ—съ пренебреженіемъ, о монахахъ—съ презрѣніемъ. Даже миссіонеры не находятъ пощады въ его глазахъ: «это прекрасный проектъ дать возможность двумъ капуцинамъ подышать воздухомъ Касбина!»

Монтескье не считаетъ хорошими ни государство, ни общество, въ которомъ распространяютъ новыя религіи; но онъ думаетъ, что вездѣ, гдѣ существуютъ различныя религіи, должно обязать ихъ жить въ мирѣ. Эта косвенная и несовершенная вѣротерпимость очень далека отъ свободы совѣсти; однако современники хорошо приспособились бы къ ней. Великая заслуга заключается уже въ постановкѣ, и великая смѣлость — въ публичной защитѣ вѣротерпимости. Монтескье краснорѣчиво требуетъ ея. Его письма

объ ауто-да-фе, его взгляды на преслѣдованіе евреевъ, его намеки на отмѣну Нантскаго эдикта относятся къ числу страницъ, которыя наиболѣе украшаютъ его сочиненія. Онѣ предвозвѣщаютъ автора «Духа законовъ».

Этотъ авторъ все яснѣе и яснѣе вырисовывается предъ нами по мѣрѣ того, какъ продолжается переписка между двумя персами. Романъ, условность, восточныя пустыя прикрасы, мишура первыхъ шаговъ мало-по-малу исчезаютъ изъ произведенія. Замѣтки историка, взгляды моралиста занимаютъ мѣсто разбросанныхъ наблюденій и позорящихъ насмѣшекъ сатирика. Здѣсь Монтескье является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, и такимъ, какимъ онъ бывалъ, размышляя о прочитанномъ. Послѣднія страницы «Персидскихъ писемъ» даютъ намъ, я думаю, самое лучшее и самое полное представленіе о замѣткахъ, которыя онъ дѣлалъ и которыя, какъ говорятъ, отчасти сохранились въ Ла Бредѣ. Монтескье развивалъ въ этихъ письмахъ то, что приходило ему на умъ, когда онъ размышлялъ, по мѣрѣ того, какъ обдумывалъ. Онъ подходитъ стороной и мимоходомъ къ большей части проблемъ, въ которыя скоро захочетъ углубиться и которыя постарается привести въ стройную систему. Тамъ и сямъ проскальзываютъ его идеи о международномъ правѣ и о завоеваніи, о прогрессѣ наукъ, классификаціи формъ правленія, о феодальномъ и германскомъ происхожденіи свободы, и обнаруживаются иногда онѣ съ дѣйствительной полнотой между строками этихъ писемъ. Его сужденія о разло-

женіи турецкой имперіи и паденіи Испаніи, которую онъ такъ тонко изслѣдовалъ, часто цитировались. Я не могу отказать себѣ въ извлеченіи нѣсколькихъ строкъ изъ письма объ испанцахъ. Тутъ можно видѣть причины удивленія Стендаля предъ «Персидскими письмами». Соревнователи Монтескье въ нашъ вѣкъ, конечно, не превзошли его въ этомъ замѣчательномъ образцѣ хорошаго владѣнія перомъ.

«Навѣрно ни одна султанша въ султанскомъ сералѣ такъ не гордилась своей красотой, какъ гордится какой-либо старый уродъ своей, якобы, бѣлизной оливковаго цвѣта, сидя, сложа руки, на порогѣ своего дома въ какомъ-либо мексиканскомъ городишкѣ. Такой значительный человѣкъ, такое совершенство ни за какія сокровища въ мірѣ не станетъ работать и никогда не рѣшится рисковать честью и достоинствомъ своей бѣлой кожи, занимаясь низкимъ и кропотливымъ ремесломъ... Однако, хотя эти неумолимые враги труда щеголяютъ своимъ философскимъ спокойствіемъ, въ душѣ они далеко неспокойны, такъ какъ всегда влюблены. Они первые въ Европѣ мастера умирать отъ любовнаго томленія подъ окнами любовницы; испанецъ безъ насморка не можетъ считаться галантнымъ. Это народъ прежде всего набожный, а потомъ ревнивый... Они говорятъ, что солнце встаетъ и заходитъ въ ихъ владѣніяхъ; но надо прибавить, что при этомъ оно встрѣчаетъ на своемъ пути только разрушенныя селенія и пустыни».

Я присоединю еще черту, которая является постоянной чертой книги и въ которой высказывается

весь человѣкъ: это—совершенная умѣренность въ сужденіи и благоразуміе въ желаніяхъ. Осторожность законодателя постоянно смягчаетъ у Монтескье суровость мнѣній и пылкое стремленіе къ утопіямъ. Этотъ именно духъ диктуетъ Узбеку слѣдующее знаменитое правило: «Иногда необходимо измѣнять нѣкоторые законы. Но такіе случаи встрѣчаются рѣдко; а когда онъ встрѣтится, нужно прикасаться къ нему очень осторожно». Этотъ же духъ внушаетъ, наконецъ, слѣдующія правила, которыя предвозвѣщаютъ и резюмируютъ будущую книгу: «Я часто размышлялъ, какой образъ правленія наиболѣе соотвѣтствовалъ бы разуму. Мнѣ кажется, что самый совершенный образъ правленія тотъ, который достигаетъ своей цѣли съ наименьшими издержками; такъ что то правительство, которое правитъ людьми такимъ образомъ, какъ это наиболѣе согласуется съ ихъ вкусами и наклонностями,—это правительство наиболѣе совершенно». Въ этихъ словахъ изъ «Персидскихъ писемъ» заключается вся политика «Духа законовъ», а вотъ и полная философія его: «природа дѣйствуетъ всегда медленно и, такъ сказать, экономно; ея дѣйствія никогда не бываютъ насильственными; въ своей производительности она стремится къ умѣренности; она дѣйствуетъ всегда правильно и разсчетливо; если её насилуютъ, она скоро истощается».

III.

Свѣтъ.—Гнидскій храмъ.—Академія.—Путешествія.

«Персидскія письма» могли появиться только анонимно, съ помѣткой иностраннаго издателя. Цензура приспособилась къ этимъ уверткамъ, которыя ни для кого не были тайной. Отпечатанныя въ Руанѣ, какъ и ихъ знаменитыя предшественницы «Провинціальныя письма», «Персидскія письма» имѣли помѣтку амстердамскаго книгопродавца. Монтескье примѣнялъ на дѣлѣ самъ и внушалъ окружающимъ терпимость, которую онъ проповѣдовалъ: онъ имѣлъ секретаремъ аббата Дюваля, который былъ не безъ образованія, и другомъ одного ораторьянца отца Демоле, который не имѣлъ ничего общаго съ инквизиціей. Аббатъ Дюваль держалъ корректуру книги; отецъ Демоле отговаривалъ Монтескье отъ ея печатанія; но такъ какъ онъ былъ человѣкомъ умнымъ и хорошимъ угадчикомъ, то прибавлялъ: «она будетъ раскупаться на расхватъ». Это и случилось на самомъ дѣлѣ. «Персидскія письма» въ формѣ, удовлетворявшей всѣмъ

вкусамъ того времени, заключали въ себѣ мысли, которыя отвѣчали настроенію всѣхъ современниковъ. Произведеніе это появилось въ 1721 г., въ теченіе года оно выдержало четыре изданія и столько же контрафакцій.

Этотъ блестящій успѣхъ не прошелъ безъ того, чтобы не вызвать порицанія и не возбудить зависти. Имя автора скоро сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ. Свѣтъ, который развлекался книгой, былъ недоволенъ тѣмъ, что авторомъ ея является одинъ изъ его среды. Ну, еще прилично пасквилянту, во всякомъ случаѣ не президенту, критиковать такимъ образомъ государство, нравы, религію. Писатели пишутъ подобнаго рода памфлеты, свѣтскіе люди забавляются ими, слуги короля ихъ осуждаютъ, авторъ идетъ въ тюрьму, а читатель доволенъ. «Черты эти, сказалъ Аржансонъ, такого рода, что умный человѣкъ отлично можетъ понимать ихъ, но человѣкъ благоразумный никогда не позволитъ себѣ ихъ напечатать». «Нужно щадить въ этомъ отношеніи человѣческій умъ», писалъ Мариво въ своемъ Spectateur français. Завистники превзошли критиковъ. «Когда я добился нѣкотораго уваженія со стороны публики, говоритъ Монтескье, я лишился уваженія людей со значеніемъ; я испыталъ тысячу непріятностей». Находили, что онъ слишкомъ уменъ; было очевидно, что его считали уже не фрондеромъ, а нечестивцемъ и почти бунтовщикомъ. Онъ страдалъ отъ этого до такой степени, что не рѣшался публично признавать свое произведеніе, которое составило его славу. «Я имѣю слабость писать

книги, писалъ онъ, и стыдиться этого, когда я ихъ напишу».

Это были непріятности успѣха, но ему доставляло большое удовольствіе все то, что только могло его утѣшить. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ; ему было 33 г., и онъ любилъ еще, какъ самъ онъ позаботился сказать объ этомъ. Онъ часто посѣщалъ это галантное и просвѣщенное общество, которое составляло очарованіе вѣка и до сихъ поръ остается его украшеніемъ. Онъ познакомился съ Морепа, графомъ Каллью, кавалеромъ Эди, котораго онъ такъ глубоко уважалъ, и къ которому, кажется, относились слѣдующія его слова: «Я влюбленъ въ дружбу». Онъ бывалъ у m-me Тенсенъ, m-me Ламбертъ, m-me дю Деффандъ; онъ былъ также принятъ въ Шантильи у герцога Бурбонскаго. Тамъ онъ встрѣтилъ m-me де При, которая принимала гостей этого принца, гостей его замка и его правительства. Монтескье сумѣлъ заслужить расположеніе этой фаворитки. Онъ хотѣлъ, говорятъ, чтобы его еще болѣе отличила сестра герцога Марія-Анна Бурбонская, m-lle де Клермонъ. Она была 27-ми лѣтъ, красива, образованна, въ особенности весела. Наттье изобразилъ её въ видѣ наяды очень яркими и увлекательными красками. По преданію, Монтескье былъ ослѣпленъ ея прелестями и съ цѣлью ей понравиться написалъ «Гнидскій храмъ» (Temple de Gnide).

Это маленькая поэма въ прозѣ, представленная имъ въ видѣ перевода съ греческаго языка. «Только очень завитыя и напудренныя головы, говоритъ

онъ, могутъ понять всѣ достоинства «Гнидскаго храма». Этимъ онъ указываетъ на искусственный характеръ и анахронизмъ; онъ относитъ это къ числу бездѣлушекъ, которыя пустота его вѣка завѣщала любознательности нашего вѣка. Отъ этого букета пріятныхъ благоуханій, который долженъ былъ привести въ восторгъ Шантильи, уже не остается ничего, кромѣ аромата въ сухой ладонкѣ въ кабинетѣ стиля рококо. Леонаръ и Колардо переложили въ стихи квинтъ-эссенцію этихъ мадригаловъ; ихъ изящная риторика въ своемъ родѣ лучше риторики Монтескье. Это не служитъ къ похвалѣ сочиненія.

Но этотъ самый недостатокъ указываетъ на превосходство Монтескье. Для этой аллегорической шутки онъ слишкомъ кратокъ, точенъ, слишкомъ богатъ мыслями. Онъ проявляется только временами, когда забываетъ своихъ напудренныхъ и завитыхъ читательницъ; принявшись за подражаніе серьезно, онъ дѣйствительно перевелъ своей прекрасной прозой одинъ отрывокъ изъ античной поэмы, которой онъ вдохновился, и которая засѣла въ его памяти. Его близкое знакомство съ древними, его необыкновенное проникновеніе въ ихъ поэтическій геній давало ему возможность быть при этомъ по временамъ поэтичнымъ и живымъ. Нота эта—единственная въ то время: ни Леонаръ, ни Колардо не понимали ея: ихъ тонкій клавесинъ не сумѣлъ бы передать ясности и полноты этого звука. Нужно было почти столѣтіе для того, чтобы эта нота нашла въ литературѣ свой отголосокъ, обновила её и возвратила ей молодость.

«Иногда она говоритъ, обнимая меня: ты печаленъ.—Это правда, отвѣчаю я ей: но грусть влюбленныхъ пріятна; я чувствую, какъ текутъ мои слезы,—я не знаю почему,—потому что ты меня любишь; мнѣ не на что жаловаться, а я жалуюсь. Не выводи меня изъ томленія, въ которомъ я нахожусь, позволь мнѣ вздыхать въ одно и то же время моими печалями и радостями. Въ порывахъ любви моя душа бываетъ слишкомъ взволнована; она увлекается своимъ счастіемъ, не пользуясь имъ; въ настоящую минуту мнѣ пріятна самая печаль моя. Не лишай меня моихъ слезъ: что за бѣда, что я плачу, разъ я счастливъ?»

Не напоминаетъ ли это извлеченія въ прозаической формѣ изъ элегіи Андрэ Шенье? Вакханалія VI пѣсни заставляетъ думать о планахъ неоконченныхъ эклогъ автора Mendiant. Шенье пилъ изъ того же источника, онъ много читалъ Монтескье, и это отразилось на его прозѣ. Мнѣ кажется, что здѣсь вырисовывается родственная черта между величайшимъ прозаикомъ своего вѣка и его величайшимъ поэтомъ. Монтескье не былъ способенъ «извлечь изъ своей груди стихъ, полный любви и слезъ»; кажется, что его коснулся, по крайней мѣрѣ, отраженный лучъ изъ Греціи. Это—духъ предшественника; этотъ характеръ, единственный въ своемъ родѣ, проявляется уже въ этой вещицѣ. Онъ здѣсь только забавляется. но въ ней видны проблески его генія. Въ ней обнаруживается также испорченный языкъ и выставленъ театральный хламъ, который неискусные подража-

тели приняли за настоящій стиль и костюмъ древности: «веселье и невинность», которыя появились, не знаю откуда, у нимфъ Венеры, «сердце гражданина», которое составляетъ тамъ наиболѣе странную фигуру, и этотъ довольно плутовской эскизъ «дочерей гордаго Лакедемона», который заимствованъ, повидимому, какимъ-то язвительнымъ художникомъ въ концѣ праздника эпохи Директоріи.

«Гнидскій храмъ» появился въ Парижѣ въ 1725 г. съ привиллегіей короля. Монтескье не побоялся теперь выставить на немъ свое имя. Онъ отваживается и представляется во французскую академію. Недавно онъ осмѣялъ это учрежденіе; онъ принадлежалъ къ обществу, изъ котораго выбирали членовъ: его избрали; но онъ слылъ авторомъ «Персидскихъ писемъ», и король отказалъ въ своемъ согласіи на выборъ академіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Монтескье не жилъ въ Парижѣ. Монтескье вернулся въ Бордо и занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ. Онъ прочиталъ въ 1725 г. въ академіи этого города извлеченія изъ стоическаго трактата Des Devoirs и Réflexion sur la considération et la réputation. Онъ произнесъ также рѣчь--Discours sur les notifs qui doivent nous encourager aux sciences,—полную прекраснаго чувства гуманности. Затѣмъ онъ продалъ свою должность президента и переселился въ Парижъ. Въ это время онъ началъ набрасывать въ своихъ мысляхъ планъ «Духа законовъ». Но принятіе въ академію совершилось еще до появленія шедевра.

Онъ снова представился въ академію въ 1727 г.

Кардиналъ Флери имѣлъ еще нѣкоторое желаніе устранить его, но Монтескье и его друзьямъ удалось уничтожить колебанія министра. Избранный 5 января 1728 г., онъ 24 числа былъ принятъ тамъ. Его рѣчь не относится къ числу такихъ, которыя даютъ особыя права; можно похвалить только сжатость слога вмѣстѣ съ прекрасной фразой о мирѣ и о человѣческой крови, «этой крови, которая постоянно оскверняетъ землю». Монтескье, изъ приличія и принаравливаясь къ обычаю, прославлялъ Ришелье, котораго ненавидѣлъ, и Людовика XIV, котораго разносилъ. Малле, принимавшій его, пригласилъ его оправдать свое избраніе возможно скорымъ изданіемъ «своихъ явныхъ трудовъ». Онъ прибавилъ не безъ ехидства: «Вы будете предупреждены публикой, если не предупредите ея сами. Талантъ, который она замѣчаетъ въ Васъ, заставитъ ее приписать Вамъ анонимныя произведенія, въ которыхъ она найдетъ воображеніе, живость, смѣлые штрихи; и для того, чтобы почтить Васъ, она отдастъ ихъ Вамъ, несмотря на предосторожности, которыя внушило Вамъ Ваше благоразуміе». Малле самъ написалъ только оду, когда въ 1715 г. замѣстилъ кавалера де Туррейля. Потомство, вѣроятно, не знало бы о немъ ничего, если бы случай не далъ этому нескромному версификатору возможность пожурить Монтескье за недостаточность его правъ.

Монтескье имѣлъ слабость обидѣться на это. Онъ рѣдко появлялся въ академіи; утверждаютъ, что онъ чувствовалъ себя тамъ неловко: онъ не чувствовалъ

себя принятымъ такъ, какъ желалъ бы того. Онъ захотѣлъ путешествовать, чтобы самому изучить учрежденія и обычаи народовъ. Онъ поѣхалъ посмотрѣть Европу. Началъ онъ съ Германіи и Австріи въ сообществѣ англійскаго дипломата графа Вальдеграва, племянника маршала Бервикъ. Монтескье познакомился съ этимъ маршаломъ въ Бордо, и послѣдній относился къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Онъ былъ хорошо принятъ въ Вѣнѣ, гдѣ видѣлъ принца Евгенія. Пріятность и легкость нравовъ, масса вещей для наблюденія, роскошь придворной жизни и престижъ великихъ дѣлъ на минуту плѣнили его. Онъ добивался милости быть принятымъ въ посольство. Версальское министерство не сочло его достойнымъ для этого: оно выказало себя придирчивымъ, но объ этомъ не слѣдуетъ сожалѣть. Монтескье размѣнялъ бы свой прекрасный талантъ на эту страстную игру политиковъ, гдѣ партія всегда играется съ «болваномъ,» называемымъ человѣчествомъ. Свѣтъ лишился бы «Духа законовъ,» и еще неизвѣстно, пріобрѣла ли бы себѣ Франція дипломата.

У Монтескье были способности политическаго наблюдателя, но это только канва, по которой вышиваетъ государственный человѣкъ. Ему недоставало непрерывной энергіи, способности получать мысли извнѣ, властолюбія, національнаго эгоизма, безъ которыхъ не существуетъ дипломатовъ, тѣмъ менѣе министровъ. Для этого грубаго ремесла «воздѣлывателя народовъ» у него было слишкомъ много симпатіи къ людямъ. «Когда я путешествовалъ по иностраннымъ

землямъ, говорилъ онъ, я привязывался къ нимъ, какъ къ своей собственной, я принималъ участіе въ ихъ судьбѣ, и я желалъ бы, чтобы онѣ процвѣтали». Это—духъ законодателя; это не было духомъ политиковъ того времени, которые слѣдили за другими націями съ вышины своей башни для того, чтобы подкараулить ихъ на пути, завлечь ихъ въ свою западню и обобрать въ свою пользу. «Если бы я зналъ, говорилъ онъ еще, что-либо, что могло бы принести пользу моей семьѣ, но причинить ущербъ моему отечеству, я постарался бы забыть это. Если бы я зналъ что-либо полезное для моего отечества, но вредное для Европы и человѣчества, я смотрѣлъ бы на это, какъ на преступленіе». Вотъ антиподъ Макіавелли, но въ то же время антиподъ и дипломатіи, какъ понимали ее тогда и какъ понимали ее почти все время послѣ того. Тотъ, кто думалъ такъ, не былъ способенъ на торговлю людьми, которою занимались его современники: онъ былъ бы плохимъ партнеромъ такого игрока, какъ Фридрихъ. Дѣйствительно, проѣзжая чрезъ Германію, онъ замѣтилъ ея слабыя стороны, думалъ объ ея исцѣленіи, желалъ этой странѣ реформированія своего государственнаго устройства, сосредоточенія своихъ силъ и образованія сильнаго союза; это было бы гибелью для Вестфальскаго трактата и французской политики. Чиновникамъ иностранныхъ дѣлъ мало понравились бы эти мечтанія, и они отослали бы Монтескье къ «Гнидскому храму». Согласимся съ тѣмъ, что это поприще было не для него: у него было бы слишкомъ много случаевъ для того, чтобы

быть обманутымъ въ ущербъ своей родинѣ, и слишкомъ мало шансовъ на примѣненіе своего таланта на службу Франціи.

Онъ посѣтилъ Венгрію, гдѣ могъ изучать феодальную жизнь и крѣпостничество; издалека бросилъ онъ чрезъ границу взглядъ на польскую республику и изслѣдовалъ причины анархіи, которая подтачивала ее; затѣмъ онъ отправился въ Италію. Венеція была веселой европейской гостинницей и убѣжищемъ падшихъ величій. Монтескье, который не позволялъ себѣ здѣсь развлекаться, встрѣтилъ тутъ Ло, преподававшаго шиворотъ-на-выворотъ политическую экономію, Бонневаля, который готовился осуществить на практикѣ «Персидскія письма» въ ихъ натуральномъ видѣ, и милорда Честерфильда, который завязалъ съ французскимъ путешественникомъ близкія дружескія сношенія. Онъ наблюдалъ аристократію, Совѣтъ Десяти, сбировъ и государственныхъ инквизиторовъ. Онъ внимательно всматривался въ нихъ, но чувствовалъ, что и его въ свою очередь разсматриваютъ съ такимъ же вниманіемъ; это возбудило въ немъ недовѣріе, онъ поспѣшно уѣхалъ изъ Венеціи и бросилъ свои замѣтки въ море. Италія очаровала его; она открыла его глаза на изящныя искусства. Онъ ставилъ себѣ въ заслугу то, что онъ эклектикъ въ отношеніи дружбы: онъ заразъ былъ въ очень сердечныхъ отношеніяхъ съ кардиналомъ Полиньякомъ, французскимъ посломъ, авторомъ Anti-Lucrèce, кальвинистскимъ пасторомъ Яковомъ Верне и со многими итальянскими кардиналами: ему нра-

вилось ихъ общество, и онъ съ давнихъ поръ былъ очень близокъ съ пьемонтцемъ аббатомъ графомъ Гюаско, который не принималъ на себя роли «важнаго ученаго», но который по справедливости слылъ за самаго порядочнаго и галантнаго духовнаго, котораго только можно встрѣтить.

Конецъ 1728 г. засталъ Монтескье въ Италіи; первые мѣсяцы 1729 г. онъ употребилъ на объѣздъ Швейцаріи, прирейнскихъ странъ и Голландіи, гдѣ вновь встрѣтился съ Честерфильдомъ. Послѣдній увезъ его въ Англію. Монтескье оставался тамъ съ октября 1729 до августа 1731 г. Онъ посѣщалъ парламентъ и занимался чтеніемъ политическихъ сочиненій Локка. Такъ онъ сдѣлалъ открытіе свободнаго образа правленія и возымѣлъ намѣреніе возвѣстить о немъ Европѣ. Всего только нѣсколько французскихъ эмигрантовъ до этого, повидимому, подозрѣвали о существованіи новаго политическаго міра. Рапэнъ де Тойра въ 1717 и 1724 гг. напечаталъ очень талантливое описаніе его. Монтескье познакомился съ этимъ описаніемъ и такъ хорошо имъ воспользовался, что заставилъ потомство забыть о немъ. Онъ осмотрѣлъ въ Англіи все—и осмотрѣлъ очень хорошо — взглядомъ ученаго, проникающимъ въ подробности явленія и добирающимся до изысканія причинъ и разсмотрѣнія послѣдствій. Его наскоро набросанныя замѣтки являются шедевромъ точности и рельефности: это—политическій Ларошфуко.

Монтескье приписываютъ слѣдующую фразу, резюмирующую его странствованія: «Германія создана

для того, чтобы путешествовать по ней, Италія—чтобы въ ней заживаться, Англія—для того, чтобы думать, Франція — чтобы жить». Онъ возвратился въ Ла Бредъ послѣ трехлѣтняго отсутствія, вновь поселился съ своимъ семействомъ, занялся своими дѣлами, обрабатывалъ виноградники, нашелъ свое родословное древо и преобразовалъ свой паркъ въ англійскій садъ. Его главнымъ занятіемъ стало отнынѣ составленіе книги, которую онъ носилъ въ своей головѣ и которая путешествовала вмѣстѣ съ нимъ по Европѣ. Онъ могъ привести ее къ концу только въ уединеніи и при провинціальномъ досугѣ. Онъ хотѣлъ писать общественную исторію человѣчества—исторію человѣка въ политикѣ и въ законахъ, и набросалъ нѣсколько отрывковъ: «Опытъ о финансахъ Испаніи,» «Размышленія о всемірной монархіи въ Европѣ,» «Исторія Людовика XI». О томъ, что осталось отъ послѣдняго сочиненія, можно сказать то же, что Монтескье сказалъ о Микель-Анджело: «находятъ что-то великое въ его абрисахъ, какъ и въ неоконченныхъ стихахъ Виргилія».

Духъ Рима вѣялъ надъ его головой. «Развалины этой невѣроятной махины» не поразили его воображенія, какъ поразили воображеніе Монтаня, своимъ картиннымъ видомъ и погребальнымъ характеромъ. Подъ этими безпорядочными развалинами онъ провидѣлъ государство, и изъ всѣхъ этихъ обломковъ скелета въ его умѣ возстановлялось исчезнувшее великое цѣлое. Болѣе историкъ, чѣмъ живописецъ, и болѣе философъ, чѣмъ разсказчикъ, онъ старался разгадать

тайну жизни и смерти этого могущественнаго организма. Вѣроятно, въ его планахъ это было только частью и — въ качествѣ главнаго доказательства— огромнымъ вводнымъ разсказомъ въ его сочиненіи о законахъ. Вводная часть угрожала захватить всю книгу. Монтескье отдѣлилъ её, выправилъ и отдѣлалъ съ особою любовью. Онъ любилъ писать. Онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ лучшій сюжетъ въ мірѣ и задался мыслью охватить, по выраженію Флора, «вкратцѣ полный образъ римскаго народа». Такъ появились въ 1734 г. «Разсужденія о причинахъ величія и паденія римлянъ» (Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains), а нѣсколько лѣтъ спустя—въ 1745 г.—«Діалогъ Суллы и Эвкрата»' (Dialogue de Sylla et d'Eucrate). Этотъ діалогъ составляетъ замѣчательное прибавленіе къ первому сочиненію, и его нельзя отдѣлять отъ него.

IV.

Разсужденія о причинахъ величія и паденія римлянъ [1]).— Діалогъ Суллы и Эвкрата.

Что̀ привлекаетъ Монтескье къ Риму и что̀ его на немъ удерживаетъ, это—изученіе самаго полнаго политическаго явленія, какое только позволяетъ наблюдать исторія. Такое наблюденіе надъ нѣсколькими явленіями подобнаго рода дало бы ключъ ко всѣмъ остальнымъ. Политика имѣетъ свои законы: опытъ ихъ извлекаетъ, исторія опредѣляетъ. Исторія—наука такого рода, которая сближаетъ явленія, классифицируетъ ихъ, связываетъ и опредѣляетъ условія ихъ связи. «Такъ какъ у людей, пишетъ Монтескье, во всѣ времена были однѣ и тѣ же страсти, то хотя случаи, которые влекутъ за собою великія перемѣны, разнообразны, но причины всегда бываютъ однѣ и тѣ же». Изысканіе этихъ причинъ въ римской исторіи является основнымъ предметомъ его книги.

---

[1]) Есть русскій переводъ въ изд. „Пантеона литературы". Спб. 1893. *Прим. перев.*

Въ этомъ изученіи Рима у Монтескье были блестящіе предшественники. Полибій, котораго онъ внимательно изучилъ, Тацитъ, которымъ онъ до такой степени вдохновлялся, что временами поднимался до одной высоты съ нимъ, Флоръ, его учитель по риторикѣ и его любимецъ,—указали на преемственность и послѣдовательность событій римской исторіи; но идея объ общемъ и высшемъ законѣ не проникала въ ихъ умы. Макіавелли въ своихъ «Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи» остается на той же точкѣ зрѣнія. Онъ совершенно эмпириченъ и не столько занимается группировкой событій, сколько извлеченіемъ изъ нихъ уроковъ. «Случай не управляетъ міромъ до такой степени, чтобы предусмотрительность не принимала участія во всемъ томъ, что вокругъ насъ происходитъ». Увеличить это участіе съ помощью расчета и ловкости и научиться этому искусству въ школѣ древнихъ,—вотъ что онъ ставитъ себѣ цѣлью. Причины имѣютъ для него мало значенія, учрежденія почти не занимаютъ его, различіе временъ не поражаетъ: онъ анализируетъ факты и извлекаетъ изъ этого рецепты для управленія людьми. Исторія для него является только большой «политической аптекой», какъ выразился Мирабо послѣ слишкомъ долгаго обдумыванія «Государя».

Макіавелли былъ политикомъ, и въ своихъ трудахъ удѣлилъ много мѣста переворотамъ. С.-Эвремонъ только прошелъ мимо нихъ, какъ любопытный авантюристъ. Въ своихъ «Размышеніяхъ о различныхъ характерахъ римскаго народа» онъ особенно былъ за-

нять людьми и ихъ характерами. Связь ускользнула отъ его вниманія. Боссюэтъ въ первый разъ открываетъ её. Исторія Рима по своей послѣдовательности, по своей гармоничности, по неуклонному и правильному теченію своей исторіи соотвѣтствуетъ величественной логикѣ его таланта. Никто не можетъ сравняться съ Боссюэтомъ въ развитіи римскаго величія: полнота разсужденія соотвѣтствуетъ обширности предмета. Люди и ихъ страсти не исчезаютъ здѣсь; Боссюэтъ не обращаетъ вниманія только на подробности событій и, такъ сказать, на подвижной и преходящій обликъ исторіи. Къ чему онъ стремится—это дать своему читателю «нить всѣхъ событій». Онъ даетъ возможность хорошо видѣть её, какъ она непрерывно развертывается среди людей и событій; но люди, которые сучатъ эту нить и сматываютъ её, не управляютъ ею. Его отправною точкой въ этихъ описываемыхъ имъ движеніяхъ служитъ Богъ. Онъ изъ Него исходитъ, къ Нему и возвращается. Хотя Боссюэтъ нѣкоторое вліяніе и приписываетъ «особенному характеру тѣхъ, которые были причиной великихъ движеній», и хотя историкъ постоянно подавляетъ въ немъ теолога, но все-таки теологу принадлежитъ первое, и за нимъ же остается послѣднее слово. Онъ всегда остается очень смиреннымъ подданнымъ и поклонникомъ Провидѣнія, желая быть, по одному остроумному выраженію, Его тайнымъ совѣтникомъ. Богъ желалъ, заключаетъ онъ, «чтобы теченіе человѣческихъ дѣлъ имѣло свою послѣдовательность и соразмѣрность». Эта самая послѣдовательность и эта со-

размѣрность имѣли только одну цѣль—тріумфъ церкви. Вотъ «неисповѣдимыя судьбы Бога въ римской имперіи: тайна, которую Св. Духъ открылъ Св. Іоанну и которую этотъ великій человѣкъ, апостолъ, евангелистъ и пророкъ изложилъ въ «Апокалипсисѣ». «Разсужденія о всемірной исторіи», въ концѣ концевъ, являются благочестивымъ и торжественнымъ примѣненіемъ системы конечныхъ причинъ къ исторіи.

Монтескье не интересовался теологіей и ничего не понималъ въ конечныхъ причинахъ. Онъ, какъ и Боссюэтъ, отводитъ очень обширное мѣсто человѣческой свободѣ, выбору и дѣйствію отдѣльныхъ индивидуумовъ при выполненіи дѣлъ; точно такъ же, какъ и Боссюэтъ, онъ признаетъ, что въ политикѣ ходъ дѣлъ похожъ на «игру, гдѣ, въ концѣ концевъ, побѣждаетъ болѣе ловкій»; но онъ думаетъ, что игра имѣетъ правила, столъ, на которомъ происходитъ эта игра, и партіи, между которыми она ведется; самая ловкость имѣетъ условія, при которыхъ она пускается въ ходъ, и ничто изъ всего этого не подчинено вліянію случая. Запутанность причинъ и слѣдствій составляетъ основу; взаимное притяженіе идей и людей, всеобщее тяготѣніе событій опредѣляетъ ходъ исторіи. «Совсѣмъ не судьба, говоритъ Монтескье, управляетъ міромъ: насчетъ этого могутъ справиться у римлянъ, которые пользовались непрерывнымъ счастіемъ, когда они жили по извѣстному плану, и которыхъ преслѣдовали постоянныя неудачи, когда они перешли къ другому. Существуютъ общія причины, какъ моральныя, такъ и физическія, которыя дѣй-

ствуютъ въ каждой монархіи, возвышаютъ ее, поддерживаютъ или низвергаютъ; всѣ случайности подчинены этимъ причинамъ; и если случайное сраженіе, такъ сказать, частная причина, уничтожило государство, то существовала какая-нибудь общая причина, которая приводила къ тому, что государство должно было погибнуть отъ одного сраженія; однимъ словомъ, общая причина (allure principale) влечетъ за собою всѣ частные случаи».

За этотъ вполнѣ научный взглядъ Монтескье занимаетъ мѣсто среди великихъ родоначальниковъ современной исторіи. Совершенство его стиля даетъ ему право считаться однимъ изъ классиковъ нашей литературы. Въ «Разсужденіяхъ» онъ является вполнѣ самимъ собой, т.-е. истиннымъ латинцемъ и настоящимъ французомъ. Въ этой книгѣ хвалятъ живой и нервный языкъ, силу и величіе чувствъ, широту въ расположеніи матеріала, «великолѣпную и сжатую образность» въ изложеніи, эту краткость, напоминающую Саллюстія и Тацита, это искусство «усиливать выраженія и возвращать имъ все ихъ первоначальное могущество», схватывать, такъ сказать, все ихъ существенное содержаніе, вдвинуть ихъ въ рѣчь съ ихъ первичной метафорой, удвоить впечатлѣніе неожиданнымъ примѣненіемъ къ великимъ предметамъ простого народнаго выраженія, которое затемнялось и какъ бы разъѣдалось привычнымъ употребленіемъ и ржавчиной временъ.

Въ цѣломъ сужденія Монтескье остаются вѣрными такъ же, какъ и методъ его книги и его стиль. Если

бы мы захотѣли составить подробный комментарій къ «Разсужденіямъ» и поставить ихъ на уровень съ современными научными изслѣдованіями, то текстъ оказался бы испещреннымъ замѣчаніями. То же самое случилось бы и съ «Эпохами природы», если бы мы захотѣли ихъ поставить на одинъ уровень съ наукой отъ Кювье до Дарвина. Но къ чему это? Прочтите современныхъ историковъ Рима: вы никогда не поймете ихъ такъ хорошо, какъ послѣ чтенія Монтескье; и никогда не поймете Монтескье такъ хорошо, какъ послѣ чтенія современныхъ историковъ. Его книгу можно сравнить съ древнимъ храмомъ, порогъ котораго отчасти развалился: простѣнки разрушены, внутренность открыта всѣмъ вѣтрамъ; но стоящія кругомъ мраморныя колонны держатся, капитель не испорчена, фронтонъ цѣлъ, фризъ невредимъ и, разсматриваемое на нѣкоторомъ разстояніи, зданіе сохраняетъ всѣ главныя очертанія своей архитектуры. Реставрація, если бы мы попытались ее произвести по образцамъ и предметамъ, находящимся въ музеяхъ, подвергла бы опасности поколебать памятникъ, нисколько не увеличивъ его красоты.

Монтескье не позаботился о критикѣ источниковъ. Онъ не зналъ археологіи, которая позволяетъ камень за камнемъ возстановить то, что было искажено легендой и уничтожено критикой. Онъ буквально принимаетъ разсказы Тита Ливія о первыхъ временахъ Рима. Странно! Онъ, который долженъ былъ бы размышлять и разсуждать о климатахъ, онъ не безпокоился о климатѣ Рима, точно такъ же, какъ и о ха-

рактерѣ людей, которые основали государство. Мишле, а послѣ него Дюрюи и Моммсенъ очень многое извлекли изъ такихъ размышленій о почвѣ и о расѣ. Фюстель де Куланжъ указалъ на внутреннюю связь, которая существовала между исторіей государства и исторіей религіи. Во всемъ этомъ почти ничего не понимали современники Монтескье; и его самого не интересовало заняться этими вопросами болѣе своихъ современниковъ. Общественные вопросы и то, что можно назвать политической экономіей Рима, также ускользнули отъ него при разсмотрѣніи перваго періода республики. Ему недоставало существеннаго элемента индукціи: онъ не наблюдалъ переворотовъ подобнаго рода. Онъ воспользовался всѣмъ тѣмъ, что преподала ему исторія Англіи, и въ особенности исторія Кромвеля; но и въ самой Англіи фанатическая и революціонная сторона—въ современномъ значеніи этого слова—не обратила на себя его вниманія. Онъ останавливается только на политическихъ конъюнктурахъ. Онѣ доставляли ему случаи для замѣчательныхъ размышленій. Вотъ примѣръ: «Ни одно государство не угрожаетъ такъ сильно другимъ завоеваніемъ, какъ то, которое подвержено ужасамъ междоусобной войны. Англія никогда не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ при Кромвелѣ».

Овладѣваетъ вполнѣ своимъ предметомъ Монтескье только въ V главѣ: здѣсь онъ даетъ мастерскую картину міра въ эпоху римскихъ завоеваній. Въ слѣдующей главѣ онъ изучаетъ пріемы этихъ завоеваній. Этотъ анализъ римскаго характера и причинъ вели-

чія Рима представляетъ классическія страницы книги: привязанность каждаго гражданина къ государству, любовь всѣхъ гражданъ къ отечеству; ихъ постоянное упражненіе въ войнѣ, ихъ дисциплина, устройство ихъ правительства, которое въ военное время концентрировало власть, а въ мирное давало возможность исправлять всѣ злоупотребленія ея; послѣдовательность и гармоничность плановъ; умѣніе римлянъ раздѣлять своихъ враговъ; ихъ способность усвоивать всѣ полезныя изобрѣтенія другихъ народовъ; единственное въ древнемъ мірѣ искусство привлекать къ себѣ народы, которые они подчинили, и эксплотировать страны, которыя были ими завоеваны; ихъ удивительная твердость при неудачахъ, стойкость сената,—это счастливое стеченіе обстоятельствъ, этотъ «основной образъ дѣйствій» (allure principale), который давалъ имъ возможность извлекать пользу изъ всего вплоть до своихъ ошибокъ, такъ какъ они отличались способностью понимать эти ошибки и исправлять ихъ; постоянное примѣненіе двухъ правилъ, которымъ было подчинено все — общественное благо внутри и завоеваніе извнѣ; однимъ словомъ, во всемъ и всегда государственная необходимость. «Вотъ что,— по прекрасному выраженію Монтескье,—должно представить зрѣлище человѣческихъ дѣлъ»; никто не давалъ его съ бо́льшимъ величіемъ.

Оно здѣсь удивительно; быть можетъ, удивляетъ эта ужасная игра сухой и разсудочной силы, эти государственныя доблести, «которыя должны были быть столь роковыми для вселенной». Философъ

слишкомъ стушевывается здѣсь предъ наблюдателемъ. Монтескье скоро выскажетъ въ «Духѣ законовъ» высшую и окончательную санкцію надъ завоеваніемъ; здѣсь онъ описываетъ явленіе и указываетъ на его неумолимый и варварскій характеръ. «Такъ какъ они никогда не заключали мира добросовѣстно, и такъ какъ при ихъ желаніи завладѣть всѣмъ ихъ договоры были, собственно говоря, только перемиріями, то они ставили въ договорахъ условія, которыя всегда являлись началомъ паденія того государства, которое принимало эти условія... Иногда они заключали миръ съ какимъ-либо государемъ на сходныхъ условіяхъ; и если онъ исполнялъ ихъ, они присоединяли къ прежнимъ условіямъ такія, которыя заставляли государя начинать войну... Римъ обогащался всегда, а каждая война ставила его въ положеніе, которое приводило къ необходимости начать новую. Они господствовали въ Африкѣ, Азіи и Греціи, почти не имѣя тамъ собственныхъ городовъ. Повидимому, они покоряли для того только, чтобы давать: но они такъ хорошо умѣли оставаться господами, что, когда вели войну съ какимъ-либо государемъ, то придавливали его, такъ сказать, тяжестью всего міра».

Монтескье не довольствуется анализомъ характера Рима, -- онъ еще изображаетъ его въ дѣйствіи. Изучая при этомъ римлянъ, онъ почувствовалъ ихъ глубокія и сосредоточенныя страсти; онъ не могъ устоять предъ желаніемъ изобразить эти страсти и составилъ «Діалогъ Суллы и Эвкрата». Въ немъ хотѣли видѣть предумышленную апологію, парадоксаль-

ную и ироническую, государственной необходимости и смѣлости въ преступленіи. Вѣрнѣе смотрѣть на это произведеніе просто какъ на coup de génie великаго историка, который на время дѣлается поэтомъ и переноситъ свои лица на сцену. Монтескье представляетъ ихъ согласно съ своимъ вкусомъ и съ духомъ своего времени. Моммсенъ, еслибы вдохновеніе возбудило его, безъ сомнѣнія, при подобныхъ обстоятельствахъ старался бы подражать Шекспиру: его Сулла—«пылкаго темперамента, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ отражаются малѣйшія душевныя движенія, съ голубыми и острыми глазами, съ красивыми чертами лица, благородный, насмѣшливый, остроумный, переходящій отъ страстнаго упоенія подвигами къ спокойствію пробужденія»—этотъ Сулла является романическимъ героемъ. Сулла Монтескье—совершенный французъ классическаго вѣка; онъ весь пропитанъ Макіавелли и говоритъ, какъ страшные искатели приключеній, которые послужили оригиналами для Мольеровскаго Донъ Жуана.

«Эвкратъ, если я больше не являюсь зрѣлищемъ міра, то это—ошибка человѣческихъ дѣлъ, которыя имѣютъ границы, а не моя... Я не рожденъ для того, чтобы спокойно управлять народомъ-рабомъ. Я люблю одерживать побѣды, основывать или разрушать государства... Я никогда не желалъ быть рабомъ или идолопоклонникомъ общества мнѣ подобныхъ; и эта столь восхваляемая любовь — слишкомъ простонародная страсть, чтобы она могла совмѣститься съ величіемъ моей души. Я руководствуюсь только своими размыш-

леніями и въ особенности презрѣніемъ, которое питаю къ людямъ».

И какъ онъ отъ всего этого усталъ, несмотря на свою гордость! Пресыщенный людьми, скажутъ въ концѣ вѣка, но не насытившійся и неудовлетворенный! Корнель прекрасно выразилъ высшее отвращеніе, которое, въ концѣ концевъ, остается отъ безграничной власти:

L'ambition déplaît quand elle est assouvie...
J'ai souhaité l'empire et j'y suis parvenu,
Mais en le souhaitant, je ne l'ai pas connu...

«И я,—говоритъ Сулла Монтескье съ еще бо̀льшею горечью и рѣзкостью,—и я, Эвкратъ, никогда не былъ менѣе доволенъ, какъ въ то время, когда увидѣлъ себя полнымъ господиномъ Рима, —когда я оглядывался вокругъ себя и не находилъ ни соперниковъ, ни враговъ. Мнѣ думалось, что когда-нибудь будутъ говорить, что я наказывалъ только рабовъ». Скука, которую онъ чувствуетъ, внушаетъ ему самое изумительное изъ его рѣшеній: онъ слагаетъ съ себя диктатуру въ то время, какъ всѣ думали, что диктатура—его единственное убѣжище. Всѣ римляне молчатъ предъ нимъ, и онъ чувствуетъ себя одинокимъ, нетерпѣливымъ и неудовлетвореннымъ, какъ и прежде. Онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Я удивилъ людей, и этого достаточно». Этого достаточно для того, чтобы причинить страданія, но не достаточно для того, чтобы сдѣлать кого-либо счастливымъ.

Монтескье могъ бы встрѣтить и прослѣдить Суллу въ Цезарѣ. Но онъ, повидимому, не думалъ объ этомъ.

Съ того времени, какъ мы узнали Дантона и Робеспьера, Гракхи воскресли предъ нами и заняли собой всѣ перевороты Рима; послѣ Бонапарта Цезарь завладѣлъ римской исторіей. Великая революція новаго міра измѣнила всѣ точки зрѣнія, даже тѣ, съ которыхъ разсматривали до того времени древній міръ. Монтескье, высказавшій такое высокое и проницательное сужденіе о геніи Александра и Карла Великаго, повидимому, слишкомъ унизилъ геній Цезаря. Вмѣсто того, чтобы изолировать Цезаря въ римскомъ мірѣ, онъ смѣшалъ его съ толпой и подвелъ подъ общую мѣрку. Кажется, онъ говоритъ самому себѣ, подобно Кассію у Шекспира: «Что такое въ этомъ Цезарѣ? Почему его имя звучитъ лучше, чѣмъ твое... какой пищей онъ питался, что сталъ такимъ великимъ?» Монтескье признаетъ въ немъ полководца и политика, который, въ какомъ бы государствѣ ни родился, вездѣ управлялъ бы имъ. Но онъ видитъ въ Цезарѣ только орудіе судьбы, одного изъ тѣхъ людей, которые выполняютъ неизбѣжныя событія, но не располагаютъ великими перемѣнами имперій и не измѣняютъ направленія исторіи. «Если бы Цезарь и Помпей думали, какъ Катонъ, то остальные думали бы, какъ Цезарь и Помпей; а государство, предназначенное къ гибели, было бы увлечено въ пропасть другою рукой».

Имена Цезаря и Помпея такъ и остаются соединенными вмѣстѣ; Монтескье не дѣлаетъ большой разницы между этими двумя лицами. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ своего рода историческій предразсудокъ, которымъ былъ ослѣпленъ Корнель и подъ

вліяніемъ котораго находится Боссюэтъ. «У Помпея было болѣе медленное и тихое честолюбіе, чѣмъ у Цезаря... Онъ стремился къ диктатурѣ, но чрезъ народное голосованіе: онъ не могъ бы согласиться на узурпацію власти, но онъ желалъ бы, чтобы она была передана ему въ руки». Такимъ является предъ нами Моро въ своемъ соперничествѣ съ Бонапартомъ.

Монтескье хвалитъ Брута и доходитъ даже до открытія въ политическомъ убійствѣ преступнаго, но своего рода необходимаго лѣкарства противъ государственнаго переворота. Онъ осуждаетъ имперію, и въ то же время видитъ въ этомъ роковое значеніе. Онъ осуждаетъ Августа и его царствованіе, какъ сенаторъ, который продолжалъ бы хвалить древнюю республику, вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что она не могла бы существовать впредь. Здѣсь самая краснорѣчивая часть «Разсужденій».

Паденіе Рима обнаруживается во всемъ. Порядокъ является уже только «прочнымъ рабствомъ», предназначеннымъ для того, чтобы «заставить чувствовать счастіе при единоличномъ управленіи». Тираннія вкрадывается подъ маской свободы; самое понятіе свободы дѣлается софистическимъ и фальшивымъ. Принципы, создавшіе силу Рима, искажаются вслѣдствіе своихъ собственныхъ крайностей. Римляне слишкомъ много сражались и слишкомъ много завоевывали. «Постоянно дѣйствуя помощью силы и насилія, они стали негодными, какъ оружіе, слишкомъ долго бывшее въ употребленіи». Внутреннія волненія, которыя поддерживали общественный духъ, выродились

въ крамолы, которыя развратили его. Богатства испортили частные нравы. Тираннія воздвигается на этомъ духовномъ вырожденіи; рабство окончательно сокрушаетъ ихъ. Римъ, который чахнетъ въ центрѣ, парализуется въ оконечностяхъ. Онъ раскинулся на слишкомъ большомъ пространствѣ. Побѣжденные народы возмущаются противъ армій, разбросанныхъ на границахъ, а арміи, концентрируясь, набрасываются на государство, которымъ онѣ и овладѣваютъ. Онѣ перестаютъ быть гражданскими съ того момента, какъ завладѣваютъ управленіемъ государства. Война ослабляетъ самое себя. Римъ окрѣпъ, ассимилируя съ своей имперіей покоренные народы; но онъ былъ поглощенъ собственными завоеваніями. Онъ старался вернуться къ самому себѣ: вся та тяжесть, которую онъ налагалъ на своихъ враговъ, въ свою очередь раздавила его самого. Имперія постоянно суживалась, и Италія стала границей.

Монтескье, не замѣтившій роли, которую играла первоначальная религія въ началѣ римской исторіи, въ послѣдней части своего труда не удѣлилъ достаточно мѣста вліянію христіанства. Онъ полонъ удивленія предъ Антонинами, а переворотъ, пересоздавшій старый міръ, не поражаетъ его. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ въ изображеніи картины имперіи, экономическіе вопросы захватываютъ все болѣе и болѣе мѣста въ его книгѣ. Это указываетъ на то, что онъ владѣетъ документомъ, Дигестами, и что онъ извлекъ изъ него вмѣстѣ съ пониманіемъ законовъ императорскаго Рима чувство

жизни римскаго общества. Его взгляды на перевороты въ торговлѣ, на монетные кризисы, на злоупотребленіе налогами, запущеніе земель, являющееся слѣдствіемъ этого злоупотребленія, на упадокъ провинціальной администраціи—все это новости, принадлежащія ему и сдѣлавшіяся пріобрѣтеніями исторіи.

Главы о Византіи представляютъ изъ себя почти только бѣглый очеркъ и общую характеристику; но это—геніальный очеркъ и образцовая характеристика. Для оцѣнки ея значенія и оригинальности нужно сравнить ихъ съ соотвѣтствующими главами «Опыта о нравахъ» (Essai sur les moeurs). Тонкая ткань Вольтера сильнѣе выдѣляетъ крѣпкую основу Монтескье. Невозможно не видѣть нѣкотораго намека на теологическіе споры XVIII в. въ ироніи, съ которою Монтескье говоритъ о византійской церкви и ея диспутахъ. Юстиніанъ съ его претензіями на единство закона, единство царства, единство вѣры является настоящимъ сколкомъ съ Людовика XIV. «Онъ думалъ увеличить число вѣрныхъ; онъ уменьшилъ только число людей». Откровеннѣе сравненіе между борьбой мусульманъ съ греками и борьбой кромвелевскихъ сектантовъ съ ирландцами. На послѣднихъ страницахъ Монтескье уже только бросалъ свои идеи и закончилъ указаніемъ на турокъ, которые обратили въ свою пользу причины паденія византійской имперіи, когда завладѣли ея столицей.

Онъ доходитъ такимъ образомъ до новаго времени, куда его уноситъ его мысль и гдѣ она должна была остановиться на все остальное время его жизни.

V.

Планъ и композиція «Духа законовъ» [1]).

Монтескье было около сорока лѣтъ, когда онъ началъ свой великій трудъ. Матеріалы онъ собиралъ уже давно. «Я могу сказать, что работалъ надъ нимъ всю свою жизнь, пишетъ онъ. По выходѣ изъ коллежа въ моихъ рукахъ были юридическія книги: я искалъ въ нихъ ихъ духа». Это выраженіе, которое онъ присвоилъ своему труду, не было его собственностью. Дома въ своемъ «Трактатѣ о законахъ» (Traité des lois) посвятилъ одну главу *природѣ и духу законовъ*; но онъ разумѣлъ подъ этимъ прямой и глубокій смыслъ законодательствъ, «этотъ духъ, который въ естественныхъ законахъ составляетъ справедливость, а въ законахъ произвольныхъ—волю за-

---

[1]) „Esprit des lois" былъ переведенъ по-русски въ началѣ XIX ст. подъ названіемъ „Разумъ законовъ". Въ 1862 г. было выпущено 2-е изданіе въ переводѣ Корнева. Оба изданія распроданы. *Прим. перев.*

конодателя». Этого духа законовъ Монтескье не пришлось бы искать очень далеко, и отъ Дома онъ могъ бы непосредственно получить все, но онъ хотѣлъ получить кое-что другое—raison d'être закона и его дѣйствительности. Поставленная такимъ образомъ, задача перестала быть юридической и сдѣлалась исторической. Недостаточно допросить свою совѣсть, вопросить свой разумъ и проанализировать тексты: нужно было спуститься въ исторію и потребовать отъ цивилизаціи одну изъ ея тайнъ, ея великую государственную тайну.

Монтескье долго колебался. «Я изслѣдовалъ мой предметъ, не имѣя плана; я не зналъ ни правилъ, ни исключеній изъ нихъ». Перечтите главу «Объ обычаѣ» у Монтаня—вы встрѣтитесь съ идеей о замѣткахъ, которыя Монтескье собиралъ отовсюду и накоплялъ въ своихъ ящикахъ. Монтань сообщалъ свои замѣтки случайно, онъ разбрасывалъ ихъ на вѣтеръ, и доставилъ себѣ довольно сомнительное удовольствіе сообщить ихъ въ этомъ безпорядкѣ, который казался ему послѣднимъ словомъ природы. Онъ торжествуетъ въ этомъ ералашѣ людей, вещей, временъ, странъ, правительствъ, анекдотовъ, легендъ, остротъ и прекрасныхъ правилъ. Онъ легко пользовался этой человѣческой кутерьмой для того, чтобы унизить человѣка и превратить его драпировку въ лохмотья. Не одна строка этой главы выставляетъ на видъ немощь нашего разума и жалкую противорѣчивость нашихъ сужденій. Этимъ страннымъ арсеналомъ, который Монтань собралъ для того, чтобы

потревожить человѣка и поколебать въ немъ основанія всякой достовѣрности, Паскаль воспользовался для того, чтобы возвратить человѣчество къ вѣрѣ. Въ своемъ безподобномъ доказательствѣ приведенія къ абсурду онъ раздавливаетъ человѣческій умъ, чтобы уничтожить его передъ Богомъ. Монтескье не довольствуется разбросаннымъ и бродячимъ разумомъ Монтаня, онъ не преклоняется и предъ спутаннымъ и распростертымъ въ прахъ разумомъ Паскаля. Ему нужно объясненіе, и нужно человѣческое объясненіе.

«Прежде всего я взялся за изслѣдованіе людей и думалъ, что въ этомъ безконечномъ разнообразіи законовъ и нравовъ они руководились не однѣми только своими фантазіями». Искать идею, которая руководитъ ими, не есть только дѣло любопытства, — это дѣло законодателя и друга человѣчества. Монтескье не раздѣляетъ одного отъ другого. Онъ считаетъ людей «плутами въ одиночку, но честными въ толпѣ». На жизнь онъ смотритъ, какъ на театръ: мы апплодируемъ только прекраснымъ дѣйствіямъ и соглашаемся только съ хорошими правилами. Онъ хочетъ работать въ интересахъ всѣхъ: для того, чтобы «наставить людей». Онъ хочетъ проникнуть въ каждое государство, сдѣлаться его гражданиномъ, чтобы каждой націи указать на смыслъ ея обычаевъ и ея правилъ, заставить каждаго лучше любить свое отечество и свое правительство, объяснить народамъ, какъ гибнутъ и сохраняются государства. Онъ пишетъ для человѣка, котораго онъ въ своемъ воображеніи представляетъ себѣ «человѣкомъ общественнаго

блага», какъ онъ выражается, и думаетъ, что «общественное благо такъ же, какъ и моральное благо, имѣетъ два предѣла».

Хотя Монтескье имѣетъ въ виду человѣчество, но особенно останавливаетъ свое вниманіе на Франціи. Онъ видитъ, что она склоняется къ деспотизму, и боится, какъ бы деспотизмъ не привелъ ее къ анархіи, т.-е. къ самой страшной формѣ упадка. Онъ хочетъ научить своихъ соотечественниковъ, воскресить въ нихъ любовь къ свободѣ, отыскать и возстановить ихъ гражданскія права. Указавъ на намѣренія Бога относительно міра, Боссюэтъ извлекаетъ изъ этихъ самыхъ намѣреній доктрину, которая должна служить основаніемъ для христіанской монархіи и урокомъ для Христіаннѣйшаго Короля. Монтескье, указавшій на то, какъ организуется, растетъ, процвѣтаетъ, приходитъ въ упадокъ и разрушается великое общественное учрежденіе, въ свою очередь хочетъ извлечь изъ этого урокъ для всѣхъ человѣческихъ законодательствъ. Онъ думаетъ о чисто научной и принципіальной книгѣ, которая по отношенію къ «Разсужденіямъ о римлянахъ» займетъ такое же мѣсто, какое «Политика, извлеченная изъ Св. Писанія», занимаетъ относительно «Разсужденій о всемірной исторіи»,—предпріятіе самое благородное, какое только можетъ задумать законодатель, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое смѣлое и самое трудное. Когда Монтескье выполнилъ его, онъ съ гордостью могъ написать на своемъ трудѣ эпиграфъ: Prolem sine matre creatam.

Не матеріала ему не доставало: матеріалъ былъ

громаденъ и благодаря этой громадности даже съ трудомъ могъ быть охваченъ; не достаетъ орудія работы, рѣшета и вѣсовъ для того, чтобы собрать, разсортировать и взвѣсить элементы. Монтескье не останавливается долго на разсмотрѣніи этихъ элементовъ въ нихъ самихъ и на изслѣдованіи вопроса объ ихъ происхожденіи. «Онъ не говоритъ о причинахъ и не сравниваетъ причины, скажетъ онъ позднѣе о самомъ себѣ; но онъ говоритъ о слѣдствіяхъ и сравниваетъ слѣдствія». Религіозное основаніе, данное Дома своему «Трактату о законахъ,» помѣшало Монтескье разглядѣть глубину и стойкость доктрины автора. Дома свои наблюденія сводитъ къ вѣрѣ; достаточно было бы измѣнить нѣкоторые термины для того, чтобы снять съ этой книги, совершенно человѣческой въ сущности, теологическое покрывало. Чувствуя отвращеніе къ мистицизму Дома, Монтескье еще менѣе былъ расположенъ къ матеріализму Гоббса. Онъ признаетъ «вѣчную справедливость,» независимую отъ человѣческихъ соглашеній. «До писанныхъ законовъ существовали возможныя отношенія справедливости. Сказать, что нѣтъ ничего ни справедливаго, ни несправедливаго, кромѣ того, что предписываютъ и запрещаютъ положительные законы, это все равно, что сказать, будто прежде, чѣмъ былъ начерченъ кругъ, радіусы не были равны».

Монтескье въ его изслѣдованіяхъ о происхожденіи общества не достаетъ естественной исторіи человѣка, какъ въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи Рима не доставало археологіи и критики текстовъ. Зачѣмъ

онъ не могъ прочесть Бюффона! «Седьмая эпоха природы» очень просто представила бы ему первоначальное человѣчество и генезисъ обычаевъ. «Первобытные люди, свидѣтели конвульсивныхъ, еще недавнихъ и очень частыхъ движеній земли, не имѣвшіе никакого убѣжища отъ наводненій кромѣ горъ, часто сгоняемые и съ этихъ убѣжищъ вулканическими изверженіями, трепещущіе на той самой землѣ, которая дрожала подъ ихъ ногами, бѣдные умомъ и съ обнаженнымъ тѣломъ, отданные на произволъ всѣхъ стихій, жертвы ярости дикихъ звѣрей, добычей которыхъ они неизбѣжно становились,—одинаково всѣ проникнутые общимъ чувствомъ мрачнаго страха, всѣ одинаково угнетаемые необходимостью,—не старались ли они какъ можно скорѣе соединиться сначала для того, чтобы защищаться, хотя бы только числомъ, затѣмъ для того, чтобы помогать другъ другу и согласно работать надъ устройствомъ жилища и приготовленіемъ оружія?»

Монтескье едва провидѣлъ это. За недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, онъ отдается своему воображенію. Ему нравится предположить такое состояніе природы, при которомъ дикари — боязливые, слабые и страстные — пользовались своего рода животнымъ благосостояніемъ. Миръ, по его мнѣнію, былъ первымъ закономъ людей; война была вторымъ закономъ, и она появилась съ того времени, какъ люди сгруппировались въ общества, а эти общества начали борьбу за свое существованіе, какъ будто общественный инстинктъ, заставляющій людей любить себѣ подобныхъ

и соединяться другъ съ другомъ, не былъ въ нихъ первичнымъ точно такъ же, какъ и инстинктъ эгоистическій, заставляющій ихъ ссориться и ненавидѣть другъ друга. Этотъ важный предметъ остается у Монтескье неосвѣщеннымъ и запутаннымъ. Нѣсколько строкъ изъ «Персидскихъ писемъ» представляютъ, быть можетъ, все то, что сказано имъ по этому поводу наиболѣе яснаго. «Я никогда не слышалъ разговоровъ объ общественномъ правѣ, въ которыхъ не старались бы тщательно изслѣдовать вопросъ о происхожденіи общества; мнѣ кажется это смѣшнымъ. Если бы люди не образовали общества, если бы они отказались отъ него и разошлись одинъ отъ другого, то въ такомъ случаѣ нужно было бы спросить о причинѣ этого и изслѣдовать вопросъ, почему они живутъ отдѣльно другъ отъ друга; но всѣ они родились соединенными другъ съ другомъ: сынъ родился возлѣ своего отца, и онъ живетъ вмѣстѣ съ нимъ; вотъ общество и причина общества».

Однако, такъ какъ ему нужно представить абсолютное мнѣніе и избрать формулу, то онъ отдѣлывается формулой самой неопредѣленной и самой общей изъ всѣхъ. «Законы, въ самомъ широкомъ смыслѣ, представляютъ необходимыя отношенія, которыя проистекаютъ изъ природы вещей». Этотъ смыслъ, дѣйствительно, очень широкъ, такъ широкъ, что онъ ускользаетъ отъ анализа и становится неопредѣленнымъ. Это—алгебраическая формула, которая примѣняется ко всякой дѣйствительности и не выражаетъ точно никакой. Она строго вѣрна для математиче-

скихъ законовъ и для законовъ физической природы; въ общихъ чертахъ, и довольно безразлично, она примѣняется и къ законамъ политическимъ и гражданскимъ: чтобы дойти именно до этого, нужно пройти чрезъ всѣ измѣненія и деградаціи смысла слова *законъ*. Монтескье не останавливается предъ этой трудностью. Онъ устанавливаетъ свою формулу, перескакиваетъ чрезъ всѣ посредствующія идеи и останавливается на законодательствѣ въ собственномъ смыслѣ, что и является предметомъ его изслѣдованія.

Здѣсь факты—его господа; но факты подавляютъ его, душатъ. Мы видимъ, какъ онъ утомляется отъ работы, сбивается съ пути, возвращается изнуреннымъ на свою дорогу, собирается съ силами, вновь отправляется въ путь и снова блуждаетъ. «Я нѣсколько разъ начиналъ и нѣсколько разъ бросалъ эту работу; тысячу разъ я бросалъ на вѣтеръ листы, исписанные мною... я находилъ истину лишь для того, чтобы потерять ее...» Наконецъ, предъ нимъ явилась путеводная звѣзда. Онъ нашелъ свою дорогу и уже все время шелъ по ней къ свѣту.

Эту рѣшительную эпоху въ жизни Монтескье нужно отнести къ 1729 г. Въ это время онъ нашелъ то, что самъ назвалъ «величіемъ своего предмета» и выразилъ мнѣніе, что впредь, если онъ сумѣетъ удержаться на этой высотѣ, то увидитъ, какъ, по его собственному выраженію, «потекутъ законы какъ бы изъ своего источника». «Когда я открылъ свои принципы, все то, что я искалъ, явилось предо мной...

Я установилъ свои принципы и увидѣлъ, что отдѣльные случаи сами собой подчиняются имъ». Остановимся на этихъ принципахъ: они дадутъ намъ ключъ къ произведенію.

«Нѣсколько вещей управляютъ людьми: климатъ, религія, законы. правила правительства, примѣры прошедшихъ временъ, нравы, обычаи; отсюда образуется общій духъ, являющійся ихъ слѣдствіемъ». Эти элементы, составляющіе всякое человѣческое общество, этотъ общій духъ, который воодушевляетъ его, находятся въ тѣсной связи и солидарности между собою. Это не случайная куча бездушныхъ предметовъ; это—живой организмъ. Законы являются какъ бы нервами этого общественнаго тѣла; необходимо, чтобы они были приспособлены къ природѣ органовъ, которые они оживляютъ, и къ функціямъ этихъ органовъ. Они зависятъ отъ извѣстныхъ элементовъ, которыхъ человѣкъ измѣнить не можетъ, и элементовъ другого рода, которые онъ измѣняетъ только съ большими усиліями и очень медленно.

«Они должны имѣть связь съ физическимъ строеніемъ страны, съ холоднымъ, жаркимъ или умѣреннымъ климатомъ, — съ свойствами территоріи, съ ея положеніемъ и величиною, съ образомъ жизни народовъ;... они должны соотвѣтствовать той степени свободы; которую допускаетъ государственное устройство; должны соотвѣтствовать религіи жителей, ихъ наклонностямъ, ихъ богатству, числу, промышленности, нравамъ, обычаямъ. Накопецъ, они имѣютъ связь между собою, съ своимъ происхожденіемъ, задачей законода-

теля, съ порядкомъ вещей, которыя составляютъ ихъ основаніе. Ихъ нужно разсмотрѣть со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія. Вотъ чѣмъ я намѣренъ заняться въ этомъ трудѣ. Я изслѣдую всѣ эти отношенія: всѣ они вмѣстѣ составляютъ то, что называютъ «Духомъ законовъ».

Общественное учрежденіе, разсматриваемое такимъ образомъ, является у Монтескье какъ бы душой человѣческихъ обществъ. Если оно энергично и здраво, общество счастливо; если оно немощно и испорчено, общество разлагается. Отъ лучшаго или худшаго знакомства съ нимъ, отъ искусства, съ которымъ относятся къ нему и его поддерживаютъ, зависятъ реформы, которыя возрождаютъ общества, и перевороты, которые ихъ разрушаютъ. Впрочемъ, нѣтъ такого типа учрежденій, который самъ по себѣ былъ бы лучше другихъ типовъ. Есть условія существованія, общественные и частные нравы, національный духъ, основныя начала (allure principale), которымъ подчинено всякое учрежденіе. Лучшее и самое законное учрежденіе для каждаго народа — то, которое болѣе всего соотвѣтствуетъ характеру и традиціямъ пользующагося имъ народа.

Съ этой точки зрѣнія Монтескье изслѣдуетъ различныя формы правительствъ. Въ каждомъ онъ различаетъ природу и принципъ. Природа правительства, это то, что составляетъ его сущность; его принципъ—то, что заставляетъ его дѣйствовать. Опредѣлить природу правительства значитъ анализировать нравы и страсти людей, которые управляютъ его механизмомъ.

По природѣ Монтескье дѣлитъ правительства на республиканскія, монархическія и деспотическія. Если верховная власть находится въ рукахъ всего народа или только части его, то это будетъ демократія или аристократія; если властью пользуется одно лицо по опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ, то получается монархія; если же властью пользуются произвольно по прихоти или капризу государя, то — деспотизмъ. Эта классификація часто подвергалась критикѣ. Монтескье смѣшиваетъ государственное устройство, которое можетъ быть автократическимъ, олигархическимъ, аристократическимъ или демократическимъ, съ правленіемъ, которое необходимо бываетъ или монархическимъ, или республиканскимъ. Основные типы государственнаго устройства и правленія комбинируются одни съ другими и производятъ смѣшанныя системы. Но здѣсь не мѣсто останавливаться на этихъ различіяхъ. Для Монтескье они являются только рамкой, и для насъ важно знать, какъ онъ расположилъ въ этой рамкѣ свою картину.

Здѣсь мы замѣчаемъ двѣ основныя группы: законы, которые вытекаютъ изъ природы правительства — это законы политическіе, и законы, которые вытекаютъ изъ его принципа — это преимущественно законы гражданскіе и общественные. Монтескье указываетъ на причины продолжительности и порчи тѣхъ и другихъ. «Порча каждаго правительства, говоритъ онъ, почти всегда начинается съ порчи принциповъ». Въ этомъ именно вопросѣ онъ поднимается такъ высоко, какъ только возможно, и даетъ намъ, правду ска-

зать, самую сущность своей мысли, великую и благотворную идею своего труда. «Обычай, сказалъ Паскаль, прочитавъ Монтаня, составляетъ всякую справедливость по той простой причинѣ, что такъ принято; въ этомъ заключается мистическое основаніе его авторитета. Кто приводитъ его къ его началу, тотъ уничтожаетъ его». Законъ вытекаетъ изъ природы вещей, возражаетъ Монтескье; его raison d'être составляетъ основаніе его авторитета. Кто приводитъ его къ принципу, тотъ укрѣпляетъ его. Монтескье судилъ вѣрнѣе и глубже.

Изученіе формъ правленія составляетъ восемь первыхъ книгъ «Духа законовъ». Отъ этихъ основныхъ законовъ Монтескье переходитъ къ законамъ подчиненнымъ и послѣдовательно разсматриваетъ ихъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они находятся къ защитѣ государства, къ политической свободѣ гражданъ, налогамъ, климату, почвѣ, нравамъ, обычаямъ, гражданской свободѣ, населенію и религіи. Это и составляетъ предметъ IX — XXVI книгъ. XXVII—XXXI книги, разсматриваемыя сами по себѣ, составляютъ только дополненіе, посвященное опыту о римскихъ законахъ относительно наслѣдствъ и неоконченной исторіи феодальныхъ законовъ во Франціи. Собственно говоря, произведеніе оканчивается на XXVI книгѣ. Могущественная связь, которая придаетъ книгѣ характеръ величія, господствуетъ вполнѣ только въ первой части. По мѣрѣ того, какъ книги слѣдуютъ одна за другой, связь исчезаетъ и появляются частыя отступленія.

Это происходитъ отъ того, что, какъ бы ни былъ широкъ умъ Монтескье, онъ не могъ обнять страшной массы замѣтокъ, собранныхъ за тридцать лѣтъ чтенія. Какъ бы широка ни была рамка, картина не могла помѣститься въ ея границахъ: полотно выдавалось за края и мѣстами вздувалось на поверхности. Монтескье чувствовалъ это самъ. Пока онъ писалъ первыя книги, онъ весь былъ полонъ радости и пыла. «Моя большая работа подвигается впередъ гигантскими шагами», писалъ онъ въ 1744 г. аббату Гюаско. Это было еще въ то время, когда «все то, что онъ искалъ, приходило къ нему само». Но мало-по-малу факты скоплялись у выходовъ и загромождали ихъ. Онъ подгоняетъ ихъ подъ свои идеи. «Все подчиняется моимъ принципамъ», пишетъ онъ въ концѣ; но онъ уже не видитъ, какъ то было недавно, что «отдѣльные случаи сами собой подчиняются принципамъ». Онъ дѣлаетъ усилія, приводитъ тексты, сопоставляетъ, накопляетъ, но уже не связываетъ. Онъ ожесточенъ, утомленъ. «Моя жизнь подвигается впередъ, а работа по своей громадности отходитъ назадъ», пишетъ онъ въ 1745 г., а въ 1747 г.: «Моя работа разрастается...» «Меня одолѣваетъ усталость». Послѣднія книги о феодализмѣ совершенно изнурили его. «Этого хватитъ на три часа чтенія; но я васъ увѣряю, что это стоило мнѣ такой работы, что мои волосы посѣдѣли». «Эта работа едва меня не убила, заключаетъ онъ, получивъ послѣднія корректуры; я хочу отдохнуть; я больше не буду работать».

Но особенно охватило его это утомленіе, когда ему пришлось исправлять свой трудъ. Въ началѣ 2-ой части предъ XX книгой онъ написалъ воззваніе къ Музамъ, гдѣ это чувство усталости вылилось въ нѣсколькихъ изящныхъ фразахъ, совершенно античныхъ по формѣ и свѣжихъ по мысли, которыя представляютъ какъ бы предчувствіе прозы Андре Шенье: «Дѣвы горы Пьери, слышите ли вы имя, которое я даю вамъ? Вдохновите меня. Я прошелъ длинный путь; я весь во власти грусти и скуки. Влейте въ мою душу то очарованіе и тотъ сладкій покой, который я когда-то чувствовалъ, но который такъ далекъ отъ меня въ настоящую минуту... Если вы не хотите смягчить суровости моей работы, спрячьте отъ меня самую работу; сдѣлайте такъ, чтобы другіе могли научиться безъ моей помощи; чтобы я размышлялъ и чтобы въ то же время мнѣ казалось, что я чувствую это... Когда воды вашего источника вытекаютъ изъ скалы, которую вы такъ любите, онѣ не поднимаются въ воздухъ, чтобы снова упасть: онѣ текутъ по своему лугу»...

Художникъ въ Монтескье такъ же требователенъ, какъ и мыслитель. Литературная отдѣлка работы безпокоитъ его столько же, сколько и изслѣдованіе принциповъ и методъ. Онъ стремится въ своей книгѣ къ совершенному порядку, но порядку безыскусственному, безъ малѣйшихъ слѣдовъ условности,—къ безконечному разнообразію въ оборотахъ съ цѣлью дать возможность читателю отдохнуть отъ однообразія пути и тяжести багажа. Онъ болѣе всего заботится о томъ,

чтобы заставить читателя мыслить, а не читать только. Онъ всегда оставляетъ читателю что-либо для догадки: это — манера пріобщить его къ своей работѣ и польстить его самолюбію. «Мы напоминаемъ другъ другу, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, о томъ, что мы видѣли, и начинаемъ воображать то, что увидимъ; наша душа радуется своей обширности и проницательности». Онъ — мастеръ, и мастеръ несравненный, въ искусствѣ указывать аллеи, открывать дорожки, выискивать мѣста для отдыха, располагать рощицы и скамейки, сразу развертывать виды, когда прогулка удобна и легка, указывать на нихъ и заставлять ихъ предвкушать, когда она утомительна и крута. Онъ хорошо знаетъ свѣтскихъ людей, для которыхъ пишетъ, ихъ нетерпѣливую любознательность, несистематичность ихъ чтеній, страхъ, который они чувствуютъ предъ усталостью, ихъ желаніе скорѣе добраться до цѣли, ихъ постоянную готовность прервать чтеніе и вѣчную разсѣянность. Отсюда эти главы, въ трехъ строкахъ устанавливающія великую задачу; эти частые заголовки и подъ-заголовки, постоянныя *memento* для слабой памяти, искусственныя возбужденія любознательности, которая уже пресыщается, постоянныя предостереженія противъ легкомыслія. Онъ прерываетъ самого себя, обращается къ читателю, извиняется, такъ сказать, въ томъ, что такъ долго задерживаетъ его, и умоляетъ слѣдовать за нимъ: «мнѣ приходится расчищать направо и налѣво, пробиваться и стремиться къ свѣту... Я хо-

тѣлъ бы плыть по спокойной рѣкѣ, а меня увлекаетъ быстрый потокъ».

Монтескье былъ разсѣянъ; у него было плохое зрѣніе и одышка. Онъ диктовалъ, и при этомъ разговаривалъ. По самой своей натурѣ писателя онъ старался выработать свой стиль. «Я вижу, говорилъ онъ, людей, которые недовольны отступленіями: я думаю, что люди, умѣющіе ихъ дѣлать, подобны тѣмъ, у которыхъ длинныя руки: они могутъ доставать дальше». Иногда Монтескье злоупотребляетъ этимъ, но нельзя упускать изъ виду искусства и цѣны этихъ отступленій. Сравните «Духъ законовъ» съ «Демократіей въ Америкѣ»: то же внутреннее строеніе произведенія, тотъ же приподнятый тонъ мысли, та же широта во взглядахъ. Но отчего происходитъ, я не знаю, что-то напряженное и суровое, эта своего рода янсенитская меланхолія, которою проникнуто все сочиненіе Токвиля, вмѣсто этой изящной непринужденности, этой веселости и привѣтливости, которыя придаютъ столько граціи сочиненію Монтескье? Происходитъ это потому, что Токвиль—нормандецъ, изъ страны съ мрачнымъ небомъ, туманныя долины которой открыты въ сторону постоянно волнующагося моря; человѣкъ, у котораго одна цѣль, одинъ планъ; его умъ не разбрасывается на чтенія, какъ жизнь не растрачивается на развлеченія; ему недостаетъ блуждающей любознательности, случайно собранныхъ анекдотовъ, остротъ, которыя появляются, неизвѣстно откуда,—однимъ словомъ, остроумія и красокъ: онъ—не изъ породы Монтаня.

Его фраза отличается тою же отрывочностью, даже можно сказать—раскрошенностью, и какъ его главы и книги, эта фраза легка, иногда слишкомъ коротка. Монтескье любитъ бросить штрихъ, но онъ скоро утомляется. Чѣмъ чаще эти штрихи, тѣмъ чаще и паузы. Бюффонъ, который имѣлъ сильную грудь и продолжительное дыханіе, который не могъ рѣшаться на то, чтобы ставить точки въ своихъ параграфахъ и обрывать свои фразы, который во всѣхъ великихъ движеніяхъ видѣлъ величественный приливъ и отливъ, подобно морю,—Бюффонъ упрекалъ Монтескье въ постоянномъ дробленіи мысли и стиля. «Книга, говоритъ онъ въ своей знаменитой рѣчи въ академіи, является поэтому болѣе ясной по внѣшности, но планъ автора остается темнымъ». Эта критика преувеличена. Не неясность нужно критиковать у Монтескье, но скорѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезмѣрную сосредоточенность свѣта и безпрерывной игры линзъ. M-me дю Деффанъ ради краснаго словечка, а Вольтеръ по писательской ревности упрекали его въ томъ, что онъ слишкомъ много вложилъ въ свою книгу того самаго esprit, которое стояло въ заголовкѣ. Онъ вложилъ его за всѣхъ авторовъ, которые писали до него объ общественномъ правѣ, и за большую часть изъ тѣхъ, которые писали послѣ него. Если онъ имѣетъ нужду въ извиненіи, то потомство легко дастъ ему его.

Во всякомъ случаѣ, согласимся съ тѣмъ: если у него въ «Духѣ законовъ» безконечно много искусства, и искусства изысканнаго, то столько же и ловкости. Монтескье считалъ себя обязаннымъ провести

цензуру, поставить въ тупикъ Сорбонну и добиться того, чтобы его книга могла циркулировать по Франціи, не причиняя никакихъ безпокойствъ ему самому. Онъ не хотѣлъ вновь быть принужденнымъ не признавать своего труда, какъ то было съ «Персидскими письмами». Онъ желалъ пользоваться общественнымъ почетомъ уже не въ качествѣ сатирика, а моралиста. За своеволіемъ и непочтительностью его молодости послѣдовало почтительное поведеніе человѣка, который серьезно относится къ жизни и задается цѣлью учить человѣчество. Это не значитъ, что у него ничего не осталось отъ прежняго легкаго цинизма. Послѣдній иногда проскальзываетъ тамъ и сямъ, особенно въ отступленіяхъ, когда планъ книги приводитъ автора къ Востоку и къ полигамическимъ нравамъ. Но это уже только эпизоды, и останавливаясь на нихъ на короткое время съ нѣкоторымъ чувствомъ снисхожденія, Монтескье спѣшитъ дальше. Но хотя нечестіе исчезло, особеннаго благоговѣнія все-таки не явилось. Монтескье разсуждаетъ о религіяхъ съ достоинствомъ, какъ и о всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ. Въ своихъ «Разсужденіяхъ о римлянахъ» онъ устранилъ Провидѣніе изъ исторіи; онъ не устраняетъ религіи изъ общества, но помѣщаетъ ее среди различныхъ элементовъ государственной жизни, послѣ арміи, государственнаго устройства, послѣ климата, почвы. нравовъ, рядомъ съ торговлей, населеніемъ и полиціей. Это—не настоящіе размѣры исторіи, ни вѣрныя мѣрки общества, въ особенности это не церковныя правила; но это составляетъ духъ книги, и этотъ

духъ какъ-разъ противоположенъ духу ортодоксіи. Монтескье зналъ это очень хорошо; онъ чувствовалъ себя далекимъ отъ счетовъ съ Римомъ и Сорбонной и не безпокоился объ этомъ.

Онъ старался соблюдать нѣкоторыя правила и принимать предосторожности. У него не было выбора въ пріемахъ: онъ употребилъ тотъ же, которымъ пользовался Монтань и который скоро употребитъ Бюффонъ: тамъ и сямъ были разбросаны по книгѣ ограниченія, ученыя оговорки и красивыя professions de foi. Онѣ смѣло рѣшаютъ сущность вопроса; но взятыя сами по себѣ, безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, онѣ должны были отвратить всякое подозрѣніе о доктринѣ автора. Монтань внесъ въ эту литературную увертку ироническое и скептическое добродушіе, Бюффонъ — высокомѣріе и смѣлость съ цѣлью сбить съ толку простаковъ; Монтескье же, менѣе индифферентный, чѣмъ Монтань, къ обязательствамъ, которыя онъ взялъ на себя, и менѣе смѣлый, чѣмъ Бюффонъ, для безстрашнаго нападенія на высокопоставленныхъ лицъ, внесъ сюда неловкую боязливость, въ которой чувствовалась условная формула. Никто не могъ обмануться въ этомъ, да никто и не обманулся. Онъ помѣстилъ, по его утвержденію, «истинную религію» отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, но онъ помѣстилъ ее только въ скобкахъ и во всей книгѣ говоритъ о ней, какъ и о всѣхъ другихъ, т.-е. въ совершенно свѣтскомъ и гражданскомъ тонѣ законодателя. По его мнѣнію, существуютъ религіи болѣе или менѣе хорошія, и самая совершенная, «откровенная

религія»... «та, которая имѣетъ свои корни въ небѣ», сама по себѣ производила вліяніе болѣе или менѣе счастливое, смотря по странѣ, гдѣ ее распространяли, и людямъ, которые ее исповѣдовали. «Когда Монтезума съ такимъ упорствомъ говорилъ, что религія испанцевъ была хорошею для ихъ страны, а религія Мексики—для послѣдней, онъ не говорилъ нелѣпости». Но самъ онъ предпочиталъ ересь, и хотя не хлопоталъ о томъ, чтобы дать себѣ въ этомъ ясный отчетъ, но и не не зналъ объ этомъ.

Впрочемъ, онъ надѣялся на то, что цензура удовольствуется этими словесными оговорками относительно вѣры, но думалъ, что относительно политики она выкажетъ себя болѣе требовательной. Онъ уничтожилъ, какъ слишкомъ подозрительную, главу о lettres de cachet. Онъ ловко закуталъ туманомъ наблюденія, которыя могли быть сочтены за возмутительныя, и сравненія, рисковавшія затронуть патріотизмъ глупцовъ. Быть можетъ, это было одною изъ причинъ, которыя заставили его описать вполнѣ мѣстное явленіе англійской конституціи въ самой общей формѣ, космополитической, такъ сказать, безъ техническихъ терминовъ и собственныхъ именъ. Повидимому, онъ соединилъ результаты многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ различныхъ странахъ, и свелъ къ одному общему типу множество аналогичныхъ учрежденій: это обобщеніе, произвольное само по себѣ, часто разсматривалось, какъ актъ благоразумія. Въ иныхъ мѣстахъ онъ пользуется намеками. Глава подъ названіемъ «Роковое

слѣдствіе роскоши въ Китаѣ» есть, по просту говоря, «китайское письмо»: въ немъ говорится именно о французахъ.

Нѣтъ болѣе страннаго примѣра этихъ ораторскихъ предосторожностей, какъ глава, одна изъ самыхъ глубокихъ въ книгѣ, въ которой Монтескье объясняетъ, «Какъ законы могутъ способствовать образованію нравовъ, обычаевъ и характера націи». Здѣсь дѣло идетъ объ Англіи, а Монтескье не называетъ ея. Онъ представляетъ ее гипотетично; эта манера разсужденія приводитъ его къ страннымъ оборотамъ въ родѣ слѣдующаго:

«Если бы эта нація жила на островѣ, она не была бы завоевательницей, потому что отдаленныя завоеванія ослабляли бы ее... Если бы эта нація находилась на сѣверѣ и имѣла очень много излишнихъ съѣстныхъ припасовъ, а у нея самой не доставало бы столь же много товаровъ, въ которыхъ ей отказалъ бы ея климатъ, то она вела бы необходимую, но великую торговлю съ южными народами... Могло бы случиться, что иногда она подчиняла бы себѣ сосѣднюю націю, которая возбудила бы въ ней зависть своимъ положеніемъ, удобствомъ своихъ гаваней, своими природными богатствами: такимъ образомъ, хотя она дала бы ей свои законы, но держала бы ее въ зависимости»...

Вотъ излишекъ и злоупотребленіе пріемомъ.—Желая утончить свои намеки и говорить такъ, чтобы смышленые люди понимали съ полуслова, Монтескье доходитъ до худшихъ послѣдствій: до путаницы и

тяжеловѣсности въ тонкости. Насколько больше онъ былъ бы великъ, если бы осмѣлился быть самимъ собой и назвать вещи ихъ именами! Зачѣмъ не написалъ онъ весь этотъ отличающійся проницательностью этюдъ о политическихъ правахъ Англіи перомъ, которымъ нѣсколькими страницами дальше въ слѣдующей книгѣ излагаетъ мастерскій очеркъ «Англійскаго духа торговли». «Другія націи поступаются торговыми интересами ради интересовъ политическихъ: эта же въ пользу интересовъ своей торговли поступается политическими. Этотъ народъ лучше всѣхъ въ мірѣ умѣетъ извлекать выгоду разомъ изъ трехъ великихъ вещей: религіи, торговли и свободы». Вмѣсто картины во вкусѣ Поля Веронеза, какъ мѣтко выразился Вольтеръ, картины «съ блестящими красками, легкостью кисти и нѣкоторыми недостатками въ костюмахъ», Монтескье далъ картину à la Rembrandt— яркое и рельефное изображеніе дѣйствительности.

Если такимъ образомъ Монтескье пользуется этимъ пріемомъ изъ осторожности, то еще чаще дѣлаетъ то же самое по вкусу и кокетству остроумца. Нѣкоторая таинственность въ языкѣ—признакъ хорошаго тона и возвышаетъ предметъ, самъ по себѣ неблагодарный и скучный. Обобщеніе, которое иногда служитъ скромнымъ прикрытіемъ для его мысли, чаще было парадной драпировкой. Это—модная драпировка. Монтескье облекаетъ ею свои идеи по склонности ума, которую раздѣляетъ вмѣстѣ съ своими современниками, и изъ-за тайнаго желанія поддѣлаться подъ ихъ вкусы. У него — свой сло-

варь и своя реторика. Чтобы понимать его, нужно познакомиться съ его выраженіями и оборотами его рѣчи. Относительно выраженій задача легка: онъ превосходный писатель и пользуется ими совершенно сознательно; разъ мы знакомы съ его словоупотребленіемъ, то всегда будемъ знать, что онъ хотѣлъ сказать. Игра оборотами болѣе неопредѣленна: иногда встрѣчается необходимость переставить, обобщить, угадать намекъ, перевести на собственныя имена прекрасныя общія положенія; но все это нужно дѣлать очень осторожно.

Но мы рисковали бы впасть въ досадныя ошибки, мы умалили бы Монтескье и обманулись бы относительно его намѣреній, если бы примѣнили ко всему сочиненію въ полномъ его составѣ систему объясненій, которая имѣетъ свой raison d'être только въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ и отдѣльныхъ случаяхъ. Монтескье—обобщающій геній: въ этомъ его величіе и недостатокъ. Будемъ разсматривать его такимъ, какимъ онъ является самъ. Прочтемъ книгу, какъ она написана, безъ комментарій, почти даже безъ примѣчаній. Не безъ причинъ Монтескье, собравшій столько примѣчаній, напечаталъ изъ нихъ такъ мало. Такъ, на многихъ страницахъ онъ хотѣлъ, чтобы читатель сказалъ самому себѣ: Вотъ Англія или вотъ Версаль; на тѣхъ же самыхъ страницахъ онъ въ то же время подразумѣвалъ, что здѣсь подумаютъ: Вотъ это случится вездѣ, гдѣ при тѣхъ же условіяхъ будутъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Англіи или Версали. Онъ желалъ, чтобы каждый могъ приспособить изо-

бражаемые имъ типы къ различнымъ обстоятельствамъ, чтобы не знали точно, гдѣ именно происходитъ дѣйствіе: въ Римѣ, Аѳинахъ, Спартѣ, но чтобы чувствовали себя въ демократіи или республикѣ; чтобы при изображеніи монархіи штрихами, взятыми изъ жизни Испаніи и Франціи вмѣстѣ, могли узнать, что это, собственно говоря, не сама Испанія и не Франція, а что это — общія условія той и другой. Онъ хотѣлъ, чтобы изъ всей его книги вышло то же, что и изъ главы XIII книги «Какъ можно устранить уменьшеніе народонаселенія». Прочтите эту главу, устремивъ свое вниманіе на югъ, и вы признаете Испанію; повернитесь къ востоку, и вы будете увѣрены, что узнали Польшу. Дѣло въ томъ, что примѣръ взятъ изъ нѣсколькихъ странъ заразъ, что заключеніе сдѣлано общее и урокъ можетъ быть примѣненъ къ этимъ націямъ такъ же хорошо, какъ и ко всѣмъ тѣмъ, которыя находились бы при тѣхъ же самыхъ условіяхъ.

Однимъ словомъ, Монтескье создалъ классическое произведеніе. Онъ не слѣдовалъ за правленіями въ ихъ историческомъ развитіи и въ ихъ послѣдовательныхъ переворотахъ; онъ представилъ возможность созерцать ихъ остановившимися, полными, окончательными и какъ бы сосредоточенными въ самихъ себѣ изъ всѣхъ эпохъ ихъ исторіи. Ни хронологіи, ни перспективы; все помѣщено на одномъ планѣ. Это—единство времени, мѣста и дѣйствія, перенесенное со сцены въ законодательство. Монтескье разсматриваетъ только законы, ихъ предметъ, вліяніе.

ихъ предназначеніе; все остальное составляетъ фундаментъ его труда, но не зданіе. Онъ прочно построилъ свой фундаментъ и вбилъ свои сваи такъ глубоко, какъ это было нужно для того, чтобы встрѣтить твердую землю и прочный грунтъ, но онъ скрываетъ ихъ отъ взоровъ. Онъ изучалъ и изображалъ монархію или республику, какъ Мольеръ — Скупого, Мизантропа или Тартюфа, какъ Ла Брюйеръ — Вельможъ, Политиковъ и Вольнодумцевъ. Значило бы сравнять его съ классиками, его учителями, если бы мы стали показывать, какъ его галлерея подкрѣпляется исторіей и какъ можно было бы поставить извѣстныя имена и даты подъ каждою изъ его картинъ, но мы исказили бы его мысль, давая ей слишкомъ частное объясненіе.

Мы исказили бы его мысль, если бы взяли ее отвлеченно. Монтескье старается создать общія идеи посредствомъ фактовъ, которые онъ наблюдалъ; онъ не претендуетъ на то, чтобы чисто спекулятивнымъ путемъ постигнуть абсолютныя и всеобщія идеи. Онъ хочетъ извлечь общій типъ монархій или республикъ, которыя онъ знаетъ; онъ не выводитъ идеала a priori, — ни монархіи самой въ себѣ, ни раціональной республики. Поэтому, весь смыслъ и все значеніе принциповъ, которые онъ устанавливаетъ, и законовъ, которые проистекаютъ отсюда, заключается въ отношеніяхъ, въ какихъ находятся эти принципы и законы съ дѣйствительностью.

VI.

Духъ законовъ: политическіе законы и формы правленія.

Книга о формахъ правленія начинается съ демократическаго правительства, т.-е. съ того именно, при которомъ верховная власть находится въ рукахъ народа въ полномъ его составѣ. Монтескье судитъ о ней по Риму, беря его въ тѣ вѣка, когда республика была еще городомъ (cité), по Аѳинамъ и Лакедемону—«въ то время, когда греческій народъ представлялъ цѣлый міръ, а греческіе города были націями». Республика, устроенная такимъ образомъ, допускаетъ только ограниченную территорію; граждане, составляющіе небольшое число, раздѣлены на классы; они владѣютъ рабами и занимаются только политикой и войной; при досугѣ своей частной жизни и благодаря небольшимъ размѣрамъ города, они имѣютъ возможность непосредственно и постоянно сами выполнять многочисленныя и требующія много времени отправленія гражданской жизни. Торговлею они не занимаются, или занимаются ею очень мало, и это именно обстоятельство влечетъ

за собою духъ «простоты, бережливости, умѣренности, трудолюбія, мудрости, спокойствія, порядка и законности». Участки земли раздѣляются между ними поровну: слишкомъ распространившіяся помѣстья или слишкомъ развившаяся торговля вызвали бы ростъ частныхъ богатствъ и, слѣдовательно, уничтожили бы равенство. Іерархія строго поддерживается между классами. «Только въ эпоху порчи нѣкоторыхъ демократій ремесленники стали гражданами».

Народъ въ полномъ своемъ составѣ, т.-е. собраніе гражданъ, издаетъ законы и пользуется верховною властью. «Его голоса—его воля». Онъ выбираетъ должностныхъ лицъ среди людей, умъ которыхъ онъ знаетъ и правленіе которыхъ постоянно контролируетъ. Онъ осуществляетъ истинное равенство, которое состоитъ «въ повиновеніи себѣ равнымъ и повелѣваніи ими». Онъ пользуется свободой, которую Боссюэтъ еще до Монтескье мѣтко опредѣлилъ, какъ государство, «въ которомъ всякій подчиняется только закону и гдѣ законъ могущественнѣе людей». Государство очень странное, къ которому не примѣнимы наши современныя понятія о свободѣ. Наша свобода гражданская и индивидуальная; свобода древнихъ—исключительно политическая и государственная. Для насъ свобода совѣсти—первая и самая существенная изъ свободъ; древніе даже не понимали ея. Для нихъ свобода состояла единственно въ пользованіи верховною властью. Индивидуумъ не имѣлъ никакого иного права, кромѣ права подачи голоса: послѣдняя исчерпывала все его право; а затѣмъ во всемъ остальномъ, въ

своихъ вѣрованіяхъ, въ своей семьѣ, въ своихъ занятіяхъ, въ каждомъ своемъ поступкѣ онъ былъ подчиненъ большинству голосовъ, которымъ устанавливались государственные законы. Вотъ, по мнѣнію Монтескье, природа республиканскаго правительства въ демократіи.

Эта форма правленія могла установиться только въ такомъ человѣческомъ обществѣ, въ которомъ глубокое чувство общественной солидарности, общее пониманіе общественныхъ интересовъ и потребностей, одинаковая всеобщая преданность общественному благу позволили создать учрежденія, столь противорѣчащія инстинкту неповиновенія, эгоизма и корыстолюбія, которые каждый человѣкъ носитъ въ себѣ. Въ этихъ нравственныхъ условіяхъ демократическаго правительства заключается его raison d'être. Вотъ почему Монтескье заключаетъ, что принципъ этого правительства—*доблесть* (vertu), и опредѣляетъ эту доблесть: «любовь къ республикѣ... любовь къ законамъ и отечеству... любовь къ отечеству, т.-е. любовь къ равенству».

Эта доблесть, создавшая учрежденія, одна только и способна поддерживать ихъ. Законы поэтому должны научить гражданъ доблести и заставить ихъ проявлять ее. Всемогущество государства надъ семьей, принудительное воспитаніе дѣтей, раздѣлъ земель, ограниченіе наслѣдствъ, законы противъ роскоши образуютъ духъ этихъ подавляющихъ законодательствъ. Все находится въ зависимости отъ правила: «благо народа—высшій законъ».

Однако, несмотря на эти чрезвычайныя средства, потому ли, что перестанутъ временно примѣнять ихъ, или потому, что будутъ ими злоупотреблять, но демократія можетъ подвергнуться порчѣ. Это можетъ случиться именно тогда, когда духъ равенства становится фальшивымъ и когда честолюбіе не ограничивается уже «единственнымъ счастьемъ оказать отечеству болѣе важныя услуги, чѣмъ кто бы то ни было изъ другихъ гражданъ»; личная алчность извращаетъ честолюбіе, а надменность искажаетъ его; частныя богатства растутъ, а съ ними и индифферентное отношеніе къ общественному благу; чувство индивидуальной независимости замѣняетъ мѣсто государственной свободы, солидарность гибнетъ, является зависть, дисциплина исчезаетъ; равенство вырождается въ анархію; мы видимъ, какъ исчезаетъ изъ нравовъ та суровость, которая устраняла эгоистическія страсти лишь для того, чтобы придать болѣе силы страстямъ общественнымъ; однимъ словомъ, граждане уничтожаютъ «это самоотверженіе», которое было причиной всей республиканской доблести. Тогда дѣло кончено, и тѣ же средства становятся гибельными, потому что искусственная власть, которую они признаютъ за государствомъ, только помогаетъ тиранніи и довершаетъ крушеніе республики.

«Разъ принципы правительства извращены, то самые лучшіе законы становятся дурными и обращаются противъ государства; если же принципы его цѣлы, и дурные законы дѣйствуютъ, какъ хорошіе; сила принципа влечетъ за собою все.»... «Принципъ

демократіи портится не только тогда, когда исчезаетъ духъ равенства, но и тогда, когда духъ равенства доводятъ до крайности, и когда каждый хочетъ быть равнымъ тѣмъ, кого онъ избираетъ для управленія собою... Послѣ этого въ республикѣ не можетъ болѣе существовать доблести».

Демократія Монтескье, повидимому, очень далека отъ нашей современной цивилизаціи. Когда ее представляютъ себѣ среди нашей цивилизаціи, она принимаетъ, я не знаю, какой-то видъ парадокса и утопіи. Дѣло въ томъ, что Монтескье, выискивая вокругъ себя какого-либо примѣра, пережившаго эти исчезнувшія общества, находитъ нѣчто подобное только въ монашескихъ обителяхъ или въ Парагваѣ. Нѣтъ ничего, на самомъ дѣлѣ, болѣе противоположнаго современнымъ понятіямъ объ отечествѣ, религіи, трудѣ,— идеямъ о непрерывной эволюціи учрежденій, вѣрованій, судебъ, самыхъ нравовъ; нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго доктринѣ прогресса и «Деклараціи правъ человѣка», чѣмъ духъ этихъ древнихъ республикъ съ ихъ іерархіей, ихъ рабами и ихъ деспотизмомъ государства. Монтескье не предвидѣлъ близкаго будущаго и громаднаго развитія новой демократіи. Еще менѣе онъ могъ думать объ организаціи демократическихъ республикъ въ большихъ странахъ. «Нельзя, сказалъ онъ по поводу греческихъ учрежденій, надѣяться на это при безпорядкѣ, небрежности, при громадномъ количествѣ дѣлъ большого народа». «Греческіе политики, жившіе при народномъ правительствѣ, не знали иной силы, которая могла бы поддер-

жать ихъ, кромѣ доблести. Современные же политики говорятъ намъ только о мануфактурахъ, торговлѣ, богатствахъ, даже роскоши».

Монтескье не подозрѣвалъ, что эти мануфактуры, эта торговля, эти богатства, эта самая роскошь, которыя онъ считалъ несовмѣстимыми съ демократіями, сдѣлаются для послѣднихъ основнымъ элементомъ; что этотъ переворотъ произойдетъ въ его собственной странѣ и распространится по всей Европѣ. Но во всякой демократіи существуютъ органическія и постоянныя свойства, которыя продолжаютъ дѣйствовать, несмотря на различія въ формахъ. Монтескье обладалъ столь глубокимъ и проницательнымъ взглядомъ, что опредѣлилъ наиболѣе существенныя изъ этихъ свойствъ. Много совѣтовъ, извлеченныхъ имъ изъ разсмотрѣнія древнихъ демократій, примѣняются съ такою же вѣрностью къ демократіямъ современнымъ. Тѣ же самыя крайности рискуютъ испортить правительства. Государство зависитъ отъ большинства, а большинство состоитъ изъ лицъ, эгоистическія страсти которыхъ постоянно мѣшаютъ имъ понимать, какъ слѣдуетъ, общественный интересъ. Эти лица, естественно, склонны къ смѣшенію свободы съ участіемъ во власти, общественнаго достоянія съ общимъ достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, прогресса съ постоянными нововведеніями и права съ числомъ, т.-е. силой, такъ что при государственномъ устройствѣ, основанномъ на равенствѣ и индивидуальной свободѣ, большинство стремится къ подчиненію меньшинства, а государство—къ поглощенію націи. Поэтому безпре-

станно нужно повторять, что свобода имѣетъ значеніе только чрезъ тѣхъ, кто ею обладаетъ, законъ—чрезъ тѣхъ, кто его создаетъ, правленіе—въ чьихъ рукахъ оно находится, государство, наконецъ,—чрезъ націю, т.-е. индивидуумовъ, ее составляющихъ. Каждый отвѣтствененъ за общее благо и связанъ съ интересами всѣхъ. Если большинство гражданъ алчно, завистливо, не хочетъ повиноваться, то равенство порождаетъ грабежъ, остракизмъ, анархію и необходимо влечетъ за собою паденіе государства. Чѣмъ болѣе расширяются права индивидуума, тѣмъ настойчивѣе становятся его страсти. Чѣмъ тяжелѣе налагаетъ свою власть на общества неумолимый законъ борьбы за существованіе, тѣмъ необходимѣе становится, чтобы демократіи были закалены въ своихъ принципахъ: національной солидарности, высшей любви къ отечеству, общественномъ единеніи на почвѣ общаго блага. Что же такое все это, если не *доблесть* въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее опредѣлилъ Монтескье?

Эта доблесть не менѣе была бы необходима и для аристократическихъ республикъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ верховная власть находится въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ. Монтескье долго останавливается на этихъ аристократическихъ республикахъ; но предметъ уже не интересенъ для насъ: эта форма республики исчезла изъ Европы. Но въ эпоху Монтескье она еще существовала. Онъ наблюдалъ ее въ Венеціи и изучалъ по Польшѣ. Взгляды его на эту послѣднюю республику очень проницательны. Самая несовершенная изъ аристократическихъ республикъ, говоритъ онъ,

«та, гдѣ часть народа, которая повинуется, находится въ гражданскомъ рабствѣ у той, которая повелѣваетъ». Въ Польшѣ республика существуетъ только для дворянъ, и они ее разоряютъ. Чтобы поддержать ее, «аристократическія семьи должны быть народомъ, насколько это возможно». Ихъ привилегіи должны были бы возобновляться и постоянно оправдываться новыми услугами; въ противномъ случаѣ республика превращается въ «деспотическое государство, въ которомъ нѣсколько деспотовъ...» Независимость каждаго изъ нихъ становится предметомъ законовъ, а отсюда проистекаетъ угнетеніе всѣхъ. Такъ какъ дворянство очень многочисленно, то, если имъ овладѣваетъ порча, въ государствѣ ломаются всѣ пружины. «Анархія вырождается въ полное уничтоженіе». Организованную такимъ образомъ аристократію постоянно долженъ былъ бы держать насторожѣ какой-либо страхъ. «Чѣмъ болѣе эти государства имѣютъ безопасности, тѣмъ болѣе они подвержены порчѣ, какъ слишкомъ спокойныя воды».

Причинъ къ безпокойству было достаточно и у Венеціи, и у Польши; но эти республики, не замѣчая своей слабости, довѣрялись призрачному публичному праву, котораго никто не уважалъ. Онѣ одинаково считали себя въ безопасности, видя раздоры среди своихъ враговъ. Венеціанцы, такъ сказать, отреклись отъ своихъ правъ; поляки отдались сами, враждуя въ своихъ партіяхъ другъ съ другомъ болѣе, чѣмъ враги въ своемъ соперничествѣ. Гораздо скорѣе могли согласиться между собою Россія, Прус-

сія и Австрія для раздѣла республики, чѣмъ сами поляки для ея защиты. Заклятія дожа Ренье въ 1780 г. и попытка польскихъ патріотовъ въ 1790 г. возродить свое отечество — являются только комментаріемъ къ наставленіямъ Монтескье. Паденіе этихъ двухъ аристократическихъ республикъ — оправданіе его сужденій. «Если республика не велика, она погибнетъ отъ иностранной силы; если же она велика, то погибнетъ отъ внутренней порчи», сказалъ онъ. Венеція и Польша ослабѣли отъ внутренней порчи и были уничтожены иностранной силою.

Демократія, бывшая для Монтескье лишь историческимъ явленіемъ, господствуетъ въ настоящее время среди нѣкоторыхъ изъ величайшихъ націй міра и стремится проникнуть и въ другія страны; монархія, которую онъ описалъ, была самой распространенной формой правленія въ Европѣ; въ наши дни она почти совсѣмъ исчезла. Монтескье изслѣдуетъ ее съ особенною любовью и посвящаетъ ей главу для доказательства ея превосходства. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, составляя эту часть своей книги, онъ не думалъ постоянно о французской монархіи и о паденіи, которое угрожало ей. Франція направлялась къ деспотизму; а не было ничего болѣе отличнаго отъ деспотизма, чѣмъ монархія въ такомъ видѣ, какъ онъ ее понималъ. Боссюэтъ различалъ монархію неограниченную, гдѣ государь правитъ по законамъ, и монархію произвольную, гдѣ онъ правитъ по своему капризу. Это произвольное правленіе Монтескье называетъ деспотизмомъ, а собственно монархиче-

скимъ государствомъ признаетъ то, въ которомъ «одинъ управляетъ по опредѣленнымъ и установленнымъ законамъ».

Природа монархіи такова, что она имѣетъ основные законы. Государь — источникъ всякой политической и гражданской власти; но онъ примѣняетъ ее «при помощи каналовъ», «по которымъ течетъ эта власть». Это — «власти посредствующія, подчиненныя и зависимыя», которыя умѣряютъ «моментальную и капризную волю одного». Двѣ первыхъ власти—дворянство и духовенство; третья — сословіе судей, которое охраняетъ основные законы и напоминаетъ о нихъ государю, когда онъ, повидимому, забываетъ эти законы. Эта іерархія составляетъ необходимое условіе монархическаго правительства. Если ее уничтожить, то мы роковымъ образомъ придемъ къ деспотизму или демократіи.

Честь—вотъ принципъ этого правительства, какъ доблесть — принципъ республики: честь не противоположна доблести; она есть, по преимуществу, политическая доблесть монархіи. Для республиканца эта доблесть состоитъ въ любви къ отечеству и равенству; для монархиста она состоитъ въ любви къ монарху и привилегіямъ: отсюда происходитъ то, что служатъ монарху, а служа монарху, его сдерживаютъ. Монархія образовалась потому, что нація была неспособна управлять сама собою: для этого она отдала себя во власть вождя и его потомковъ. Для поддержанія этого правительства, покоящагося на повиновеніи, нужно, чтобы повиновеніе доставляло почетъ,

но отнюдь не переходило въ раболѣпство. За отсутствіемъ независимости важно, чтобы подданные обладали благородствомъ души. Вотъ въ чемъ заключается дѣйствіе чести: чтобы хорошо понять эту главу, ее нужно постоянно сравнивать съ «Мемуарами С.-Симона».

Законы, вытекающіе изъ этого принципа и, слѣдовательно, образующіе пружину монархіи,—тѣ, которые поддерживаютъ чувство чести и прерогативы, на которыхъ оно покоится. Это и есть привилегіи,—право первородства, назначенія наслѣдствъ, запрещеніе для дворянства заниматься торговлей.

Духъ этой монархіи, дѣйствующей благодаря оппозиціи различныхъ посредствующихъ властей, составляетъ умѣренность. Если онъ бездѣйствуетъ, то правительство находится въ опасности, и мы можемъ видѣть, какъ оно погибаетъ благодаря порчѣ своего принципа. Честь переходитъ въ тщеславіе; повиновеніе вырождается въ рабство: оно болѣе не доблесть, оно — средство возвыситься. Придворная служба поглощаетъ службу на пользу государства. «Если государь любитъ свободныя души, говоритъ Монтескье, у него будутъ подданные; если же онъ любитъ низкопоклонство, у него явятся рабы». Они есть у него, и онъ унижаетъ ихъ, заставляя повиноваться своимъ капризамъ; онъ спокойно ограничиваетъ судей, упраздняетъ основные законы, управляетъ произвольно, и этотъ абсолютизмъ довершаетъ порчу двора, а дворъ портитъ своимъ примѣромъ народъ. Нравы, создавшіе монархію, исчезли, сосло-

вія лишаются своего достоинства, привилегіи — своихъ основаній, привилегированные—своего значенія, и монархія по уничтоженіи привилегій приближается къ одному изъ двухъ неизбѣжныхъ своихъ предѣловъ при паденіи: народному государству или деспотизму.

Монтескье чувствуетъ отвращеніе къ деспотизму. Онъ рисуетъ его ужасающими красками, но этой картинѣ недостаетъ жизни. Монтескье не наблюдалъ самъ фактовъ, и документы ввели его въ заблужденіе. Онъ имѣетъ въ виду лишь восточный деспотизмъ, деспотизмъ Испагани и Константинополя, деспотизмъ «Персидскихъ писемъ», съ ихъ таинственными сералями, страшными гаремами, ревнивыми султанами и печальными евнухами. Ему недостаетъ знанія Россіи. Она представила бы для него гораздо болѣе интересную и гораздо болѣе доступную для европейцевъ форму деспотизма, смягчаемаго религіей. Монтескье далъ только возможность предвидѣть, и то издалека и неясно, самодержавіе царей. То, что Россія проявила уже въ то время и что она проявила послѣ того, расшатываетъ многія изъ его правилъ, а нѣкоторыя и уничтожаетъ.

«Никто, говоритъ онъ по поводу деспотическихъ правительствъ, не любитъ тамъ государства и государя». Вотъ имперія, гдѣ государь является живымъ и произвольнымъ закономъ, и гдѣ любовь, внушаемая имъ народу, составляетъ всю силу государства. Монтескье не думаетъ, чтобы это правительство обладало великодушіемъ: Екатерина II и ея внукъ Але-

ксандръ доказали обратное. Онъ думаетъ, что возможность, которую имѣетъ царь выбрать себѣ наслѣдника, дѣлаетъ тронъ нетвердымъ: «порядокъ наслѣдованія является одною изъ такихъ вещей, знать которыя для народа очень важно». Самый необыкновенный безпорядокъ царствовалъ въ Россіи относительно порядка наслѣдованія во все продолженіе XVIII в., тронъ постоянно укрѣплялся, а русскій народъ только справлялся объ имени своихъ государей, чтобы измѣнить въ своихъ молитвахъ имя святого, котораго онъ призывалъ. Желая въ заключеніе еще разъ заклеймить деспотизмъ, Монтескье написалъ эту знаменитую главу всего въ три строки, заключающую въ себѣ столь великій образъ: «Когда дикари въ Луизіанѣ хотятъ воспользоваться плодами, они срѣзаютъ дерево подъ-корень и собираютъ плоды. Вотъ деспотическое правленіе». Это — правительство султана, а не правительство царя Петра и великой Екатерины.

Спрашивается, почему, изслѣдуя только чудовищный деспотизмъ Востока, онъ такъ на этомъ настаиваетъ, — какъ можно при этомъ съ такимъ вниманіемъ разсуждать о его природѣ, принципѣ и порчѣ этого принципа? Симметрія, конечно, тутъ играетъ нѣкоторую роль, и нѣкоторую роль играетъ впечатлѣніе, вынесенное изъ чтенія Тавернье и Шардена. Можно также подумать, что Монтескье стремился къ эффекту контрастовъ, что онъ, сгущая въ этомъ случаѣ краски, хотѣлъ рельефнѣе выставить превосходство монархіи, указать на опасность ея вырожденія, и такимъ обра-

зомъ приготовлялъ умы къ лучшему пониманію его идей о политической свободѣ.

Этотъ вопросъ[1]) онъ трактуетъ въ книгѣ отдѣльно, внѣ изслѣдованія о формахъ правленія. Дѣйствительно, политическая свобода совмѣстима со многими изъ нихъ и въ то же время не связана необходимымъ образомъ ни съ одной изъ тѣхъ, съ которыми она совмѣстима. Монтескье отличаетъ ее отъ національной независимости, которую называетъ свободой народа по отношенію къ другимъ націямъ, и отъ свободы гражданской, которая въ нѣдрахъ народа является свободой личности и имущества. Онъ опредѣляетъ свободу «правомъ дѣлать все, что позволяютъ законы». «Свобода можетъ состоять только въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, что должно желать, и не быть вынужденнымъ дѣлать то, чего не должно хотѣть». Опредѣленіе неясное и недостаточное. Законъ можетъ быть,—и бывалъ въ дѣйствительности,—орудіемъ деспотизма: онъ можетъ приказывать мнѣ то, чего я не долженъ желать, и запрещать то, что долженъ желать. Парламентскіе *Акты*, имѣвшіе цѣлью преслѣдованіе католиковъ и диссидентовъ въ Англіи, были законами. Свободой совѣсти пользовались во владѣніяхъ великаго Фридриха, гдѣ король царствовалъ безконтрольно; но не пользовались ею въ Англіи, гдѣ былъ парламентъ и отвѣтственные министры.

Гдѣ же такимъ образомъ осуществляется свобода?

---

[1]) См. въ приложеніи переводъ кн. XI, гл. 2, 3 и 4 изъ „Esprit des lois“. *Прим. перев.*

«Политическая свобода осуществляется только въ умѣренныхъ правительствахъ. Но она не всегда бываетъ въ умѣренныхъ государствахъ; она существуетъ только въ томъ случаѣ, если не злоупотребляютъ властью... Для того, чтобы нельзя было злоупотреблять властью, нужно, чтобы въ силу устройства государства одна власть останавливала другую».

Это—знаменитая теорія раздѣленія властей [1]). Монтескье резюмируетъ ее въ слѣдующихъ словахъ: «Когда въ одной и той же личности, или въ одномъ и томъ же учрежденіи законодательная власть соединена съ исполнительной, то нѣтъ свободы, потому что можно опасаться, какъ бы монархъ или сенатъ не издалъ тиранническихъ законовъ, съ цѣлью тираннически выполнять ихъ». Это мы видимъ во Франціи при режимѣ чистой монархіи и при режимѣ собраній. Отмѣна Нантскаго эдикта, законъ о подозрительныхъ и заложникахъ представляютъ доказательства этого. Поэтому законодательная и исполнительная власти должны быть раздѣлены; но если это необходимо для обезпеченія свободы, то еще недостаточно. «Свободы еще не существуетъ, если судебная власть не отдѣлена отъ власти законодательной и исполнительной. Если бы она соединялась съ законодательною властью, то власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной, такъ какъ судья былъ бы и законодателемъ. Если же она соединя-

---

[1]) См. въ приложеніи переводъ кн. XI, гл. VI изъ „Esprit des lois“. *Прим. перев.*

лась бы съ властью исполнительною, то судья могъ бы сдѣлаться притѣснителемъ». Дѣйствительно, это имѣло мѣсто въ большинствѣ европейскихъ правительствъ, — во французскомъ правительствѣ, напримѣръ, и вотъ почему Монтескье назвалъ эти правительства умѣренными.

Не Монтескье изобрѣлъ эту систему. До него ее представилъ Аристотель, но никто не излагалъ ея въ столь простой и ясной формѣ. Монтескье провелъ ее изъ теоріи въ практику и сдѣлалъ популярною. Полное примѣненіе этихъ правилъ онъ видѣлъ только въ Англіи, и онъ описываетъ послѣднюю, когда хочетъ представить примѣръ націи, «которая непосредственнымъ объектомъ своего государственнаго устройства имѣетъ политическую свободу».

Онъ не написалъ исторіи этого государственнаго устройства, и слегка касается вопроса объ его происхожденіи только для того, чтобы еще разъ въ «Духѣ законовъ» высказать парадоксъ, встрѣчающійся въ «Персидскихъ письмахъ»,—парадоксъ, который ему очень нравится. «Если кто захочетъ прочесть замѣчательное произведеніе Тацита о «Нравахъ германцевъ», тотъ увидитъ, что англичане именно изъ нихъ извлекли идею своего политическаго устройства. Эта прекрасная система была найдена въ лѣсахъ». Монтескье съ удовольствіемъ считалъ себя потомкомъ этихъ готтовъ, которые, «завоевавъ римскую имперію, всюду основывали монархію и свободу». У него были свои особыя причины искать у Тацита элементовъ англійскаго государственнаго устройства, и ему прі-

ятно было найти ихъ тамъ. Очень серьезные ученые послѣ него искали ихъ тамъ, нашли въ свою очередь и внушили многимъ очень свѣдущимъ людямъ, которые были убѣждены въ томъ, что видѣли эти элементы. Было бы нелѣпо смѣяться надъ Монтескье за предубѣжденіе относительно происхожденія, и должно быть благодарнымъ ему за то, что онъ проявилъ столько хорошаго расположенія духа и такъ мало педантизма. Мы поступимъ, какъ онъ, не будемъ останавливаться на этомъ и отошлемъ читателя къ Гнейсту и Фриману, нѣмцу и англичанину, которые были за Тацита и лѣса, къ Гизо и его новѣйшему ученику и продолжателю Бутми, которые, по моему мнѣнію, опровергли предразсудокъ Монтескье съ помощью его собственнаго метода: они въ данномъ случаѣ примѣняютъ этотъ методъ шире, чѣмъ дѣлалъ то самъ Монтескье, когда устанавливаютъ, что государственное устройство Англіи имѣетъ гораздо болѣе историческое, чѣмъ этнографическое происхожденіе, и что оно совершенно просто явилось результатомъ не лѣсовъ или луговъ, а «необходимостей, созданныхъ обстоятельствами».

Монтескье анализируетъ это государственное устройство уже въ пору его зрѣлости и на той ступени его развитія, когда сдѣлалось возможнымъ переносить его въ другія государства. Онъ считаетъ его законченнымъ; онъ соединяетъ и обобщаетъ его элементы, какъ сдѣлалъ то для античныхъ республикъ. Особенно онъ выставляетъ на видъ ту часть учрежденій, которая можетъ быть перенесена въ другія мѣста. Дѣйствительно, оно было перенесено всюду, не только въ мо-

нархіи, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ формахъ и въ республики, гдѣ территорія государства слишкомъ обширна для того, чтобы народъ могъ управляться непосредственно.

Вотъ въ чемъ заключается для Монтескье «основное устройство» англійскаго правленія. Законодательное учрежденіе состоитъ изъ представителей, избранныхъ по системѣ весьма широкой подачи голосовъ, потому что оно должно заключать въ себѣ «всѣхъ граждан,... за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся въ состояніи такого приниженія, что не могутъ считаться имѣющими собственную волю»: это законодательное учрежденіе издаетъ законы и контролируетъ ихъ выполненіе;—верхняя палата состоитъ изъ наслѣдственныхъ членовъ: она вмѣстѣ съ законодательнымъ учрежденіемъ заботится объ изданіи законовъ, за исключеніемъ законовъ, касающихся налоговъ, относительно чего вслѣдствіе боязни подкуповъ со стороны короны ей дали только право veto; — исполнительная власть ввѣрена монарху, такъ какъ, если законодательство требуетъ разсужденія, которое является дѣломъ многихъ лицъ, то исполненіе требуетъ воли, которая есть дѣло одного только лица; исполнительная власть не имѣетъ необходимо инициативы въ законахъ и не вмѣшивается въ пренія о томъ или другомъ дѣлѣ; она имѣетъ право veto относительно законовъ; если монарха нѣтъ, то исполнительная власть не должна ввѣряться членамъ законодательнаго учрежденія, такъ какъ въ такомъ случаѣ власти были бы перемѣшаны;—законодательное

учрежденіе не можетъ судить ни поведенія, ни личности монарха, потому что это было бы смѣшеніемъ властей; но если особа монарха неприкосновенна и священна, то его министры могутъ быть подвергнуты слѣдствію и наказанію;—обѣ палаты періодически соединяются и каждый годъ вотируютъ извѣстное количество налоговъ и солдатъ.

Очень общій характеръ, данный Монтескье этой теоріи, доставилъ ей силу распространенія; такой характеръ придалъ ей зато нѣкотораго рода литературную сухость. Эта глава вся состоитъ изъ правилъ. Это—основной рисунокъ; но ему недостаетъ красокъ и жизни. Его нужно пополнить главой изъ XIX книги, гдѣ Монтескье описываетъ политическіе нравы англичанъ и анализируетъ тотъ общественный духъ, который является истиннымъ творцомъ, истолкователемъ и хранителемъ ихъ государственнаго устройства. Онъ указываетъ на силу и твердость ихъ любви къ своей свободѣ; рядомъ съ ихъ политической добродѣтелью оттѣняетъ и недостатки, связанные съ нею: постоянную агитацію въ государствѣ, неустойчивость въ правительствѣ, подкупы при выборахъ и при веденіи дѣлъ, нетерпѣливость властей, коммерческую ревность, жесткость въ дѣлахъ, высокомѣріе при возможныхъ столкновеніяхъ и ту надменность, которая заставляетъ думать, что даже въ мирное время англичане «ведутъ переговоры только съ врагами». Безъ сомнѣнія, онъ обобщаетъ немного поспѣшно, когда думаетъ, что англичане по природѣ не имѣютъ стремленій къ завоеваніямъ и что они сво-

бодны отъ «разрушительныхъ предразсудковъ». Они завоевали одну изъ самыхъ обширныхъ имперій въ мірѣ и производили огромныя истребленія туземцевъ. Объ Ирландіи и деспотизмѣ, который въ ней господствуетъ, Монтескье говоритъ слишкомъ снисходительно. Но въ общемъ онъ хорошо видѣлъ.

Онъ вытащилъ на свѣтъ Божій и ясно очертилъ эту необыкновенную національную силу англичанъ, которая ускользнула отъ взоровъ континентальныхъ европейцевъ. Однимъ росчеркомъ пера онъ опровергъ предразсудокъ, который такъ долго обманывалъ французовъ, вводилъ въ заблужденіе членовъ конвента и погубилъ Наполеона. Однимъ словомъ, онъ предвидѣлъ Питта и предусмотрѣлъ грозный характеръ двадцатитрехлѣтней войны, когда высказалъ слѣдующее мнѣніе, которое, будучи выведено изъ фактовъ и подтверждено исторіей, заслуживаетъ сравненія съ наиболѣе основательными научными гипотезами: «Если бы какая-либо чужеземная сила стала угрожать государству и подвергла бы опасности его благосостояніе или славу, въ такомъ случаѣ маленькіе интересы подчинились бы бо̀льшимъ, все соединилось бы въ пользу исполнительной власти... Эта нація чрезвычайно любила бы свою свободу, потому что эта свобода была бы истинной; и могло бы случиться, что для того, чтобы защитить свободу, нація пожертвовала бы своимъ спокойствіемъ, своими интересами,—что она взвалила бы на себя самые тяжелые налоги, такіе, которые не рѣшился бы взвалить на плечи своихъ подданныхъ самый неограниченный государь... Она имѣла бы не-

сомнѣнный кредитъ, такъ какъ она у самой себя заняла бы и сама уплатила бы. Могло бы случиться, что она предприняла бы дѣло выше своихъ естественныхъ силъ и воспользовалась бы противъ своихъ враговъ фиктивными безчисленными богатствами, которыя довѣріе и природа ея правительства сдѣлали бы для нея дѣйствительными».

Мы охотно остановились бы предъ этой широкой перспективой: но мы имѣли бы неполное понятіе о взглядахъ Монтескье на правительства и законы, которые вытекаютъ изъ природы и принципа государственныхъ устройствъ. Онъ изслѣдуетъ еще эти законы въ ихъ отношеніи къ преступленіямъ и наказаніямъ, ко взиманію налоговъ и доходамъ государства. Здѣсь мы увидимъ, какъ тѣсно связанъ этотъ вопросъ объ общественныхъ финансахъ съ политической свободой гражданъ. Опредѣленіе, данное Монтескье налогамъ, сдѣлалось классическимъ. «Доходы государства составляютъ часть, которую каждый гражданинъ выдѣляетъ изъ своего имущества для безопасности другой части». Онъ указываетъ на преимущества косвенныхъ налоговъ и склоняется, повидимому, на сторону налога прогрессивнаго: быть можетъ, онъ внесъ сюда свои иллюзіи объ античныхъ республикахъ, но онъ въ особенности увлекался образцемъ подушной подати, такой, которую въ его время примѣняли къ привилегированнымъ: она опредѣлялась не по богатству, а по достоинству и рангу платящихъ подати въ государствѣ. Монтескье осуждаетъ акцизъ и сильно возстаетъ противъ незаконныхъ податей и

соляного налога. «Все погибло, говоритъ онъ, когда прибыльная профессія откупщиковъ казенныхъ сборовъ становится въ силу ихъ богатствъ почетною профессіей».

Его изслѣдованія объ уголовныхъ законахъ пріобрѣли ему одно изъ прекраснѣйшихъ правъ на благодарность человѣчества. Нигдѣ онъ не выказалъ столько глубины въ мысли и такой законченности въ стилѣ, какъ въ главѣ о значеніи наказаній. Это одна изъ тѣхъ главъ, гдѣ его родство съ Монтанемъ высказывается наиболѣе ярко: «Не должно вести людей крайними путями; нужно беречь средства, которыя природа даетъ намъ для управленія ими. Кто изслѣдуетъ причину всѣхъ пороковъ, тотъ увидитъ, что она заключается въ безнаказанности преступленій, а не въ умѣренности наказаній».

Это настоящій умъ XVIII в. трактуетъ слѣдующее правило въ главѣ, переполненной намеками, подъ неожиданнымъ названіемъ «Безсиліе японскихъ законовъ»: «Чрезмѣрныя наказанія могутъ исказить самый деспотизмъ». Мудрый законодатель долженъ стараться «успокаивать умы справедливымъ характеромъ наказаній и наградъ, философскими, моральными и религіозными максимами..., справедливымъ примѣненіемъ правилъ чести, мукою стыда»... Вотъ, скажутъ, философская идиллія и чувствительность нашихъ предковъ! Однако позитивная наука нашего времени не открыла ничего болѣе дѣйствительнаго для исправленія преступниковъ, а въ концѣ прошлаго вѣка въ эпоху террора и директоріи мы видѣли, къ чему приводятъ

чрезмѣрныя репрессіи. Монтескье предвозвѣстилъ это: «Въ государствѣ остается одинъ порокъ, который вызвала эта жестокость: умы развращаются и привыкаютъ къ деспотизму».

Всѣмъ извѣстно, что Монтескье имѣлъ честь способствовать отмѣнѣ пытокъ. Рѣже замѣчали рѣшительные аргументы, приводимые имъ противъ конфискацій. Въ его время нужно было имѣть мужество для того, чтобы приводить эти аргументы. Конфискація была въ полномъ ходу въ уголовныхъ судахъ; въ 1790 г. ее отмѣняютъ только для того, чтобы чрезъ нѣсколько времени вновь возстановить и злоупотреблять ею еще болѣе, чѣмъ было сдѣлано худшаго въ этомъ родѣ въ самые несчастные годы стараго порядка. Что касается бланковыхъ приказовъ объ арестѣ (lettres de cachet), то Монтескье осуждаетъ ихъ косвенно, восхваляя Habeas corpus.

Онъ устанавливаетъ истинные принципы свободы мысли и печати. «На обязанности законовъ лежитъ наказаніе только за внѣшнія дѣйствія»... «Наказываютъ не за слова, а за учиненное дѣйствіе, при совершеніи котораго употребляютъ слова. Они становятся преступленіями только тогда, когда подготовляютъ, сопровождаютъ или слѣдуютъ за уголовнымъ преступленіемъ». Старый порядокъ не зналъ совсѣмъ этой свободы; ее громко провозгласили въ эпоху революціи, и тогда же безстыдно нарушили ее. Монтескье имѣлъ въ виду только злоупотребленія монархическаго законодательства; но онъ заранѣе осудилъ и злоупотребленія законодательства революціоннаго,

когда сказалъ: «преступленіе въ оскорбленіи величества становится наиболѣе произвольнымъ, когда нескромныя слова составляютъ все содержаніе этого преступленія». «Вотъ еще наглое злоупотребленіе, когда даютъ названіе преступленія въ оскорбленіи величества дѣйствію, которое вовсе не имѣетъ этого характера». Онъ не допускаетъ примѣненія названія «преступленіе» ни къ заговору противъ министровъ, какъ это было при Ришелье, ни къ фальшивой монетѣ, какъ то бывало при Валентиніанѣ, Ѳеодосіи, Аркадіи, на которыхъ онъ ссылается, и какъ то сдѣлала по отношенію къ поддѣлкѣ королевскихъ бумагъ декларація 1720 г., которой онъ не цитируетъ, но о которой вспомнили во времена ассигнатовъ.

Худшее злоупотребленіе — распространять его на кощунство и ересь. Въ эпоху, когда писалъ Монтескье, это было общимъ правиломъ. Случай съ Лабарромъ и Каласомъ надѣлалъ слишкомъ много шуму для того, чтобы не знали о немъ. Декларація 1724 г., которая подтвердила и резюмировала самыя неумолимыя мѣры Людовика XIV противъ протестантовъ, была въ полной силѣ. Нельзя вообразить себѣ болѣе жестокаго закона; тотъ, который свирѣпствовалъ въ Англіи противъ католиковъ, не былъ болѣе жестокимъ. Въ Португаліи и Испаніи можно было видѣть еще ауто-де-фе. «Зло, говоритъ Монтескье, вышло изъ идеи, будто нужно мстить за божество...» Простое кощунство, чисто религіозное преступленіе можетъ быть наказано только исключеніемъ изъ церкви и изгнаніемъ изъ общества вѣрныхъ. Что ка-

сается кощунства, которое влечетъ за собою смуту въ отправленіи религіозныхъ обязанностей, то это преступленіе изъ рода тѣхъ, которыя нарушаютъ спокойствіе гражданъ, и его нужно причислить именно къ этимъ преступленіямъ. Другими словами, гражданскій законъ не знаетъ кощунства и не можетъ его наказывать.

Монтескье недолго останавливается на репрессивныхъ мѣрахъ противъ ереси; но въ нѣсколькихъ строкахъ высокомѣрной насмѣшки онъ осуждаетъ эти репрессивныя мѣры сближеніями, которыя налагаютъ на нихъ позорное пятно. «Важное правило: нужно быть очень осторожнымъ при преслѣдованіи магіи и ереси...» Да и какую пользу приносятъ преслѣдованія и казни? «Люди, которые увѣрены въ воздаяніи въ будущей жизни, ускользаютъ отъ законодателя; они слишкомъ презрительно относятся къ смерти». Въ этомъ убѣжденіи онъ адресуетъ *смиреннѣйшую ремонтранцію инквизиторамъ Испаніи и Португаліи*, гдѣ патетичность мысли скрывается подъ иронической формой. Онъ влагаетъ ее въ уста еврея, и въ этомъ разсужденіи, если понимать его буквально, дѣло идетъ объ однихъ только израильтянахъ, но Монтескье думаетъ о Франціи. Косвенно онъ обращается съ вопросомъ къ гонителямъ протестантовъ, когда въ слѣдующей главѣ хочетъ объяснить, «почему христіанская религія такъ ненавистна въ Японіи»: «Японскій законъ строго наказываетъ самое незначительное ослушаніе. Приказываютъ отречься отъ христіанской религіи: не отречься отъ нея было бы неповиновеніемъ;

наказываютъ за это преступленіе, а продолженіе неповиновенія дѣлаетъ виновнаго достойнымъ другого наказанія. Японцы смотрятъ на наказанія, какъ на месть за оскорбленіе, нанесенное государю». Точно то же было у французовъ съ тѣми, которые осмѣливались выказывать себя невѣрующими въ религію короля.

Относительно терпимости совѣты «Духа законовъ» не идутъ дальше намековъ «Персидскихъ писемъ». Монтескье требуетъ Нантскаго эдикта, всего Нантскаго эдикта, одного только Нантскаго эдикта. Онъ боится религіозной пропаганды, которая, по его мнѣнію, волнуетъ государства и уничтожаетъ въ семьяхъ родительскій авторитетъ. Онъ опасается удовлетворенія осужденныхъ сектъ, которыя начинаютъ преслѣдовать сами, когда освобождаются отъ притѣсненій. «Вотъ, заключаетъ онъ, основной принципъ политическихъ законовъ въ дѣлѣ религіи. Когда мы вольны принять въ государство новую религію или не принимать, то не должно ея вводить; когда она уже водворилась тамъ, нужно ее терпѣть». Для разрушенія ея, если это считаютъ необходимымъ, дѣйствительны одни мягкія и ловкія средства. «Вѣрнѣе уничтожить религію милостью, жизненными удобствами, надеждой на благосостояніе; не тѣмъ, что напоминаетъ о ней, но тѣмъ, что заставляетъ ее забывать; не тѣмъ, что раздражаетъ, но тѣмъ, что вызываетъ равнодушіе къ ней,—когда другія страсти волнуютъ наши души, а тѣ, которыя внушаетъ религія, молчатъ. Общее правило: въ дѣлѣ измѣненія

религіи приглашенія (invitations) сильнѣе наказаній». Такъ понималъ этотъ вопросъ Ришелье, великій макіавелистъ въ этомъ отношеніи; такъ понимали его политики, которые подобно С.-Симону упрекали Людовика XIV въ томъ, что онъ своей насильственностью и надменностью портилъ дѣло терпѣнія и внушенія.

Нѣкоторые читатели, быть можетъ, были бы склонны видѣть въ этомъ мѣстѣ чистую иронію. Я думаю, что они ошиблись бы, и что Монтескье говоритъ здѣсь именно то, что думаетъ. Государственная религія, умѣряемая безучастностью большинства и невѣріемъ избранныхъ, кажется ему, въ сущности, предпочтительною предъ соперничествомъ сектъ. Онъ смотритъ на духовенство, какъ на полезное сословіе въ государствѣ; но это—сословіе, которое нужно обуздывать. Государство должно ограничить ихъ богатства, которыя во Франціи кажутся безмѣрными Монтескье боится вліянія духовенства на политическія дѣла, въ которыхъ, говоритъ онъ, духовенство ничего не смыслитъ. Что касается монаховъ, то онъ питаетъ къ нимъ закоренѣлое презрѣніе и по отношенію къ нимъ не смягчаетъ своихъ выраженій. Онъ доходитъ до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сравниваетъ ихъ съ завоевателями, т.-е., по его мнѣнію, самыми вредными людьми.

Эти главы мы должны поставить ему въ заслугу, и въ очень важную заслугу. Въ тотъ вѣкъ, когда жилъ Монтескье, много значило уже публично обсуждать эти опасные вопросы, какъ предметъ спора

и часть политики. Столько же смѣлости нужно было для того, чтобы свободно говорить объ этомъ предъ Церковью, какъ и для того, чтобы почтительно говорить предъ вольнодумцами. Въ первый разъ Монтескье возвышается надъ Вольтеромъ, который въ отношеніи религіи никогда не могъ вполнѣ отдѣлить исторіи отъ полемики и полемики отъ шутки. «Собрать въ большомъ произведеніи, говоритъ Монтескье по поводу Бэйля, длинный списокъ золъ, виновницей которыхъ была религія, не приводя такого же списка благодѣяній, ею совершенныхъ, — значитъ дурно бороться съ религіей. Если бы я захотѣлъ разсказать все зло, которое произвели въ мірѣ гражданскіе законы, монархія, республиканское правительство, я наговорилъ бы много страшныхъ вещей».

Эти размышленія объ уголовныхъ законахъ и терпимости важны и строги. И зачѣмъ нужно было, чтобы онъ, увлеченный Богъ знаетъ какой аберраціей вкуса, ввелъ въ свои прекрасныя изслѣдованія въ видѣ развлеченія и интермедіи самое безполезное, самое безжизненное и самое непріятное изъ отступленій? Это — глава «Оскорбленіе чувства стыдливости въ подавленіи преступленій»: можно было бы прибавить — и въ «Духѣ законовъ».

VII.

Духъ законовъ: климаты, гражданскіе законы, международное право, экономическіе законы; теорія феодальныхъ законовъ.

Нѣтъ другой части въ произведеніи Монтескье, которая подвергалась бы бо́льшей критикѣ, въ особенности со стороны современниковъ, какъ та, въ которой онъ обсуждаетъ *законы въ ихъ связи съ природой климата.* Эта теорія, говорилъ Вольтеръ, взята у Шардена, и оттого она не становится вѣрнѣе. Кромѣ того, Шарденъ выставилъ ее въ видѣ отступленія въ главѣ, посвященной «Дворцу женъ короля», отсылая читателя къ Гальену, который самъ былъ вдохновленъ Гиппократомъ. Идея не была новой, и для того, чтобы удивиться тому, что видишь ея вторичное появленіе въ рукахъ историка учрежденій, нужно было жить въ тотъ вѣкъ, когда люди, имѣвшіе претензіи на составленіе законовъ по естественному праву, начинали съ исключенія изъ своихъ теорій самыхъ естественныхъ элементовъ природы: воздуха, почвы,

страны, расы. Ошибка Монтескье состоитъ не въ томъ, что онъ вновь изслѣдовалъ вліяніе этихъ элементовъ, а въ томъ, что разсмотрѣлъ вліяніе только одного изъ нихъ и разсмотрѣлъ его, имѣя очень неполныя данныя. Его замѣтки о климатахъ, собранныя случайно и расклассифицированныя очень произвольно, наполненныя невѣрными фактами, пересыпанныя остроумными парадоксами и наблюденіями, доставили бы матеріалъ для интереснаго опыта Монтаня. Монтескье хотѣлъ извлечь изъ этого систему, но весь наборъ его доводовъ рухнулъ самъ собою.

Слишкомъ завлекательна игра собирать обломки и опредѣлять причины разломовъ. «Правленіе одного чаще всего встрѣчается въ плодородныхъ странахъ, а правленіе нѣсколькихъ лицъ въ странахъ, которыя не плодородны»: парламентарное правительство основывается въ странѣ съ превосходной обработкой земли; песчаныя пространства сѣверной Германіи до сего времени остаются для него недоступными. Холодный климатъ, прибавляетъ Монтескье, вырабатываетъ бо́льшую силу, бо̀льшую увѣренность въ самомъ себѣ, большее знакомство съ своимъ превосходствомъ, т.-е. меньшее желаніе мести; бо̀льшую вѣру въ свою безопасность, т.-е. больше откровенности, менѣе подозрительности, политики и лукавства. Вотъ сколько добродѣтелей, причина которыхъ — морозъ и сырость! Они порождаютъ, можетъ быть, всѣ добродѣтели, но они рѣдко соединяютъ ихъ. Первыя качества — сила, увѣренность ума въ предпріятіи — составляютъ прекрасное цѣлое, и я узнаю тутъ нор-

мандцевъ, англо-саксовъ и германцевъ; но остальное ставитъ меня въ тупикъ, и упоминая только объ установившихся истинахъ и пословицахъ, я не могу объяснить себѣ ни мудрости нормандцевъ, ни вѣроломства Альбіона, ни распрей нѣмцевъ. Немного дальше жаръ вызываетъ у азіатовъ всѣ слѣдствія, какія у русскихъ должно приписать холоду. Я не останавливаюсь на этомъ. Довольно указать на одну сторону въ характерѣ Монтескье, именно ту, которая, послѣ того какъ мы вникнемъ въ его взгляды, заставляетъ насъ предполагать вліяніе причудливаго климата Гаскони.

Правду сказать, Монтескье на эту сторону природы исподтишка бросилъ только мимолетный взглядъ любопытнаго и нескромнаго человѣка, взглядъ нескромный и тайный. Онъ видѣлъ только, что эти разнообразныя условія человѣческихъ обществъ, климатъ, страна, раса, — послѣдняя очень неопредѣленнае и спутанная въ своихъ данныхъ, два другихъ очень ненадежные въ своихъ слѣдствіяхъ и вліяющіе только на цѣлое и массы,—что эти разнообразныя условія — лишь первоначальныя причины, неопредѣленныя и недоступныя; но отсюда вытекаютъ причины вторичныя, которыя, соединяя во-едино всѣ ихъ вліянія, производятъ дѣйствительные и живые элементы соціальныхъ феноменовъ, т.-е. нравы, страсти, предразсудки, инстинкты, національный характеръ, однимъ словомъ, характеръ индивидуумовъ и народовъ, составляющихся изъ этихъ индивидуумовъ. Монтескье не обладалъ знаніемъ науки, ко-

торой еще предстоитъ установить свои методы, разобраться въ своихъ коллекціяхъ фактовъ и опредѣлить свои границы; но онъ различилъ ея главный объектъ, когда писалъ: «разнообразныя потребности при разнообразныхъ климатахъ создали различные образы жизни; и эти различные образы жизни создали разнаго рода законы». Этого взгляда ему было довольно для того, чтобы освѣтить свой путь, и среди нашихъ современныхъ болѣе ученыхъ антропологовъ нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что въ наукѣ о соціальномъ человѣкѣ онъ сравнительно съ Монтескье подвинулся впередъ.

Онъ разсматриваетъ гражданскіе законы «въ той связи, какую они должны имѣть съ порядкомъ вещей, на коихъ они установлены»: обширная картина человѣческихъ усилій для организаціи человѣческихъ обществъ. Эти главы гораздо больше, чѣмъ трудъ Вольтера, заслуживали бы названія «Опыта о нравахъ и духѣ націй». Изъ путешествія, которое оба дѣлаютъ по лѣтописямъ человѣчества, Вольтеръ выноситъ, какъ очень мѣтко о немъ выразились, общій взглядъ (la carte sommaire); Монтескье же составляетъ книгу разсужденій. Онъ глубоко видитъ то, что Вольтеръ замѣтилъ только поверхностно. Вольтеръ не ищетъ «необходимыхъ связей» вещей: онъ предпочитаетъ всюду указывать на дѣло случая: въ своемъ стремленіи изгнать Бога изъ исторіи, онъ изгоняетъ изъ нея логику, послѣдовательность, совѣсть и человѣческое сужденіе. Монтескье возвращаетъ ихъ вновь.

Онъ даетъ превосходные совѣты насчетъ соста-

вленія и изложенія законовъ. Въ главахъ о частномъ правѣ съ похвалой выставляютъ на видъ его взгляды на разводъ, сторонникомъ котораго онъ является;—на арестъ за долги, который онъ хочетъ уничтожить въ гражданскомъ правѣ;—на опредѣленіе гражданскихъ правъ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ;—на экспропріацію, принципъ которой онъ установилъ. Нужно отдать ему честь за его идеи о рабствѣ. Не безполезно было описать злоупотребленія имъ и указать на опасности съ этой стороны, особенно для демократіи. Республика Соединенныхъ Штатовъ образовалась съ рабствомъ; она освободилась отъ него только послѣ вѣкового опыта и послѣ войны, въ которой она едва было не погибла. Для уничтоженія рабства во французскихъ колоніяхъ нужна была революція. Для того, чтобы оффиціальная Европа глубоко задумалась и поняла призывъ, съ которымъ обращался къ ней Монтескье болѣе, чѣмъ за полвѣка до того, нужно было необыкновенное утомленіе правительствъ послѣ эпохи имперіи и великаго Вѣнскаго перемирія 1815 г. «Маленькіе умы слишкомъ преувеличиваютъ несправедливость, которая была допущена по отношенію къ африканцамъ,— говорилъ Монтескье своимъ язвительнымъ ироническимъ языкомъ. — Вѣдь если бы она была такова, какъ это говорятъ о ней, то развѣ не пришло бы въ голову европейскимъ государямъ, которые заключаютъ между собою столько безполезныхъ конвенцій, заключить общую конвенцію въ пользу милосердія и состраданія?»

Европейскіе государи слышали этотъ совѣтъ человѣколюбія; но они не знали совѣтовъ мудрости, данныхъ имъ Монтескье въ главахъ о «Международномъ правѣ». Въ этомъ отношеніи еще приходится выбирать между идеальнымъ правомъ, возведеннымъ умозрителями въ отвлеченное ученіе, и дѣйствительнымъ законовѣдѣніемъ, которому политики слѣдуютъ во всемъ мірѣ. Послѣднее Вольтеръ назвалъ «законовѣдѣніемъ разбойниковъ» (des voleurs de grands chemins), а Монтескье, всегда болѣе снисходительный къ человѣческой природѣ и болѣе почтительный къ политическому декоруму, опредѣляетъ его «наукой, которая научаетъ государей, до какой степени они могутъ нарушать справедливость безъ ущерба для своихъ интересовъ».

Есть ли что другое? спрашиваетъ Вольтеръ въ своемъ діалогѣ о Гоббсѣ, Гроціѣ и Монтескье. Существуетъ ли международное право? — «Я крайне огорченъ этимъ, отвѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ; но нѣтъ иного средства, какъ только быть постоянно на сторожѣ. Всѣ короли, всѣ министры думаютъ такъ же, какъ и мы, и вотъ почему въ Европѣ 1.200.000 наемниковъ ежедневно являются въ мирное время на парадъ. Пусть какой-либо государь распуститъ свои войска, пусть онъ позволитъ своимъ укрѣпленіямъ превратиться въ руины, пусть онъ посвятитъ свое время чтенію Гроція, и вы увидите, что чрезъ годъ или два онъ потеряетъ свое королевство.—Это будетъ великой несправедливостью.—Согласенъ.—И нѣтъ никакого средства противъ этого?—Ни одного,

кромѣ какъ оставаться въ столь же несправедливомъ состояніи, какъ и его сосѣди. Тогда властолюбіе обуздывается властолюбіемъ; одинаково сильныя собаки показываютъ свои зубы и вступаютъ въ драку лишь тогда, когда спорятъ изъ-за добычи». Вотъ въ чемъ заключалась мудрость Европы въ серединѣ XVIII в.

Это составляетъ и послѣднее слово мудрости XIX в., послѣ 150-лѣтняго опыта: жертвуютъ новыми милліонами людей, не дѣлая ни одного шага впередъ. Практики, которые обременяютъ собой націи, въ своей наукѣ о политической гигіенѣ останавливаются на ужасныхъ кровопусканіяхъ à la Broussais. «Каждый монархъ, писалъ Монтескье, держитъ наготовѣ всѣ арміи, которыя онъ могъ бы имѣть, если бы его народы подверглись опасности быть истребленными; и это состояніе напряженія всѣхъ противъ всѣхъ называютъ миромъ. Европа такъ разорена, что, если бы частныя лица очутились въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся три наиболѣе богатыхъ державы нашей части свѣта, то имъ нечѣмъ было бы жить. Мы бѣдны, несмотря на богатства и торговлю всего міра; а скоро въ стремленіи имѣть солдатъ мы не будемъ имѣть ничего кромѣ солдатъ и будемъ похожи на татаръ».

Монтескье не хочетъ покориться этому; онъ ищетъ средства, и ищетъ его въ самой природѣ зла. Онъ не ставитъ себя внѣ дѣйствительнаго міра. Онъ проникаетъ въ него, смѣшивается съ нимъ, разсматриваетъ его не таковымъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть, но такимъ, каковъ онъ есть и каковымъ

онъ проявляется. «Въ Европѣ народы силѣ противопоставляютъ силу; тѣ, которые смежны между собою, обладаютъ почти одинаковымъ мужествомъ. Въ этомъ главная причина.... свободы Европы». Уваженіе къ праву вытекаетъ здѣсь не изъ примиренія во взглядахъ, а изъ противопоставленія силъ. «Государи, которые не руководствуются въ отношеніяхъ между собою гражданскими законами, не свободны; они находятся подъ управленіемъ силы, они постоянно могутъ употреблять насиліе или подвергаться ему... Государь, который всегда находится въ такомъ состояніи, что употребляетъ насиліе или подвергается ему, не можетъ жаловаться на договоръ, къ которому его принудили силой. Это похоже на то, какъ если бы онъ сталъ жаловаться на свое естественное состояніе». Сила распоряжается даже репутаціей народовъ: «Только побѣда рѣшитъ, должно ли сказать—*пуническая вѣрность* или *римская вѣрность*». Война составляетъ основаніе этихъ варварскихъ отношеній: ведутъ войну съ цѣлью нападенія, ведутъ ее ради защиты, ведутъ для того, чтобы сдѣлать завоеваніе, и для того, чтобы предупредить нападеніе, котораго боятся, и избѣжать завоеванія, которое, по ихъ мнѣнію, угрожаетъ имъ. Все въ такъ ложно понимаемомъ правѣ сводится къ выгодѣ.

Выгода является единственной санкціей. Война—не право, она — дѣло силы; завоеваніе само по себѣ не создаетъ никакого права. «Завоеватель долженъ исправить часть золъ, которыя онъ причинилъ. Я такъ опредѣляю право завоеванія: право необходи-

мое, законное, несчастное, заставляющее вѣчно платить долгъ по отношенію къ человѣческой природѣ, долгъ слишкомъ огромный для того, чтобы онъ могъ быть уплоченъ». Это опредѣленіе сдѣлано лишь при томъ предположеніи, что завоеваніе оправдывается и что изъ него проистекаетъ право завоевателя на завоеванный народъ. Завоеватель привлекаетъ къ себѣ этотъ народъ хорошимъ управленіемъ. Слѣдовательно, существуютъ естественныя границы для завоеваній: возможность ассимиляціи. Должно завоевывать только то, что можешь удержать и съ чѣмъ можешь слиться во-едино. Государства имѣютъ свои размѣры: нельзя выходить за границы такой территоріи, которою можешь управлять, не истощая силъ и не разрушая принципа правительства.

Всѣ правила относительно международнаго права сводятся къ слѣдующему положенію и резюмируются въ слѣдующемъ наставленіи: «различныя націи должны дѣлать одна другой въ мирное время какъ можно больше добра, а въ военное—возможно менѣе зла, не причиняя вреда своимъ истиннымъ интересамъ». Достаточно сравнить эти взгляды Монтескье съ практикой государствъ, чтобы показать, какъ еще далеки политики отъ принятія въ расчетъ человѣчности, здраваго смысла и опыта.

Монтескье лишь открылъ новые виды на этотъ важный предметъ, на который самъ онъ смотрѣлъ съ столь высокой точки зрѣнія: наоборотъ, онъ съ удовольствіемъ отдается экономическимъ соображеніямъ, въ которыхъ слишкомъ много занимаютъ мѣста до-

гадки, и гдѣ факты, неполно собранные и какъ бы нагроможденные вокругъ него, ослѣпляютъ его взоры и слишкомъ часто сбиваютъ его. Его величайшая заслуга состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ первый остановился на задачахъ государственной экономіи и попытался еще до Адама Смита дать имъ научную форму.

Главный и самый прочный отдѣлъ этой части «Духа законовъ» составляетъ исторія торговли, которую вставилъ сюда Монтескье: эта часть широко задумана и прекрасно выполнена. Это этюдъ о развитіи сношеній между человѣческими обществами и крупная глава изъ исторіи цивилизаціи. Мы видимъ, какъ торговля мало-по-малу освобождается «отъ притѣсненій и отчаянія», чтобы достичь безопасности. Но принимая во вниманіе нѣкоторыя кровавыя и жестокія испытанія, какъ, напримѣръ, проскрипцію евреевъ и проскрипцію гугенотовъ во Франціи, можно ли прійти къ заключенію, которое посредствомъ уроковъ интереса подтверждало бы всѣ уроки политики? «Признано опытомъ, что только благорасположеніе правительства доставляетъ благоденствіе».

Теорія Монтескье о торговлѣ покоится на очень тонкомъ развитіи между «торговлей роскоши», имѣющей цѣлью доставленіе націямъ того, что ласкаетъ ихъ гордость—торговлей великихъ монархическихъ государствъ—и «торговлей экономіи», которая живетъ перевозкою и исполненіемъ порученій—торговлей республикъ и небольшихъ странъ. Хотя Монтескье и указываетъ на величіе въ торговлѣ англичанъ, но заня-

тіе это онъ считаетъ дѣломъ малыхъ правительствъ и мелкихъ людей. Римляне презирали ее, а французская монархія имѣетъ болѣе благородныя заботы. Безъ сомнѣнія, богатство имѣетъ кое-какое значеніе. а общественное богатство видоизмѣняется по мѣрѣ умноженія движимаго имущества. Монтескье очень хорошо понимаетъ это. Онъ идетъ дальше. «Народъ, владѣющій наибольшимъ количествомъ движимаго имущества въ мірѣ, богаче всѣхъ другихъ», говоритъ онъ. Но онъ не желаетъ этого превосходства для своего отечества. Честь и богатство, т.-е. честь и торговля не могутъ итти рядомъ: я разумѣю здѣсь феодальную честь, которая составляетъ принципъ монархическаго правительства.

Что касается другой — чести народной или буржуазной, то Монтескье думаетъ, наоборотъ, что эта честь — душа и поддержка торговли. Если онъ осуждаетъ торговлю, какъ членъ парламента, обладающій всѣми его предразсудками, то какъ хорошій чиновникъ, онъ поощряетъ ее. Его взгляды на опасности спекуляціи и игры, замѣняющихъ собою трудъ, на необходимость строго поддерживать законодательство о банкротствѣ заслуживаютъ тѣмъ болѣе размышленій, чѣмъ лучше его догадки оправдываются фактами. У него очень вѣрные взгляды на свободу процентовъ и относительно векселей.

Нѣсколько строкъ его яснѣе, чѣмъ то когда-либо дѣлали, установляютъ вопросъ о тарифахъ и торговыхъ договорахъ. Неразрѣшимый споръ между протекціонизмомъ и свободной торговлей сводится къ

своимъ истиннымъ предѣламъ, и Монтескье указываетъ на то, какимъ путемъ слѣдуетъ искать его разрѣшенія: «Тамъ, гдѣ существуетъ торговля, существуетъ и таможня. Предметъ торговли — вывозъ и ввозъ товаровъ въ пользу государства; предметъ таможни — извѣстное право на этотъ самый вывозъ и ввозъ также въ пользу государства. Поэтому государство должно занимать нейтральное положеніе между таможней и торговлей и стремиться къ тому, чтобы эти двѣ вещи не мѣшали другъ другу».

Я прибавлю къ этимъ правиламъ слѣдующій примѣръ, который освѣщаетъ ихъ: «Налогъ случайный, не находящійся въ зависимости ни отъ промышленности націи, ни отъ количества жителей, ни отъ обработки ихъ земель,—плохое богатство. Испанскій король, получающій огромныя суммы съ таможни въ Кадиксѣ, въ этомъ отношеніи является только очень богатымъ частнымъ лицомъ въ очень бѣдномъ государствѣ... Если бы нѣсколько провинцій въ Кастиліи давали ему такую же сумму, какую даетъ таможня въ Кадиксѣ, его могущество было бы гораздо значительнѣе: его богатства были бы только слѣдствіемъ богатства этихъ земель; эти провинціи оживили бы всѣ остальныя, и всѣ онѣ вмѣстѣ имѣли бы болѣе возможности выносить подати: вмѣсто богатой казны былъ бы великій народъ».

Монтескье разсмотрѣлъ все значеніе торговыхъ сношеній между народами. «Двѣ націи, которыя занимаются торговлей, въ общемъ зависятъ другъ отъ друга». Твердо установленныя отношенія и хорошо

составленные торговые договоры создаютъ между двумя народами самыя благодѣтельныя связи; но не менѣе вѣрно и противоположное, и опытъ чаще оправдываетъ послѣднее. Поэтому Монтескье, кажется, слишкомъ поспѣшно дѣлаетъ обобщенія, утверждая, что «естественное вліяніе торговли приводитъ къ миру». Торговля нуждается въ мирѣ, но она вызываетъ и очень страстный, ревнивый и подозрительный духъ конкурренціи, который приводитъ къ столь же пылкимъ столкновеніямъ, какъ и политическое соперничество, и къ тарифной борьбѣ, столь же неумолимой, какъ и война изъ-за границъ.

Если бы Монтескье могъ знать государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ, онъ не въ одномъ только отношеніи исправилъ бы свои главы о демократіи; если бы онъ наблюдалъ нравы американцевъ, онъ измѣнилъ бы большую часть своихъ взглядовъ на торговлю. Но у него не было недостатка въ предчувствіяхъ насчетъ будущаго, предстоящаго великимъ индустріальнымъ націямъ. Онъ замѣтилъ главнѣйшія изъ затрудненій, которыя испытываютъ эти націи при поддержаніи своихъ общественныхъ нравовъ: онѣ должны бороться съ тѣми самыми вліяніями труда, которыя даютъ имъ возможность жить: «Въ странахъ, гдѣ вызывается только духъ торговли, торгуютъ всѣми человѣческими поступками и всѣми нравственными добродѣтелями: самыя незначительныя вещи, которыхъ требуетъ человѣчество, тамъ дѣлаютя и даются за деньги. Духъ торговли вызываетъ въ людяхъ извѣстное чувство точной справедливости,

противоположной, съ одной стороны, разбою, съ другой—тѣмъ нравственнымъ добродѣтелямъ, которыя не позволяютъ постоянно и строго разсуждать о своихъ интересахъ и ради нихъ пренебрегать интересами другихъ». Въ видѣ курьеза и ради того, чтобы покончить съ этимъ предметомъ, мы укажемъ на слѣдующую мысль, которою заканчивается глава о «Торговлѣ грековъ»: «Какой источникъ для благоденствія Греціи заключался въ играхъ, которыя она давала, такъ сказать, для всего міра»! Монтескье въ роли изобрѣтателя всемірныхъ выставокъ—вотъ что стоитъ вспомнить рядомъ съ исторіей омнибусовъ Паскаля!

Выдѣляя великіе и благородные взгляды Монтескье на обязанности общества по отношенію къ своимъ членамъ, мы могли бы замѣтить въ немъ предшественника современнаго государственнаго соціализма. «Человѣкъ бѣденъ не потому, что онъ не имѣетъ ничего, но потому, что онъ не работаетъ», говоритъ онъ въ началѣ своей главы «О госпиталяхъ» и затѣмъ продолжаетъ: «Государство обязано доставить всѣмъ гражданамъ обезпеченное содержаніе, пищу, приличную одежду и такой образъ жизни, который не вредилъ бы здоровью». Государство обязано предотвращать промышленные кризисы, «будетъ ли это состоять въ томъ, чтобы противодѣйствовать страданіямъ народа, или въ томъ, чтобы избѣгать его возмущеній». Средство заключается въ открытіи школъ для ручныхъ ремеслъ, въ облегченіи занятій этими ремеслами и въ обезпеченіи рабочихъ отъ опасностей, которыя происходятъ отсюда. Въ торговыхъ

странахъ, «гдѣ массы людей не имѣютъ ничего, кромѣ своего ремесла, государство часто обязано заботиться о нуждахъ старыхъ, больныхъ и сиротъ. Хорошо устроенное государство извлекаетъ содержаніе изъ фондовъ тѣхъ же самыхъ ремеслъ; однимъ оно даетъ работы, къ которымъ они способны; другихъ пріучаетъ къ работѣ, что уже само по себѣ составляетъ работу». Но пусть никто не обманывается на этотъ счетъ: Монтескье не имѣлъ здѣсь въ виду ни національныхъ мастерскихъ, ни права на трудъ, и то, что онъ устанавливаетъ въ принципѣ, уже практиковалось въ монархіяхъ стараго порядка. Сравните съ главой «О госпиталяхъ» главу Токвиля объ «Административныхъ нравахъ при старомъ порядкѣ», и вы поймете истинную мысль Монтескье.

Монархія, которую онъ все время разсматриваетъ, есть монархія отеческая; его мнѣнія объ обязанностяхъ государства по отношенію къ подданнымъ государя вытекаютъ изъ той же самой мысли, какъ и его іерархія привилегированныхъ сословій и система прерогативъ. Всѣ эти слѣдствія вытекаютъ изъ самаго принципа монархіи и феодальнаго характера ея происхожденія. Исторія феодальныхъ учрежденій, т.-е. историческое raison d'être монархіи и привилегій, составила такимъ образомъ дополненіе къ труду Монтескье и многочисленными, безъ сомнѣнія, немного спутанными, но крѣпкими узами связана со всѣми частями «Духа законовъ».

Будучи прямо противоположенъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, большинству

своихъ современниковъ и значительно превосходя ихъ, Монтескье интересовался исторіей среднихъ вѣковъ. Въ темномъ началѣ Франціи онъ ищетъ законовъ судебъ своего отечества. Тутъ была заинтересована гордость дворянина столько же, сколько и любознательность мыслителя. Та и другая завлекли его въ эти таинственные лѣса, откуда вмѣстѣ съ германцами, его мнимыми предками, вышли элементы политической свободы. Онъ отправился за открытіями. Работа была трудна, изслѣдованія—медленны и утомительны. «Кажется, говорилъ онъ, все — море, и у моря нѣтъ береговъ. Всѣ эти холодныя, сухія, нелѣпыя и жесткія сочиненія нужно прочесть, нужно ихъ проглотить»... «Прекрасное зрѣлище представляютъ феодальные законы. Стоитъ старый дубъ; глазъ издалека видитъ его листву; приближаешься и видишь его стволъ, но не замѣчаешь его корней: нужно проникнуть въ землю, чтобы найти ихъ».

Очень живой споръ, который вспыхнулъ тѣмъ временемъ, окончательно склонилъ Монтескье къ этой работѣ. Въ 1727 г., пять лѣтъ спустя послѣ смерти автора, появились «Историческіе мемуары» графа Буленвиллье «о древнихъ правительствахъ Франціи». Здѣсь выставлено было положеніе о германскомъ завоеваніи и о свободѣ подъ управленіемъ Генеральныхъ Штатовъ. Завоеватели, покорившіе Галлію, по мнѣнію Буленвилльe, самымъ фактомъ своего завоеванія присвоили себѣ право и обязанность сдерживать королевскую власть. Аббатъ Дюбо, постоянный секретарь французской академіи, поддерживаетъ совершенно

противоположный тезисъ въ своей «Критической исторіи установленія французской монархіи въ Галліи», появившейся въ 1734 г. По его мнѣнію, германцы, въ небольшомъ числѣ впрочемъ, проникли въ Галлію не въ качествѣ ея завоевателей, а въ качествѣ союзниковъ римлянъ; ихъ водвореніе въ странѣ не внесло въ послѣднюю ни одного новаго учрежденія. Вожди этихъ бандъ получили отъ римлянъ право на управленіе территоріями, которыя они заняли, и они управляли ими по римскимъ обычаямъ. Переворотъ, создавшій Францію, совершился позднѣе: онъ состоялъ въ преобразованіи должностей въ сеньеріи; въ этомъ заключается водвореніе феодализма, который устанавливаетъ въ Галліи въ пользу сеньеровъ режимъ завоеванія.

Монтескье хотѣлъ бы происходить отъ германцевъ, но всѣ его мысли вышли изъ Рима. Повидимому, ему было предназначено примирить эти двѣ противоположныя теоріи. «Графъ Буленвиллье и аббатъ Дюбо, говорилъ онъ, каждый создали систему, изъ которыхъ одна кажется заговоромъ противъ третьяго сословія, другая — противъ дворянства». Онъ хотѣлъ стать между ними. Его страсти влекли его на сторону Буленвиллье, въ которомъ онъ видѣлъ дворянина, и отталкивали отъ Дюбо, котораго, несмотря на свое академическое собратство съ нимъ, считалъ выскочкой и библіотечнымъ педантомъ. Буленвиллье онъ критиковалъ съ уваженіемъ, съ Дюбо же соглашался какъ бы случайно, сохраняя пренебрежительный видъ; онъ не спорилъ съ нимъ иначе, какъ только осмѣивая его.

Монтескье, такъ сказать, ходитъ вокругъ предмета, прежде чѣмъ приступить къ нему. Въ XVIII книгѣ относительно законовъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ они находятся къ свойствамъ почвы, онъ разсуждаетъ о франкскихъ короляхъ, ихъ совершеннолѣтіи, ихъ длинныхъ волосахъ и собраніяхъ націи въ ихъ царствованіе. Въ XXVIII книгѣ поднимается вопросъ «О происхожденіи и переворотахъ гражданскихъ законовъ у французовъ». Онъ широко опредѣляетъ предметъ, стороной задѣваетъ его и вдругъ останавливается на немъ. «Я вставилъ бы большую работу въ другую большую работу. Я—какъ тотъ антикварій, который выѣхалъ изъ своей страны, прибылъ въ Египетъ, бросилъ взглядъ на пирамиды и возвратился назадъ». Однако, пирамиды неотразимо влекли его къ себѣ. Онъ снова приходитъ сюда и на этотъ разъ хочетъ проникнуть въ тайну монумента. Я думаю, — писалъ онъ въ 1748 г. по окончаніи XXX и XXXI книгъ, т.-е. «теоріи феодальныхъ законовъ»,—я думаю, что сдѣлалъ открытія относительно одного предмета, наиболѣе темнаго, какой только у насъ имѣется, но который однако является великолѣпнымъ предметомъ».

Послѣ разсужденія о происхожденіи феодальныхъ законовъ, которые онъ находитъ у Цезаря и Тацита комментированными варварскими «Правдами», Монтескье вступаетъ въ споръ съ Дюбо. Въ противоположность послѣднему онъ старается показать, что земли, занятыя вождями варваровъ, не платили налоговъ. Въ этомъ заключается вся сущность спора. «На

этихъ страницахъ, гдѣ онъ скорѣе утверждаетъ, чѣмъ споритъ, и осмѣиваетъ, чѣмъ опровергаетъ», Монтескье,—говоритъ одинъ изъ самыхъ справедливыхъ и умныхъ судей этого великаго историческаго спора, Вюитри,—«Монтескье не разрушаетъ цѣлаго доказательствъ, собранныхъ Дюбо, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается сохраненія римскихъ налоговъ при первыхъ франкскихъ короляхъ въ отношеніи галло-римлянъ. Но его разсужденія болѣе убѣдительны и рѣшительны въ отношеніи франковъ, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что, хотя короли часто дѣлали усилія подчинить послѣднихъ общественному налогу, они не достигли этого».

Монтескье послѣдовательно изучаетъ происхожденіе феодальныхъ повинностей, происхожденіе вассальства, феодовъ, вопросъ о военной службѣ свободныхъ людей, судъ сеньеровъ, преобразованіе бенефицій въ феоды и переворотъ, сдѣлавшій феоды наслѣдственными. Этотъ переворотъ привелъ къ феодальному образу правленія, и Монтескье связываетъ его съ другимъ переворотомъ, замѣнившимъ царствующую династію другою, присоединившимъ къ крупному феоду королевство, которое вслѣдствіе расхищенія власти не имѣло болѣе владѣній. Изъ этихъ двухъ событій, современныхъ другъ другу и другъ съ другомъ связанныхъ, онъ выводитъ первое слѣдствіе: право первородства. Прежде феоды могли отниматься, а королевство могло раздѣляться. Съ этихъ поръ корона дѣлается наслѣдственной, каковыми стали и феоды. Передача феодовъ въ другія руки

является слѣдствіемъ отсюда. Изъ этого обстоятельства для сюзерена проистекаютъ особыя права: право пошлины съ продажи помѣстья, право выкупа, право королевской опеки, упорядоченіе феодальной присяги. «Я кончилъ, пишетъ тутъ Монтескье, разсужденіе о феодахъ тамъ, гдѣ большинство писателей только начинали его». Онъ рѣзко обрываетъ на этой страницѣ свою работу и заканчиваетъ юридическимъ разсужденіемъ эти три книги, гдѣ, по выраженію одного ученаго, онъ «такъ могущественно, но такъ своенравно и безпорядочно набросалъ свои взгляды на происхожденіе нашихъ социальныхъ учрежденій».

Послѣ Монтескье изученіе среднихъ вѣковъ, которое въ его время не шло далѣе догадокъ и предположеній, создало науку, которая въ нашихъ историческихъ школахъ занимаетъ почетное мѣсто. Болѣе глубокія изслѣдованія, произведенныя въ этомъ направленіи, изученіе источниковъ обновили и въ особенности расширили споры, раздѣлявшіе современныхъ Монтескье французскихъ ученыхъ. Эти пренія живы и среди насъ, и хотя, повидимому, арена уже и оставлена, но борьба еще не кончена. Монтескье, хотя его теорія и расползлась по многимъ швамъ, все еще въ своемъ отдаленіи представляетъ собою крупную фигуру. Онъ разслѣдовалъ почву, далъ толчекъ. «Нужно, говоритъ онъ, исторію освѣтить законами и законы исторіей». Яснѣе говоря, онъ создалъ науку и оставилъ своимъ ученикамъ методъ.

Эти два великіе эпизода торговли и феодальныхъ законовъ не давали повода, подобно предыдущимъ, къ

литературному развлеченію и украшенію. Они образуютъ какъ бы длинныя галлереи, широко открытыя, но немного холодныя и обнаженныя. Для украшенія ихъ Монтескье могъ только размѣстить тамъ бюсты или статуи, именно то, что онъ и сдѣлалъ. Двѣ изъ этихъ статуй господствуютъ надо всѣми остальными величіемъ личности и красотой отдѣлки: Александръ и Карлъ Великій, завоеватели и цивилизаторы. Монтескье въ образѣ этихъ героевъ олицетворилъ все то, что внушилъ ему его историческій геній самаго благороднаго и великаго въ искусствѣ управлять людьми.

Italiam! Italiam! восклицаетъ онъ на границѣ, которую предписалъ своему путешествію. Онъ не дѣлаетъ заключенія; онъ не замыкаетъ своей книги: онъ оставляетъ ее въ нѣкоторомъ родѣ открытою для будущаго.

VIII.

Критика и защита «Духа законовъ». — Послѣдніе годы Монтескье.—Его вліяніе на Европу при старомъ порядкѣ.— Его взгляды на французское правительство.

«Духъ законовъ» былъ напечатанъ въ Женевѣ, гдѣ появился въ ноябрѣ 1748 г. въ двухъ томахъ in-4°. На немъ не было имени автора. Но всѣ считали имъ Монтескье. Во Франціи эту книгу можно было встрѣтить въ рукахъ всѣхъ порядочныхъ людей, хотя цензура и не давала ей ходу. Успѣхъ былъ необыкновенно сильный. Въ критикахъ не было недостатка. Монтескье былъ слишкомъ просто великимъ человѣкомъ для того, чтобы не нажитъ себѣ завистниковъ. Онъ задѣлъ слишкомъ много предразсудковъ и указалъ на нелѣпость слишкомъ многихъ привычекъ, чтобы не вызвать хора протестовъ. Онъ часто задѣвалъ предразсудокъ чистаго разума и ставилъ въ тупикъ произвольное мнѣніе реформаторовъ о tabula rasa. Эта школа умозрителей всегда возставала противъ опыта. Она осудила «Духъ законовъ», не по-

нимая его, и историческій методъ, не сдѣлавъ попытки къ его примѣненію.

Въ этой школѣ у Монтескье былъ другъ. Это былъ Гельвецій: онъ написалъ разсужденіе о духѣ въ общемъ смыслѣ, но не понялъ духа Монтескье. Глубину мысли въ немъ замѣняла самоувѣренность; въ нѣсколькихъ строкахъ онъ резюмировалъ всѣ возраженія абстрактныхъ политиковъ противъ «Духа законовъ»: «Вы часто приписываете міру разумъ и мудрость, которые, въ сущности, принадлежатъ только вамъ... Писатель, желающій быть полезнымъ людямъ, долженъ былъ бы скорѣе заниматься истинными правилами въ порядкѣ имѣющихъ быть вещей (dans un ordre de choses à venir), чѣмъ освящать тѣ правила, которыя опасны... Я знаю только двухъ родовъ правительства: хорошія и дурныя; хорошія еще предстоитъ создать». Гельвецій находилъ, что Монтескье слишкомъ много сложности внесъ въ политику, что его гигіена слишкомъ медленна и требуетъ слишкомъ много терпѣнія со стороны врача, слишкомъ много доблести со стороны больного. Зачѣмъ столько мелочныхъ совѣтовъ, діеты и режима? Такъ легко было бы найти хорошій рецептъ и пустить въ ходъ хорошую панацею! «Моимъ намѣреніемъ, — сказалъ Монтескье объ одномъ господинѣ, критиковавшемъ его такимъ образомъ, — было написать свое произведеніе, а не его». Гельвецій, боявшійся по поводу «Духа законовъ» за репутацію своего друга, чувствовалъ бы себя хорошо, если бы ему пришлось быть на его мѣстѣ.

Монтескье выказывалъ презрительное отношеніе къ откупамъ, откупщикамъ и всякаго рода дѣльцамъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Клавдій Дюпенъ, захотѣлъ отомстить и написалъ «Размышленія о нѣкоторыхъ частяхъ книги подъ заглавіемъ «Духъ законовъ». Это оглавленіе было оглавленіемъ глупца, и самая книга стоила оглавленія. «Если Вы добиваетесь какого-либо мѣста, — говорилъ Дюпенъ, — то выберите другую дорогу; эта же не приведетъ Васъ туда». Мѣсто, котораго добивался Монтескье, принадлежало къ тѣмъ, которыми не располагали Дюпены. Дюпенъ не рѣшился довести дѣло до конца и удовольствовался распространеніемъ втихомолку своихъ двухъ томовъ. Въ этой запискѣ встрѣчались вѣрныя, если не разсужденія, то замѣчанія. Произведеніе Монтескье было не безъ недосмотровъ и оплошностей. Дюпенъ указалъ на эти ошибки, а Вольтеръ позднѣе воспользовался ими въ сочиненіяхъ, которыя онъ написалъ о Монтескье,—въ ABC (1768 г.) и въ «Комментаріяхъ на «Духъ законовъ» (1777 г.).

Вольтеръ приготовлялъ «Опытъ о нравахъ», когда появился «Духъ законовъ». Это образцовое произведеніе, повидимому, сильно безпокоило его. Онъ не любилъ Монтескье. Послѣдній выказывалъ мало расположенія къ Вольтеру, видя въ немъ почти только литературнаго повѣсу: «Для академіи было бы безчестіемъ присутствіе въ ней Вольтера, а для него современемъ будетъ безчестіемъ, что онъ въ ней не былъ». «Онъ слишкомъ уменъ, чтобы понимать меня», прибавилъ Монтескье. Вольтеръ слушалъ только на-

половину и наполовину же только понималъ. Онъ останавливается на мелочахъ и едва замѣчаетъ суть. Онъ хвалитъ Монтескье, когда другіе на него нападаютъ, и нападаетъ, когда другіе хвалятъ, постоянно причиняя ему царапины, когда, повидимому, гладитъ его, и затѣмъ прикрывая рану мелкими цвѣтами. Однако слѣдующее прекрасное выраженіе вполнѣ исправляетъ всѣ насмѣшки: «Человѣческій родъ потерялъ свои документы, Монтескье вновь нашелъ ихъ и возвратилъ ему».

Что болѣе всего нравилось Вольтеру въ «Духѣ законовъ», это — оппозиція, вызванная этой книгой со стороны духовенства. Іезуиты со всѣми формальностями осудили ее въ Journal de Trévoux; янсенисты ѣдко нападали на нее въ апрѣльскихъ и октябрьскихъ NN Nouvelles ecclésiastiques за 1749 г. Тѣ и другіе напали на Монтескье по поводу спинозизма, климатовъ, стоиковъ, самоубійства, Монтезумы, полигаміи, развода и Юліана Отступника. Но это были только предварительныя схватки съ ихъ стороны. Всю силу своей полемики они перенесли на главу о религіи, которая, по ихъ мнѣнію, была слабымъ мѣстомъ, и на главу о терпимости, гдѣ открылъ брешь самъ Монтескье. Послѣдній, по ихъ мнѣнію, смотритъ на всѣ религіи, какъ на полицейскія вещи; онъ не отличаетъ истины, которая имѣетъ всѣ права, отъ лжи, которая не имѣетъ ни одного. Они указывали на его нечестіе и уличали его въ противорѣчіяхъ. «Вводныя предложенія, которыя онъ вставляетъ для того, чтобы сказать намъ, что онъ—христіанинъ,—пи-

салъ Nouvelliste,—слабыя гарантіи для его католицизма. Авторъ посмѣялся бы надъ нашей простотой, если бы мы сочли его такимъ, какимъ онъ не является на самомъ дѣлѣ». Монтескье склонялся въ пользу терпимости во Франціи по отношенію къ гугенотамъ и въ пользу запрещенія миссій въ Китаѣ: это какъ-разъ противорѣчило тому, чего хотѣли Journal de Trévoux и Nouvelles ecclésiastiques. Они дѣлаютъ изъ этого заключеніе, что «Духъ законовъ» «склоняется въ пользу древнихъ и новыхъ преслѣдователей христіанской религіи». Янсенистъ заканчиваетъ прямымъ доносомъ и воззваніемъ къ свѣтской власти противъ книги, «которая учитъ людей смотрѣть на добродѣтель, какъ на безполезную въ монархіяхъ движущую силу».

Монтескье оказался чувствительнымъ къ подобнаго рода инсинуаціямъ. Въ апрѣлѣ 1750 г. онъ опубликовалъ «Защиту Духа законовъ» (Defense de l'Esprit des lois). Отрывокъ блестящій и полный ѣдкой иронiи! Монтескье возстановляетъ свою мысль, искаженную отрывочными цитатами. Онъ торжествуетъ надъ большей частью критиковъ относительно мелочей, но онъ не опровергаетъ существенныхъ критикъ. Чтобы установить свое правовѣріе и доказать свою покорность, ему пришлось бы отказаться отъ самаго принципа «Духа законовъ» и сжечь половину своего сочиненія. Онъ не покоряется этому и кончаетъ тѣмъ, съ чего долженъ былъ бы начать: презрѣніемъ. «Ничего не значитъ, писалъ онъ одному другу, осудить книгу: нужно ее еще опровергнуть». Сорбоннѣ это было не по плечу. Она схватилась за это дѣло, но

ученые не могли согласиться съ главнѣйшими пунктами обвиненія. На книгу донесли собранію духовенства: оно выслушало обвинителей невнимательно. Конгрегація Св. Коллегіи помѣстила книгу въ index: но объ этомъ говорили мало, и никто не обратилъ на это вниманія. Мальзербъ между тѣмъ взялъ въ свое завѣдованіе книжную торговлю и снялъ запрещеніе, которое задерживало «Духъ законовъ» на границѣ. Такимъ образомъ, этотъ chef-d'œuvre французскаго генія получилъ въ концѣ 1750 г. литературную натурализацію. Менѣе, чѣмъ въ два года, книга выдержала двадцать два изданія, и была переведена на всѣ языки.

Итальянцы отнеслись къ ней съ энтузіазмомъ; англичане оказали ей блестящія почести. Сардинскій король заставилъ своего сына прочесть ее. Фридрихъ Великій, сдѣлавшій замѣчанія на «Разсужденія о римлянахъ», не преминулъ сдѣлать того же по отношенію къ «Духу законовъ». «Мопертюи увѣдомилъ меня, писалъ Монтескье, что онъ (Фридрихъ) нашелъ вещи, въ которыхъ не былъ согласенъ со мною. Я отвѣчалъ ему, что побился бы объ закладъ, что угадалъ эти вещи». Но Фридрихъ, который понималъ свою пользу, гдѣ онъ встрѣчалъ ее, не пренебрегъ однако уроками Монтескье, и исторіей его управленія Силезіей можно комментировать мудрыя правила «Духа законовъ» насчетъ завоеванія.

Монтескье могъ наслаждаться всей своей славой. Онъ состарился среди удивленія Европы. Больше онъ не писалъ почти ничего. Прекрасный стоическій

отрывокъ «Лизимахъ» (Lysimaque), интересный романъ «Arsace et Isménie», «Опытъ о вкусѣ», (Essai sur le goût), написанный для «Энциклопедіи»,—вотъ все, что остается отъ послѣднихъ годовъ его жизни. Свое время онъ дѣлилъ между Парижемъ и Ла Бредомъ, наслаждаясь обществомъ друзей. Онъ терялъ зрѣніе и переносилъ это тяжкое испытаніе спокойно. «Я думаю, говорилъ онъ, что то, что мнѣ остается еще свѣта, есть только заря того дня, когда мои глаза закроются на вѣки». Онъ проникъ въ цѣль своей жизни и въ свое внутреннее ощущеніе смерти, какъ онъ говорилъ, «со стороны надежды». У него была стоическая душа; умеръ онъ, какъ благоговѣйный христіанинъ. 10 февраля 1755 г. въ Парижѣ онъ испустилъ духъ, 66-ти лѣтъ отъ роду.

Его слава не была преувеличена. Съ теченіемъ времени она продолжала укрѣпляться и увеличиваться. Онъ сильно былъ озабоченъ судомъ потомства и будущаго надъ его книгой. «Мое произведеніе, говоритъ онъ, будутъ болѣе хвалить, чѣмъ читать». Онъ могъ бы прибавить: чаще читать, чѣмъ понимать, и чаще понимать, чѣмъ примѣнять на практикѣ. Его гиппократическая гигіена, подвергнувшаяся презрѣнію со стороны умозрителей, раздражала эмпириковъ. Онъ совѣтовалъ государямъ умѣренность, а всѣ правительства въ Европѣ клонились къ упадку благодаря злоупотребленіямъ властью. Въ модѣ были просвѣщенный деспотизмъ на практикѣ, естественное право—въ доктринѣ. Мыслители и политики взяли у Монтескье, что встрѣтили доступнаго для своего по-

ниманія: его методъ ускользнулъ отъ нихъ. Мы видимъ, что ссылаются на его авторитетъ въ мелочахъ, а не знаютъ его духа; примѣняютъ реформы, которыя онъ совѣтуетъ, и нарушаютъ правила, которыя предписываются имъ.

Д'Аламберъ написалъ «Похвальное слово» (Eloge) и прибавилъ къ нему «Анализъ Духа законовъ» (Analyse de l'Esprit des lois), гдѣ разсматриваетъ книгу и автора только со стороны «Энциклопедіи». Беккаріа, вдохновившійся главами объ уголовныхъ законахъ, былъ настоящій юристъ: онъ дѣлаетъ выводы и не дѣлаетъ наблюденій. Филанджіери подражаетъ Монтескье и выказываетъ претензію исправлять его: «Монтескье занятъ указаніемъ причинъ того, что дѣлаютъ; я же стараюсь вывести правила того, какъ должно дѣйствовать». Бильфельдъ заимствуетъ у Монтескье всю суть своихъ «Политическихъ учрежденій»; но онъ топитъ его въ естественномъ правѣ и старается примирить въ этой микстурѣ «Духъ законовъ» съ системой Вольфа.

Государи пользуются этой книгой, какъ и философы. «Его книга—мой молитвенникъ», говоритъ Екатерина Великая. Она дѣлаетъ отсюда извлеченія, которыя передаетъ для обдумыванія своей коммиссіи для составленія новаго уложенія; но если она щедрою рукою разсыпала напоказъ своимъ подданнымъ правила относительно равенства и свободы людей, то на практикѣ она проникается правиломъ учителя, «что обширная имперія естественно предполагаетъ неограниченную власть въ томъ, кто ею управляетъ»;

она заключаетъ отсюда, что лучшее средство поддержать русское государство состоитъ въ укрѣпленіи этого принципа, т.-е. автократіи. Составители прусскаго кодекса 1792 г. не остались безъ вліянія со стороны «Духа законовъ». Въ цѣломъ ихъ трудъ дышетъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ; но эти административные коллеги, другъ друга контролирующіе и другъ друга поддерживающіе, этотъ родъ несмѣняемости государственныхъ агентовъ, которая обезпечиваетъ за ними независимость, это почетное участіе дворянъ въ коммунальной администраціи, эта строгая поддержка іерархіи и кастъ, это запрещеніе дворянамъ заниматься торговлей напоминаютъ мѣры, предлагавшіяся Монтескье для сохраненія принципа монархіи.

Во Франціи Монтескье слылъ среди педантовъ и святошъ за бунтовщика. Они обвиняли его въ потрясаніи алтаря и трона. Кревье взялся доказать это съ документами въ рукахъ и опубликовалъ въ 1764 г. книгу: «Замѣчанія о книгѣ «Духъ законовъ». Кревье зналъ древнюю исторію, и ему не трудно было тамъ и сямъ уличить Монтескье въ ошибкахъ. Онъ обладалъ грубымъ умомъ, и ему еще легче было подобрать для этого доказательства. Онъ вновь взялъ тезисъ Nouvelles ecclésiastiques: не видя въ Монтескье ничего, кромѣ литератора, стремящагося къ зловредной славѣ, онъ въ «Духѣ законовъ» находитъ только духъ тщеславія, парадоксальности и крамолы. «Желая быть другомъ людей, говорилъ онъ, авторъ «Духа законовъ» перестаетъ любить свое отечество

такъ, какъ онъ это долженъ... Англичанинъ долженъ кичиться, читая эту книгу, но это чтеніе способно только умертвить хорошихъ французовъ».

Кревье сказалъ правду, когда говорилъ такимъ образомъ объ англичанахъ. Они были очень польщены книгой; они сдѣлали лучше: утилизировали ее. До этого они пользовались своимъ государственнымъ устройствомъ, не анализируя его. Монтескье далъ имъ raison d'être ихъ законовъ. Среди нихъ онъ нашелъ учениковъ. Блэкстонъ исходитъ изъ его положеній, а комментаторы англійской конституціи зависятъ отъ Блэкстона. Нужно включить въ ихъ число женевца Де Лольма; его сочиненіе, появившееся въ 1771 г., представляетъ детальное описаніе этого режима, лишь принципы и правила котораго представилъ Монтескье.

Гораздо ранѣе, нежели европейцы думали объ усвоеніи этихъ правилъ старыми монархическими учрежденіями континента, американцы болѣе смѣлымъ опытомъ приспособили ихъ къ демократіи. Монтескье предугадалъ, что американскія колоніи Англіи отдѣлятся отъ метрополіи, и указалъ на федеративную форму, какъ на единственное средство для примиренія элементовъ, которыхъ не соединяло древнее время: обширности границъ, демократіи и республики. Вашингтонъ былъ знакомъ съ «Духомъ законовъ», и вліяніе этой книги на составителей конституціи Соединенныхъ Штатовъ не можетъ быть оспариваемо. Американцы знали взгляды Монтескье на раздѣленіе властей; они установили демократію для отдѣльныхъ штатовъ, территорія которыхъ была огра-

ничена, и ввели республику въ федерацію этихъ штатовъ. Они могли организовать эту демократію и эту республику, потому что среди нихъ царствовали подходящіе для того нравы: отъ своего пуританскаго происхожденія они сохранили очень интенсивное религіозное чувство, повиновеніе закону, самоотверженіе, которыя, по мнѣнію Монтескье, составляли сущность республиканскихъ доблестей. Хотя и измѣняя постановленія законовъ, которые Монтескье совѣтовалъ республикамъ, они все-таки оправдали его основную мысль и дополнили его дѣло.

Эти традиціи и нравы, создавшіе силу американцевъ во время ихъ революціи, не существовали во Франціи. Она во всякомъ случаѣ была ближе къ Риму временъ Цезаря, чѣмъ къ Кромвелевской Англіи. Когда Монтескье думалъ о Франціи, онъ никогда не думалъ ни о демократіи, ни о республикѣ. Еще въ древнихъ французскихъ законахъ, говорилъ онъ, встрѣчаютъ духъ монархіи. Онъ не думалъ о перенесеніи въ свое отечество англійскихъ учрежденій: это противорѣчило его системѣ климатовъ; онъ думалъ только о приведеніи «основныхъ законовъ» Франціи къ ихъ собственному принципу.

Король, ограничиваемый привилегированными и независимыми сословіями; не генеральные штаты, но магистратура, охраняющая основные законы; дворянство, которому запрещены занятія торговлей; никакихъ большихъ торговыхъ компаній, которыя уничтожили бы іерархію посредствующихъ сословій, поставивъ на мѣсто ихъ, съ одной стороны, политическую власть,

съ другой—богатство; отеческое правительство, просвѣщенное, искусное, управляющее французами не только съ добротою, но и съ умомъ, не стремящееся къ стѣсненію ихъ привычекъ, чтобы не стѣснить ихъ добродѣтелей, особенно избѣгающее надоѣдать имъ, такъ какъ это они переносятъ менѣе всего, позволяющее дѣйствовать имъ серьезно въ вздорныхъ вещахъ и весело въ серьезныхъ; вездѣ честь, терпимость къ вѣрующимъ, слава для дворянъ, гражданская свобода для народа; отсутствіе дальнихъ экспедицій, малое число колоній; большее число такихъ предпріятій, которыя увеличиваютъ власть абсолютную въ ущербъ относительной; наконецъ, умѣренность во-внѣ, какъ и внутри, «такъ какъ Франція какъ-разъ имѣетъ ту величину, какая ей нужна»—вотъ, по мнѣнію Монтескье, идеалъ французской монархіи. Хорошіе короли и мудрые министры составляютъ великую движущую силу этого правительства. Франція представила блестящіе примѣры тѣхъ и другихъ: Карлъ Великій, который господствуетъ надъ всей исторіей; св. Людовикъ, «законъ, справедливость, величіе души»; Людовикъ XII, «лучшій гражданинъ»; Генрихъ IV, «котораго достаточно только назвать», и Колиньи, Тюреннъ, Катина; затѣмъ ради контраста и указанія на худшее, Ришелье, Лувуа, Людовикъ XIV: деспотизмъ и его орудія царствованія.

Монтескье набрасываетъ этотъ идеалъ и не замѣчаетъ, что Франція, такая, какою онъ ее описалъ, дѣлаетъ невозможною такую Францію, какою онъ ее понимаетъ. Онъ хотѣлъ бы вдохнуть жизнь въ учрежденія,

которыя умираютъ: принципъ разрушенъ, а онъ самъ указалъ на то, что, когда принципъ разрушается, правительство приближается къ своему упадку. Корона все сравняла и всѣмъ завладѣла. Она сконцентрировала всѣ власти и сблизила всѣ ранги, поставивъ ихъ предъ собою на одинъ уровень. Дворянство унизилось до сословія придворныхъ, а «честолюбіе при бездѣйствіи, униженіе рядомъ съ надменностью, желаніе обогатиться безъ труда, отвращеніе къ истинѣ, лесть, измѣна, вѣроломство, пренебреженіе всѣми своими обязанностями, презрѣніе къ гражданскому долгу, боязнь добродѣтели государя, надежда на его слабости и, болѣе всего этого, постоянное осмѣиваніе добродѣтели составляютъ, я думаю, характеръ большинства придворныхъ, ихъ отличительную черту вездѣ и всегда». Самая честь не замѣняетъ добродѣтелей, которыхъ имъ недостаетъ: ихъ рабская и незаконнорожденная честь— только форма ихъ упадка. «Можно быть разомъ покрытымъ позоромъ и достоинствами...» Это дворянство «стремится къ чести повиновенія королю, но на раздѣленіе власти съ народомъ смотритъ, какъ на величайшій позоръ». Но если бы оно и хотѣло, оно не могло бы этого сдѣлать. «Его естественное невѣжество, его невнимательность, его презрѣніе къ гражданскому правительству» дѣлаютъ его неспособнымъ къ этому. Парламенты, дискредитированные короной, не могли бы замѣнить дворянства. Все расползается, и паденіе контрофорсовъ предвѣщаетъ разрушеніе всего зданія.

Мы хорошо видимъ это при Людовикѣ XVI, когда

пробовали управлять по плану Монтескье, возвративъ парламентамъ ихъ значеніе и вліяніе—привилегированнымъ. Противъ Тюрго и его реформъ ссылались на правила «Духа законовъ» и, оспаривая эти реформы, кончили ускореніемъ революціи. Эта попытка поворота къ старому порядку привела только къ тому, что монархія стала еще болѣе непопулярною и привилегированные еще болѣе ненавистными.

Въ одномъ отношеніи, именно въ иностранной политикѣ, совѣты Монтескье взяли верхъ и принесли благодѣтельные результаты. Политика Верженна представляетъ превосходное примѣненіе «Духа законовъ» къ дипломатіи. Когда читаешь мемуары, написанные этимъ мудрымъ министромъ для Людовика XVI по поводу баварскаго наслѣдства, думаешь, что слѣдишь за развитіемъ мысли, которой заканчивается глава о войнѣ въ книгѣ о международномъ правѣ: «Пусть не говорятъ о славѣ государя; его слава была бы его гордостью; это страсть, а не законное право. Дѣйствительно, слава объ его могуществѣ могла бы увеличить силы его государства; но слава объ его справедливости также увеличила бы ихъ».

Это приводитъ насъ къ французской революціи, которой Монтескье не предвидѣлъ, но подготовленію которой онъ однако способствовалъ и которой часто даетъ направленіе, никогда ею не управляя.

IX.

Монтескье и революція.

Всякій просвѣщенный французъ конца послѣдняго вѣка имѣлъ въ своей библіотекѣ Монтескье, Вольтера, Руссо и Бюффона. Когда созывъ генеральныхъ штатовъ приглашаетъ каждаго француза высказать свои взгляды на реформу государства, каждый бросается къ своимъ книгамъ и требуетъ отъ своихъ любимыхъ авторовъ идей и аргументовъ для подкрѣпленія принциповъ, которымъ онъ хотѣлъ доставить преобладаніе. Болѣе всего справлялись съ Руссо и Монтескье. Руссо имѣетъ болѣе учениковъ, но Монтескье даетъ болѣе цитатъ: Руссо развилъ только одну систему — свою; Монтескье изложилъ всѣ тѣ, какія знала исторія. «Духъ законовъ» дѣлается своего рода «Дигестами»; всѣ партіи извлекали изъ него правила и прецеденты для обоснованія своихъ претензій.

Просвѣщенное дворянство поняло буквально основную мысль. Желанія этого дворянства прямо пред-

ставляютъ «cahiers Монтескье» генеральнымъ штатамъ: тамъ знали его предпочтеніе монархической свободы, его убѣжденіе въ томъ, что эта свобода во Франціи могла бы быть основана только на прерогативахъ привилегированныхъ сословій. Третье сословіе заимствуетъ у него систему раздѣленія властей и нѣкоторыя частныя реформы; но оно провозглашаетъ гражданскія равенство и свободу, какъ основы политической свободы, и этимъ уничтожается все ученіе Монтескье о французскомъ правительствѣ.

Революція дала преобладаніе принципамъ третьяго сословія. Послѣ ночи 4-го августа монархія Монтескье была только утопіей эмигрантовъ. «Уничтожьте въ монархіи прерогативы сеньеровъ, духовенства, дворянства и городовъ, и вы получите народное государство или деспотическое». «Духъ законовъ» поставилъ эту дилемму, сдѣлавшуюся періодической задачей французскаго правительства. Граждане, стремившіеся къ монархіи и не хотѣвшіе пожертвовать свободой, искали примиренія и нашли его въ «Духѣ законовъ». Они ставили въ образецъ Англію. Это вторая черта, проведенная Монтескье въ революціи.

У великихъ умовъ бываютъ свои семьи, и это проявляется въ ихъ потомствѣ, какъ въ династіяхъ: не всегда старшіе дѣлаютъ самую блестящую карьеру и упрочиваютъ славу дома. Бываютъ случаи, когда младшіе въ свою очередь дѣлаются родоначальниками, и ихъ замокъ затмеваетъ собою замокъ старшихъ; бываютъ братья, не получившіе наслѣдства, которые удаляются въ колоніи, открываютъ тамъ копи, вы-

годно женятся и возвращаются назадъ для возстановленія дома своихъ предковъ. Нѣкоторыя погибшія дѣти, странныя или безчинныя, не переставали иногда служить согласно съ честью, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственно со славою своего имени. То же самое случилось съ политическимъ потомствомъ Монтескье. Старшая вѣтвь эмигрируетъ: мы видимъ, что она засѣдаетъ въ совѣтахъ государей и внушаетъ извѣстныя «Размышленія» Бёрка о французской революціи: вся картина старой монархіи и ея возможной реформы, какую рисуетъ пылкій англійскій ораторъ, извлечена изъ «Духа законовъ». Сторонники двухъ палатъ, «монархисты», какъ ихъ называли, Неккеръ въ правительствѣ, Мунье, Лалли, Бергасъ, Клермонъ-Тоннеръ, Малуэ—въ національномъ собраніи, Малле дю Папъ и Ривароль внѣ его образуютъ вторую вѣтвь. Вѣтеръ скоро разнесъ ее. Она не умерла, но ей нужны были цѣлые годы для того, чтобы собраться съ силами и пустить новые побѣги.

Общественное настроеніе было иное. Оно ближе къ Сіэсу, т.-е. къ антиподу Монтескье. «Много другихъ,—говоритъ этотъ знаменитый умозритель, быть можетъ, думая о «Духѣ законовъ», — много другихъ людей заняты комбинированіемъ рабскихъ идей, всегда въ согласіи съ событіями. Политическая наука есть наука не о томъ, что есть, а о томъ, что должно быть». Однако идя по путямъ, итти по которымъ Монтескье не хотѣлъ, революція не ускользаетъ всецѣло отъ него. Это — моментъ, когда выступаетъ на сцену его косвенное вліяніе и когда мы видимъ, какъ

проникаютъ на мѣсто дѣйствія, въ смуты страны его смѣлые разномыслящіе ученики, отъ которыхъ онъ навѣрное отказался бы, если бы зналъ ихъ, но которые тѣмъ не менѣе являются его естественными послѣдователями.

Этотъ апологетъ монархіи, этотъ возстановитель стараго общественнаго права французовъ, долженъ былъ въ ихъ рукахъ сдѣлаться пророкомъ уравнительной демократіи и республики на подобіе римской. Эта странная метемпсихоза основывается менѣе на сущности его мысли, чѣмъ на формѣ, которую онъ ей придавалъ, и на идеяхъ, съ которыми объясняли его сочиненіе читатели. «Когда я вспоминалъ древность, сказалъ онъ, я старался уловить ея духъ». Пытаясь воскресить древнихъ, онъ вложилъ въ нихъ свою собственную душу, душу своего вѣка. Правду говоря, онъ никогда не вызывалъ призрака умершей древности: онъ выдѣлилъ только извѣстную форму мысли, которую его вѣкъ носилъ въ самомъ себѣ и которая должна была временно обновить политику, литературу и даже самое искусство во Франціи. Монтескье—менѣе возстановитель древности, чѣмъ предтеча нео-греческой и нео-латинской Франціи — отъ Андре Шенье до Давида и отъ Верньо до Наполеона, не говоря о Робеспьерѣ, С.-Жюстѣ и Шарлоттѣ Корде. То, что съ его стороны кажется особымъ волшебствомъ или еще болѣе чудеснымъ вліяніемъ, объясняется однимъ и тѣмъ же состояніемъ души, одинаково появляющимся въ немъ и у его революціонныхъ учениковъ, въ различныя эпохи и при различ-

ныхъ обстоятельствахъ. Это—задача психологіи столько же, сколько и исторіи.

Въ тотъ моментъ, когда Монтескье создалъ теорію республики, инстинктъ ея родился въ умахъ и слово проскользнуло въ народъ. Классическое воспитаніе вскормило этотъ духъ; классическая литература популяризировала его словарь. «Кто рѣшится, писалъ въ 1747 г. Аржансонъ, предложить сдѣлать нѣсколько шаговъ по направленію къ республиканскому образу правленія? Я не вижу въ народахъ ни малѣйшей склонности къ этому: дворянство, сеньеры, суды, привыкшіе къ рабству, никогда не обращали въ эту сторону своихъ мыслей; однако эти идеи пришли, и знакомство съ ними быстро распространяется среди французовъ». Оно распространялось тайно подъ землей, выравненной и вымощенной монархіей па римскій манеръ. Произошелъ взрывъ, который открылъ проходъ для подземныхъ водъ: онѣ разлились сами и потекли по руслу, которое, казалось, было для нихъ предназначено.

Та же самая склонность, которая заставила Монтескье описать римскую республику и сдѣлаться ея гражданиномъ въ литературномъ отношеніи, заставила французовъ эпохи революціи возобновить эту республику во Франціи и сдѣлаться ея настоящими гражданами. Ихъ наслѣдственный инстинктъ, руководимый сочиненіями Монтескье, внушилъ имъ то, понять что позволило ему его историческое воображеніе. Придя къ организаціи демократіи, они вносятъ сюда то же настроеніе ума, какое Монтескье

внесъ въ ея исторію. Они излагаютъ ее по однимъ и тѣмъ же оригиналамъ; они понимаютъ древнихъ, какъ понималъ ихъ Монтескье; они находятъ ихъ въ его сочиненіяхъ такими, какими они желаютъ и какими имъ нужно ихъ найти. Они хотятъ реализировать то, что Монтескье описалъ. Монтескье проанализировалъ законы, которые составляютъ республику и даютъ ей жизнь; они декретируютъ эти законы: республика, по ихъ мнѣнію, необходимо должна быть ихъ результатомъ. Они не принимаютъ въ расчетъ ни одного изъ условій, которыя выставилъ Монтескье и которыя представляютъ существенную сторону его теоріи—ни климата, ни нравовъ, ни общаго характера. Монтескье уже смѣшалъ всѣ времена и всѣ республики: они переносятъ это идеальное законодательство болѣе, чѣмъ на двадцативѣковомъ разстояніи, въ страну, несходную во всѣхъ отношеніяхъ и съ самой противоположной цивилизаціей. Это какъ разъ противорѣчитъ методу «Духа законовъ»; но это—духъ вѣка, и такъ поняло Монтескье большинство французовъ того времени.

Они примѣняютъ къ нему пріемы объясненія, которые привыкли примѣнять къ классикамъ: изолируя общія положенія и діалектическимъ путемъ выводя изъ нихъ всѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ нихъ логически. Изъ его общихъ идей они создаютъ идеи абстрактныя и всеобщія, подъ-стать своимъ страстямъ. Монтескье послѣдовательно дѣлался гражданиномъ каждой націи, чтобы излѣчить каждый народъ отъ худшаго изъ его предразсуд-

ковъ — незнанія самихъ себя. Его истолкователи дѣлаютъ его гражданиномъ міра и космополитическимъ законодателемъ. Совсѣмъ не ища у него того, что могло бы излѣчить ихъ предразсудки, они искали тамъ того, что могло бы ихъ укрѣпить, и перенеся, такъ сказать, его сочиненіе изъ относительнаго міра въ абсолютный, они создали пророческій кодексъ своей утопіи.

Вся террористическая революція заключается въ одной фразѣ, и эта фраза прямо внушена республиканскими правилами «Духа законовъ». «Если дѣйствующая сила народнаго правительства въ мирное время—доблесть, то во время революціи она—разомъ доблесть и ужасъ: доблесть, безъ которой ужасъ гибеленъ; ужасъ, безъ котораго доблесть безсильна». Дѣйствительно, нѣтъ другого средства кромѣ террора для того, чтобы до такой степени насиловать природу вещей, заставить француза измѣнить свой характеръ и нравы, принудить его отъ вѣка Людовика XIV подняться къ вѣку Ликурга, и привести Парижъ къ подчиненію тому, что самъ Монтескье назвалъ «ужаснѣйшей скукой Спарты». Нужны «эти ужасные судьи», о которыхъ говоритъ «Духъ законовъ» и «которые насильственнымъ путемъ приводятъ государство къ свободѣ»; нуженъ законъ общественнаго спасенія, «который есть высшій законъ», и это правило, указываемое софистами всѣхъ тиранній. «Бываютъ обстоятельства, при которыхъ необходимо временно набросить завѣсу на свободу, какъ закрываютъ изображенія боговъ»; нужны остракизмъ

и эти аресты «подозрительныхъ гражданъ, которые лишаются своей свободы на время, чтобы сохранить ее навсегда», нужны однообразное воспитаніе, уравненіе имуществъ, эта спасительная середина, исправляющая естественное преступленіе судьбы.

Зачѣмъ не вдумались они въ главы о порчѣ принциповъ, тщетѣ насильственныхъ мѣръ противъ установившихся нравовъ и безсиліи казней предъ природой вещей! Нѣкоторые чувствовали это: это было воздаяніемъ Монтескье, исторіи и человѣчеству. Жирондисты поняли, что республика погибла вслѣдствіе незнанія его уроковъ. Въ то время какъ С.-Жюстъ пародировалъ его правила и доводилъ до каррикатуры его образы, Камиллъ Демуленъ въ «Разсужденіяхъ о римлянахъ» нашелъ тайну республиканскаго краснорѣчія; онъ заимствовалъ у Тацита чрезъ Монтескье свои самыя краснорѣчивыя нападки на тираннію. Дворянство, преслѣдуемое и истребляемое, передъ гильотиной воротило себѣ то благородство чести, ту доблесть монархіи, за потерю которыхъ Монтескье такъ упрекалъ дворянство. Все подтверждало мрачныя предсказанія, сдѣланныя имъ насчетъ паденія политическихъ нравовъ во Франціи; все подтверждало его сужденія, брошенныя какъ бы мимоходомъ, о «спекулятивныхъ наукахъ, которыя возвращаютъ людей къ дикому состоянію», и о страшныхъ послѣдствіяхъ деспотизма, который водворился бы среди развалинъ монархіи: «Въ этой прекрасной части свѣта человѣческая природа могла бы претерпѣвать, по крайней мѣрѣ, временно, оскорбленія, которыя наносятъ ему въ трехъ другихъ».

Возвращаются къ Монтескье, когда появилось стремленіе возвратиться къ порядку, умѣренности, свободѣ. Несомнѣнно, въ конституціи III года было гораздо болѣе его духа, чѣмъ въ конституціи 1791 г. Нѣкоторые изъ его учениковъ призваны къ засѣданію въ собраніи: Порталисъ, Барбе-Марбуа, Маттье-Дюма, Симеонъ, Камиллъ Жорданъ,—и въ самой директоріи дипломатъ, воспитанный на совѣтахъ Верженна, благоразумный Бартелеми. Вновь перепечатали сочиненія Монтескье. Пасторе въ Совѣтѣ Пятисотъ и Гупиль де Префельнъ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ предложили присудить ему почести въ Пантеонѣ. Но время насильственныхъ мѣръ еще не прошло, и государственный переворотъ 18 фрюктидора снова изгналъ «Духъ законовъ» изъ республики.

Конституція VIII года не имѣла ничего общаго съ свободой — такой, какою ее понималъ Монтескье. Бонапартъ, если вѣрить Стендалю, только перелистовалъ сочиненія этого великаго человѣка; но онъ съ глубокимъ уваженіемъ относился къ его ученикамъ. Если онъ и запрещалъ имъ говорить о политикѣ, онъ однако ввѣрилъ имъ магистратуру, администрацію и гражданское законодательство. Знаменитый Государственный Совѣтъ, составившій гражданскій кодексъ и имѣвшій въ качествѣ главнаго докладчика Порталиса, какъ въ основныхъ положеніяхъ этого кодекса, такъ даже и въ формѣ ихъ, вдохновлялся правилами Монтескье.

Однако политика императора нарушила всѣ правила Монтескье и въ то же время оправдала всѣ его

заключенія. Нельзя найти ни болѣе совершеннаго доказательства существованія законовъ въ исторіи, ни болѣе рѣшительнаго довода въ пользу существованія тѣхъ, которые вывелъ Монтескье. Онъ показалъ, какъ страна въ революціонное время становится гораздо болѣе грозною для внѣшнихъ враговъ, нежели въ какое-либо другое время; какъ у націи, монархическіе нравы которой скрываются подъ республиканскими законами, война, начатая по-республикански, должна окончиться по-монархически. «Какъ только, сказалъ онъ, армія будетъ зависѣть единственно отъ законодательнаго собранія, правительство станетъ военнымъ». Онъ написалъ слѣдующую странную фразу въ то время, когда во Франціи ощущался такой недостатокъ въ полководцахъ, что нужно было нанять чужого человѣка, маршала Саксонскаго, для того, чтобы держать мечъ короля: «Франція погибнетъ отъ военныхъ людей». Данія внушила ему слѣдующую мысль, которая такъ хорошо подходитъ къ Франціи 1804 г.: «Нѣтъ болѣе безусловнаго авторитета, какъ авторитетъ государя, который наслѣдуетъ республикѣ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ всю власть народа, который не умѣлъ ограничить самого себя».

Глава о политикѣ римлянъ относительно завоеваній, въ сущности, заключаетъ въ себѣ всю политику Бонапарта. Именно потому, что первый консулъ былъ въ своемъ геніи совершеннымъ римляниномъ и человѣкомъ классическаго времени, онъ такъ хорошо понялъ французовъ и такъ легко убѣдилъ ихъ

въ томъ, что, повинуясь его волѣ, они будто бы пользовались еще своею верховною властью. Несомнѣнно, въ чудесныхъ мечтахъ, которыми ласкалъ себя начальникъ итальянской арміи въ Анконѣ и которыя уносили его въ Грецію и на Востокъ, было нѣчто, заимствованное у Александра, и вѣроятно, Александра, обрисованнаго Монтескье. Мы находимъ не одну черту сходства съ Карломъ Великимъ, представленнымъ въ «Духѣ Законовъ», въ томъ колоссальномъ видѣніи, которое Наполеонъ создалъ себѣ изъ этого императора и которое постоянно занимало его воображеніе послѣ консульства.

Какъ не узнать имперіи въ этихъ картинахъ Рима, которыя, будь онѣ составлены послѣ нея, были бы приняты за намекъ или сатиру, и которыя, будучи написаны болѣе, чѣмъ за полвѣка до нея, кажутся пророческими отрывками? Эта господствующая страсть къ славѣ во всемъ народѣ; эта необходимость удивлять людей для того, чтобы подчинить ихъ; эта «война за славу», которую самый смѣлый въ своемъ честолюбіи объявляетъ своимъ соперникамъ; это искусство нападать на нихъ «ихъ же собственнымъ оружіемъ, т.-е. побѣдами надъ врагами республики»; этотъ императорскій Римъ, который, собственно говоря, не есть ни имперія, ни республика, но глава тѣла, составленнаго изъ всѣхъ европейскихъ народовъ; эти народы, соединенные вмѣстѣ и не имѣвшіе между собою ничего общаго, кромѣ общаго своего повиновенія; эти націи, связанныя одпѣми и тѣми же узами подчиненія; эти короли, которыхъ Римъ раз-

сѣялъ всюду съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ для себя рабовъ и которые обращаютъ противъ него тѣ средства, какія онъ между ними распредѣлилъ; эта невозможность поддерживать «до конца предпріятіе, которое не можетъ рушиться въ одной странѣ безъ того, чтобы не рушиться во всѣхъ другихъ, и рушиться на одинъ моментъ безъ того, чтобы не рушиться навсегда»; Римъ, наконецъ, разрушенный, потому что всѣ націи окружаютъ его сразу, осаждаютъ и нападаютъ со всѣхъ сторонъ;—результатъ столь роковой для римской политики, что Монтескье предсказываетъ его всякому, кто пойдетъ по тому же пути: «Если бы теперь государь произвелъ въ Европѣ тѣ же самыя опустошенія, то націи, отодвинутыя на сѣверъ, ставши спиною къ границамъ міра, непоколебимо оставались бы въ такомъ напряженномъ состояніи до того времени, пока онѣ не хлынули бы на Европу и не завоевали бы ея въ третій разъ». Заключимъ вмѣстѣ съ Эвкратомъ, т.-е. Монтескье: «Стремленіе къ тому, чтобы одинъ человѣкъ сталъ выше человѣчества, слишкомъ дорого обходится всѣмъ другимъ».

X.

Потомство Монтескье въ политикѣ и исторіи.—Монтескье и критика.

Реставрація во Франціи королевской власти въ 1814 г. возвратила политикѣ вторую вѣтвь потомства Монтескье, которуя революція подвергла изгнанію и которую имперія поглотила въ сенатѣ или государственномъ совѣтѣ. Она приняла бразды правленія при такихъ условіяхъ, которыя позволили ей окончить опытъ съ конституціонной монархіей, неудавшійся въ 1791 г.

Шатобріанъ хотѣлъ сначала возобновить «Духъ законовъ» въ «Опытѣ о революціяхъ»: онъ почти ничего другого не дѣлаетъ, какъ только перестанавливаетъ формулы и преувеличиваетъ до смѣшного правила композиціи, примѣнявшіяся Монтескье. Онъ хвалилъ его и удивлялся ему, когда соглашался съ нимъ въ «Геніи христіанства», развивалъ большинство его любимыхъ правилъ въ «Монархіи по Хартіи». Бенжаменъ Констанъ вдохновлялся главами «Духа законовъ»

о политической свободѣ въ своихъ «Размышленіяхъ о конституціи». Доктринеры старались исправить квалификацію правительствъ Монтескье, примѣнивъ къ демократіи и монархіи слѣдующую мысль Паскаля: «Множество, которое не сводится къ единству, представляетъ безпорядокъ; единство, не зависящее отъ множества, является тиранніей». Людовикъ XVIII читалъ «Духъ законовъ» въ качествѣ любознательнаго человѣка, когда онъ былъ лишь претендентомъ; онъ объяснялъ его, какъ благоразумный король, когда вступилъ на престолъ. Министерство герцога Ришелье и министерство Мартиньяка, славная кампанія графа де-Серра во время преній относительно закона о печати, рѣчи герцога Брольи и Ройе-Коллара противъ гибельнаго закона о святотатствѣ — вотъ духъ Монтескье въ правительствѣ, бывшемъ въ то время, безъ всякаго сомнѣнія, правительствомъ его желаній.

Талейранъ внесъ этотъ духъ въ дипломатію. Онъ былъ проникнутъ имъ съ самой юности. Мемуаръ о неудобствахъ завоевательной политики, написанный имъ въ Лондонѣ въ ноябрѣ 1792 г., даетъ тому доказательство. Мы находимъ этотъ духъ рядомъ съ возвышенностью взглядовъ и искусствомъ композиціи, въ которыхъ, быть можетъ, никогда не равнялся ни какой другой дипломатическій документъ, въ «Инструкціяхъ», которыя Талейрану поручено было составить для Вѣнскаго конгресса въ 1814 г. и которыя подъ его внушеніемъ редактировалъ Ла Бенардьеръ. Понятіе объ Европѣ и опредѣленіе общественнаго

права были заимствованы въ данномъ случаѣ у Монтескье. Картина Пруссіи представляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ отрывковъ его литературной школы. Дѣйствительно, думаешь, что узнаешь цитату въ томъ мѣстѣ, которое начинается словами: «Польша, возвративъ себѣ свободу, безспорно подверглась бы анархіи». Слѣдующее затѣмъ развитіе этой мысли кажется ненапечатанной главой изъ «Духа законовъ». Въ слѣдующемъ правилѣ, резюмирующемъ всю мысль «Инструкцій», можно найти самую сущность его: «Франція находится въ счастливомъ положеніи не желать того, чтобы справедливость и польза были раздѣлены, и не искать своей частной пользы внѣ справедливости, которая составляетъ пользу всѣхъ».

Это не только мысль Монтескье: это—его стилистическій пріемъ вплоть до сравненій, которыя какъ бы сами собой возобновляются подъ перомъ Талейрана. Въ одну изъ своихъ вѣнскихъ замѣтокъ онъ вновь вноситъ и исправляетъ очень красивый, но немного смѣлый образъ «Разсужденій», присваивая его себѣ. «Франція, говоритъ Талейранъ, не внесла въ конгрессъ ни одного взгляда, имѣющаго оттѣнокъ честолюбія или личнаго интереса. Возстановленная въ своихъ старыхъ границахъ, она не думала объ ихъ расширеніи, подобно морю, которое выступаетъ изъ своихъ береговъ лишь тогда, когда оно взволновано бурями». Монтескье былъ не менѣе правъ, когда высказалъ слѣдующую мысль: «Удивительно, что послѣ столькихъ войнъ римляне потеряли только то, что они хотѣли уступить, подобно морю,

которое не менѣе обширно и тогда, когда возвращается въ свои берега».

Этотъ намекъ на «Разсужденія» приводитъ насъ къ исторіи. Здѣсь Монтескье создалъ не менѣе великую школу, чѣмъ и въ политикѣ. Здѣсь онъ показываетъ сцѣпленіе фактовъ, взаимное отношеніе причинъ, связь событій, объясненіе законовъ исторіей и исторіи нравами. Мы видимъ, что отъ него происходитъ вся школа историковъ права и вся школа новѣйшихъ философовъ исторіи. Между Гизо и Монтескье нѣтъ прямой связи, но хотя и самый независимый и самый оригинальный изъ учениковъ, онъ все-таки ученикъ автора «Духа законовъ». Въ продолженіе первой половины нашего вѣка онъ замѣнялъ его въ роли наставника и основателя исторической науки. «Онъ, говоритъ Огюстенъ Тьерри, открылъ, какъ историкъ нашихъ древнихъ учрежденій, эру науки въ собственномъ смыслѣ этого слова; до него, за исключеніемъ одного Монтескье, въ ней существовали лишь системы». Гизо примѣняетъ къ исторіи идею прогресса, которую Монтескье предчувствовалъ, не сознавая ея: Тюрго и Кондорсе ее провозгласили; Гизо создалъ изъ нея самый духъ цивилизаціи, которую опредѣляетъ, какъ «совершенствованіе общества и человѣчества»; она создаетъ нить исторіи, ту, которую онъ съ замѣчательной полнотой развивалъ въ своихъ лекціяхъ 1828 г.

M-me де Сталь была одною изъ первыхъ, усвоившихъ эту идею о способности совершенствоваться. Въ своемъ сочиненіи о «Вліяніи страстей», она соединила

ее со многими мыслями, извлеченными изъ «Духа законовъ»; она провела ту же мысль и въ своей книгѣ «О Германіи». Она изложила ее съ душевнымъ жаромъ и своего рода религіознымъ энтузіазмомъ, которыхъ недоставало слишкомъ сухому и слишкомъ разсудочному человѣчеству Монтескье. Ея послѣднее произведеніе, лучше всѣхъ написанное, «Разсужденіе о французской революціи», начинается правиломъ, которое составляетъ основу французской исторіи по «Духу законовъ»: «Свобода — явленіе старое, деспотизмъ — новое». Написавъ исторію свободы отъ 1789 до 1814 гг., m-me де Сталь написала, такъ сказать, исторію идей Монтескье въ эпоху революціи и имперіи.

Монархическая вѣтвь потомства Монтескье достигла своего высочайшаго положенія при реставраціи. Она основала это правительство; она одна была способна поддерживать его, постоянно возстанавливая въ немъ его принципъ: она не успѣла въ этомъ. Этимъ умѣреннымъ политикамъ не удалось заставить убѣдить теократовъ реставрированной монархіи въ томъ, что абстрактное слово легитимности само по себѣ не обозначаетъ ничего; что право, которое хотятъ вывести изъ нея, есть простое право давности; что для того, чтобы эта давность не потеряла своей силы, она постоянно должна быть обновляема; что новыя правительства, какъ говоритъ Боссюэтъ, дѣлаются законными, а старыя, какъ говоритъ Монтескье, поддерживаются «послѣдовательностью временъ и согласіемъ народа». «Лучше всего приноро-

вленнымъ къ природѣ правительствомъ, сказалъ онъ, является то, частная воля котораго полнѣе всего соотвѣтствуетъ волѣ народа, для коего оно установлено».

Роялистическіе ученики Монтескье лишились власти вмѣстѣ съ паденіемъ конституціонной монархіи. Не разъ приходилось Франціи выбирать между «государствомъ народнымъ или деспотическимъ». Демократія развилась въ ней на старой монархической почвѣ, среди націи съ населеніемъ болѣе тридцати милліоновъ душъ, цивилизованной до утонченности, не понимающей общественнаго прогресса безъ увеличенія богатства, торговой, промышленной, любящей роскошь и живущей роскошью. Эта демократія разстроила всѣ замѣчанія «Духа законовъ». Монтескье, въ стольких тяжелыхъ обстоятельствахъ бывшій благодѣтельнымъ совѣтникомъ для своего отечества, въ данномъ случаѣ оказался бы несостоятельнымъ, если бы его геній не породилъ продолжателя и распространителя его мнѣній въ новой Франціи—Токвиля, который представляетъ послѣднюю отрасль интеллектуальнаго потомства Монтескье. Эта часть фамиліи пережила революцію, имперію, реставрацію, постоянно находясь въ оппозиціи то пылкой, то осторожной, всегда безпокойной, часто меланхолической. Привязанные сердцемъ и умомъ къ свободѣ, любя ее ради нея самой, желая ея для своей страны, смотря на появленіе демократіи, какъ на неизбѣжное отнынѣ явленіе, эти проницательные патріоты стремились къ примиренію состоявшагося переворота съ традиціями Франціи. Для этого предпріятія они

добивались отъ Соединенныхъ Штатовъ наставленія, подобнаго тому, какого добивались ихъ старшіе братья отъ Англіи, когда дѣло шло о примиреніи монархіи съ національною свободою.

Токвиль такъ же, какъ и Монтескье,—умъ обобщающій и догматическій,—скорѣе, въ сущности, моралистъ, чѣмъ законодатель, и въ особенности, чѣмъ политикъ. Его сочиненіе по методу и распредѣленію матеріала всецѣло происходитъ изъ сочиненія Монтескье. Онъ написалъ великій историческій этюдъ «Старый порядокъ и революція», соотвѣтствующій «Разсужденіямъ о римлянахъ»; онъ составилъ «Демократію въ Америкѣ», являющуюся его «Духомъ законовъ». Онъ далъ во вторую половину вѣка политическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ толчокъ, менѣе знаменитый, безъ сомнѣнія, и менѣе общепризнанный, но столь же дѣйствительный и столь же плодотворный, какъ и тотъ, который далъ въ первую половину Гизо. Чрезъ него Монтескье вновь пріобщается къ новой Франціи и находитъ еще въ ней свои взгляды. Они у насъ распространены болѣе, чѣмъ это можно подумать. Благодаря вліянію этого совершенно историческаго и экспериментальнаго духа, которымъ мало-по-малу проникались учрежденія и нравы, чистая механика Сіэйса была покинута ради прикладной механики практиковъ; поэтому же республика стала парламентарною и установилась во Франціи по конституціи съ самымъ краткимъ текстомъ, наилучше приспособленной къ привычкамъ въ своихъ примѣненіяхъ,

самымъ естественнымъ образомъ вытекавшей изъ нравовъ и вліянія вещей, которыми владѣла еще Франція.

Вліяніе, которое Монтескье имѣлъ на Европу, не уступаетъ вліянію, которое онъ имѣлъ на Францію. Съ конца послѣдняго вѣка его всюду можно замѣтить. Тотъ же самый геній «Духа законовъ», повидимому, вдохновляетъ въ дѣлѣ преобразованія своего второго отечества, самаго великаго государственнаго человѣка, какого только производила Германія. Никогда паденіе правительства вслѣдствіе порчи его принциповъ не обнаруживалось съ большею ясностью, какъ въ катастрофѣ прусской монархіи послѣ Іены; никогда искусство возвысить націю и реставрировать монархію послѣ приведенія ея къ ея принципу и возобновленія въ ней того принципа, который былъ испорченъ, не примѣнялось съ такою проницательностью и съ такимъ глубокомысліемъ, какъ сдѣлалъ то баронъ Штейнъ.

Конституціонное правительство, принесенное книгой Монтескье, перешло на континентъ и распространилось здѣсь благодаря примѣру французовъ. Двѣ главы изъ «Духа законовъ» объ Англіи и ея государственномъ устройствѣ сдѣлались такимъ образомъ отдѣльнымъ произведеніемъ и ознаменовали собой поворотный пунктъ въ исторіи человѣческихъ обществъ. Великіе мыслители часто менѣе освѣщаютъ своими прямыми лучами, нежели своимъ разсѣяннымъ свѣтомъ и отблескомъ отъ своихъ спутниковъ.

Много писали о Монтескье [1]). Трудно, по моему мнѣнію, быть болѣе снисходительнымъ въ апологіи, чѣмъ Вильменъ въ своемъ «Похвальномъ словѣ» и своихъ «Лекціяхъ по литературѣ XVIII в.»; трудно быть болѣе строгимъ и рѣзкимъ въ осужденіи противорѣчій, чѣмъ Дестютъ де Траси въ своемъ «Комментаріи Духа законовъ». Эта критика де Траси, отъ начала до конца умозрительная и апріорная, уже не та, которой мы ждемъ теперь. Для насъ не важно, что авторъ проводитъ сравненіе между сочиненіями великаго человѣка и теоріей, которую онъ себѣ создалъ, по своему обычаю, на тотъ же предметъ. Этотъ пріемъ требуетъ со стороны критика окончательной науки, которая никогда никому не принадлежала, а со стороны читателей—безграничнаго уваженія, которое никогда не существовало, кромѣ какъ у тупицъ. Мы требуемъ отъ критики, чтобы она дала намъ возможность узнать людей, объяснила raison d'être и дѣйствительный смыслъ ихъ сочиненій. Поль

---

[1]) Читатель найдетъ библіографію оригинальныхъ изданій Монтескье и сочиненій, посвященныхъ ему, въ концѣ книги Вьяна (Vian): Histoire de Montesquieu. Я пользовался этой книгой, принимая въ то же время въ расчетъ и критическія замѣчанія, сдѣланныя Брюнетьеромъ (Brunetière) и Тамизэ де Лароккомъ (Tamizey de Larroque), точно такъ же, какъ и изслѣдованія Турне (Tourneux). Я не упустилъ изъ виду и неисчерпаемыхъ сокровищъ „Понедѣльниковъ“ (Lundis) и Port-Royal'я. Я нашелъ весьма полезныя указанія въ Cité antique Фюстель де Куланжа и въ Civilisation et ses lois Функъ-Брентано, въ особенности, въ I кн. этого сочиненія: Les moeurs et les lois: des mœurs politiques dans les democraties et dans les monarchies. *Прим. авт.*

Жане въ своей «Исторіи политической науки», Лабулэ въ своихъ «Примѣчаніяхъ» къ изданію Монтескье, Тэнъ на нѣсколькихъ мастерскихъ страницахъ своего «Стараго порядка» указали на то, какъ слѣдуетъ примѣнять этотъ плодотворный критическій пріемъ къ автору «Духа законовъ». Всѣ трое удивляются его генію, хвалятъ его методъ и въ общемъ присоединяются къ его главнѣйшимъ заключеніямъ.

С.-Бевъ соглашается съ нимъ только наполовину и съ безчисленными ограниченіями. Именно въ его сочиненіяхъ можно найти въ самой мягкой формѣ наиболѣе существенныя возраженія, какія были сдѣланы Монтескье. Кромѣ личной замѣтки, которую онъ посвятилъ ему, С.-Бевъ много разъ принимался за него, подходилъ къ нему со всѣхъ сторонъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, въ своихъ «Понедѣльникахъ» и въ своемъ Port-Royal'ѣ. Человѣкъ его плѣняетъ, писатель очаровываетъ, сочиненіе безпокоитъ, историкъ приводитъ въ нетерпѣніе, законодатель ставитъ въ тупикъ.

Какъ законодателя, С.-Бевъ упрекаетъ Монтескье въ томъ, что онъ слишкомъ высоко ставитъ средняго человѣка, слишкомъ многимъ жертвуетъ декораціи міра и человѣческому уваженію, довольно мягко говоритъ о первоначальной, всегда скрытой злости человѣка, слишкомъ скрываетъ подъ общественной драпировкой людскую одежду, т.-е. рубище. С.-Бевъ не видитъ, что въ великой политической гигіенѣ оптимизмъ является условіемъ и душой всякаго предпріятія. Какъ руководить человѣкомъ, если

не считаешь его способнымъ быть руководимымъ? усовершенствовать его, если считаешь его неспособнымъ къ совершенствованію? Какъ подстрекнуть его къ дѣятельности и этою самою дѣятельностью возвратить мускуламъ энергію, если считаешь его навсегда измождённымъ и разслабленнымъ? Какъ исцѣлить этого больного, если есть больной, и пріучить его къ діетѣ, если начинаешь доказывать ему, что его силы истощены, что противъ его несчастія нѣтъ лѣкарства; что силы и лѣкарство — простыя фигуры языка, что, навѣрное, не знаютъ ни того, что такое здоровье, ни того, что такое болѣзнь; что въ послѣднемъ анализѣ вся наука состоитъ въ описаніи здороваго человѣка, а всякая медицина въ томъ, чтобы говорить тѣмъ, которые страдаютъ: «Старайтесь быть здоровыми»?

Въ исторіи С.-Бевъ находитъ, что Монтескье слишкомъ пренебрегаетъ непослѣдовательностью людей и капризами судьбы. Монтескье, по его мнѣнію, слишкомъ все упрощаетъ и представляетъ все слишкомъ симметрично; онъ оставляетъ въ сторонѣ случайности; изолируетъ извѣстные эпизоды, соединяетъ ихъ и влагаетъ въ нихъ подобіе разума, котораго они никогда не имѣли; считается только съ событіями, принесшими свои слѣдствія, пропуская всѣ тѣ, которыя не имѣли успѣха; изъ тысячи формъ, которыя могло принять событіе, выбираетъ только одну, ту, которая осуществилась на самомъ дѣлѣ; проходитъ мимо неожиданностей; не знаетъ «правды интриги и человѣческаго маскарада», хочетъ открыть великіе пути и

ведетъ по своимъ путямъ, по *своимъ королевскимъ большимъ дорогамъ* только съ показной стороны (par l'endroit de la note illustre). Внѣ Провидѣнія, которое не сообщаетъ своей тайны, по мнѣнію автора Port-Royal'я, и въ этой суматохѣ міра существуетъ только сила, ловкость, случайность. Паскаль видѣлъ фронду, размышлялъ объ англійской революціи и доискивался основанія вещей; онъ всюду видѣлъ только игру случая: носъ Клеопатры, песчинку Кромвеля. Нужно итти туда, и этотъ великій мыслитель пошелъ. Вотъ люди, которые хотятъ вести другихъ; что касается людей, которыхъ думаютъ вести, то эти темныя массы совершаютъ великіе подвиги, но онѣ не сознаютъ этого. Великіе перевороты и великія побѣды являются дѣломъ безсознательныхъ актеровъ: все сводится здѣсь къ волненіямъ неизвѣстныхъ слѣпцовъ, которые копошатся въ тѣни.

Таковы возраженія. Мистикъ и эпикуреецъ, автократъ и скептикъ, Паскаль и Монтань, Гоббсъ и Ла Рошфуко сходятся въ этомъ и, нисколько не сговариваясь, приходятъ къ одному выводу. Фридрихъ охотно распространялъ этотъ пирронизмъ; у него были свои мотивы примкнуть слѣва къ этой иронической доктринѣ, по которой въ этомъ мірѣ фактъ, «какъ умѣетъ, прикрывается правомъ».—«Обыкновенно составляютъ себѣ,—говорилъ онъ,—суевѣрное представленіе о великихъ переворотахъ въ царствахъ; но кто находится за кулисами, тотъ видитъ большею частью, что самыя волшебныя сцены приводятся въ движеніе обыкновенными пружинами и ничтожными бездѣльни-

ками...» Быть за кулисами, это — предметъ желанія для всѣхъ; сколько лѣтописцевъ приписывало великія слѣдствія незначительнымъ причинамъ, только для того, чтобы похвастаться тѣмъ, что ихъ замѣтили! Вольтеръ повѣрилъ этой причудѣ Фридриха, а Фридрихъ покорилъ Вольтера своимъ планамъ, убѣдивъ его въ томъ, что онъ служилъ случаю; философъ гордился этимъ, а король поступалъ съ нимъ, какъ поступали обыкновенно съ простофилями знаменитые руководители людей, эти политическіе фокусники. Что осталось, несмотря на грохотъ, отъ самого Фридриха, отъ его войнъ и политики? Монтескье уничтожаетъ его однимъ словомъ, приводя его къ нему самому и его собственной славѣ: «Случайность не имѣетъ подобнаго рода постоянства».

Это вѣрно въ явленіяхъ историческихъ, какъ и явленіяхъ физической природы: одинъ случай не можетъ произвести того, чтобы при тождественныхъ условіяхъ явленія повторялись и смѣняли другъ друга. Эта смѣна имѣетъ свои законы: факты не наставлены другъ на друга и не изолированы; они держатся другъ за друга, они имѣютъ свою связь. Случай распоряжается только формой событія. Рѣка течетъ съ горы и впадаетъ въ море: этотъ утесъ поворачиваетъ ее въ другую сторону, но онъ не заставляетъ воду подняться къ ея источнику; онъ не измѣняетъ ея общаго направленія, которое опредѣляется неровностями почвы, взятыми всѣ вмѣстѣ. Надъ дѣйствіемъ индивидуумовъ, отдѣльной человѣческой причиной, стоитъ дѣйствіе обществъ, живая равнодѣй-

ствующая накопленныхъ индивидуальныхъ причинъ. «Общая причина влечетъ за собою всѣ частные случаи». Это именно и является причиной того, что, если бы не явился Цезарь, то другой занялъ бы его мѣсто. Монтескье никогда не выражалъ этого лучше, чѣмъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Было настолько невозможно, чтобы могла быть возстановлена республика, что случилось то, чего никогда еще не видѣли: не было уже тирана, и все-таки не было болѣе свободы, потому что причины, уничтожившія ее, продолжали существовать все время».

Историкъ опредѣляетъ и развиваетъ эти причины. Онъ слѣдуетъ, какъ говорятъ, по *великимъ королевскимъ путямъ* исторіи; эти пути въ то же время національные и народные. Человѣчество прошло по нимъ, историкъ отмѣчаетъ на картѣ линію его перехода. Это—широкій и прямой путь исторіи. Къ чему удаляться отъ него, чтобы пробираться сквозь окрестный кустарникъ? Къ чему блуждать по скатамъ и напрасно напрягать усилія для того, чтобы разсмотрѣть слѣды всѣхъ бродягъ? Первые пѣшеходы, которые переправились черезъ горы, слѣдовали по теченію потоковъ; тропинки превратились въ дороги; великіе пути расширили дороги, а инженеры желѣзныхъ дорогъ, въ свою очередь, пошли по этимъ большимъ дорогамъ.

Между Монтанемъ и Паскалемъ, излишкомъ человѣческой ироніи и бездной разсудка, уничтожающагося въ самомъ себѣ, существуетъ середина для знанія, мысли и здраваго смысла: это—мѣсто Мон-

тескье. Онъ прежде всего—честный общественный человѣкъ и честный политикъ, которому ничто человѣческое не чуждо, который стремится къ познанію самого себя съ цѣлью познать другихъ, и къ тому, чтобы познакомить людей съ условіями ихъ существованія съ цѣлью научить ихъ сдѣлать его болѣе сноснымъ. Его сочиненія не утрачиваютъ своего значенія, потому что они — историческія и потому что основываются на наблюденіяхъ надъ природой. Его общіе взгляды справедливы, это главное; что касается ошибокъ въ деталяхъ, то онѣ не имѣютъ важнаго значенія. Вильменъ очень хорошо сказалъ: «Въ сочиненіяхъ подобнаго рода эти ошибки стоятъ не больше дробей въ большихъ смѣтахъ». Монтескье оставилъ нѣчто лучшее, чѣмъ правила: методъ, который позволилъ развить его мысль и примѣнить ее къ случаямъ, которыхъ онъ не могъ предвидѣть. Онъ оказалъ глубокое и продолжительное вліяніе на свое время; онъ еще полонъ наставленій и для нашего времени. Его имя связано съ большею частью лучшихъ реформъ, которыя мы произвели въ теченіе вѣка. Онъ представляетъ нашъ національный духъ въ томъ, что есть въ немъ наиболѣе точнаго, наиболѣе широкаго, благороднаго и мудраго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Отрывки изъ «Духа законовъ».

1. Разныя значенія, приписываемыя слову *свобода*. — Что такое *свобода* (XI кн., гл. 2, 3 и 4).

Нѣтъ слова, которое имѣло бы столько различныхъ значеній и которое возбуждало бы въ умѣ столько различныхъ мыслей, какъ слово *свобода*. Одни брали его въ смыслѣ легкости свергать того, кому они давали тиранническую власть; другіе—въ смыслѣ возможности выбирать того, кому должны подчиняться; третьи—въ смыслѣ права ношенія оружія и возможности проявлять насилія; четвертые—въ смыслѣ привилегіи быть управляемыми лишь человѣкомъ своей націи или по своимъ собственнымъ законамъ. Одинъ народъ долго считалъ свободою возможность носить длинную бороду. Иные связывали это названіе съ какой-либо формой правительства и исключали свободу изъ всѣхъ другихъ. Тѣ, которые чувствуютъ расположеніе къ республиканскому образу правленія, помѣстили ее въ этомъ правительствѣ; другіе, жившіе въ монар-

хическомъ государствѣ, помѣщали ее въ монархіи. Наконецъ, каждый называлъ *свободой* правительство, которое соотвѣтствовало его привычкамъ и склонностямъ; а такъ какъ въ республикѣ не имѣютъ всегда и въ каждую данную минуту предъ глазами орудій золъ, на которыя нужно было бы жаловаться, и такъ какъ законы говорятъ тамъ, повидимому, больше, чѣмъ исполнители закона, то ее и помѣщаютъ обыкновенно въ республикахъ и исключили изъ монархій. Наконецъ, такъ какъ въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ почти все то, что захочетъ, то свободу помѣстили въ этого рода правительствахъ, и власть народа смѣшали со свободой народа.

Несомнѣнно, что въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ то, что хочетъ; но политическая свобода не состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать то, что заблагоразсудится. Въ государствѣ, т.-е. въ обществѣ, гдѣ существуютъ законы, свобода можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, чего должно желать, и не быть вынужденнымъ дѣлать то, чего желать не должно.

Слѣдуетъ подумать о томъ, что такое независимость и что такое свобода. Свобода есть право дѣлать то, что позволяютъ законы; а если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что они запрещаютъ, то не было бы уже свободы, такъ какъ остальные имѣли бы ту же самую возможность.

Демократія и аристократія не являются государствами, свободными по своей природѣ. Политическая свобода осуществляется лишь въ умѣренныхъ прави-

тельствахъ. Но она не всегда бываетъ въ умѣренныхъ государствахъ: она существуетъ только въ томъ случаѣ, когда не злоупотребляютъ властью; но ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ, что всякій человѣкъ, имѣющій власть, склоненъ злоупотреблять ею; онъ расширяетъ ее, пока не встрѣтитъ препятствій. Кто бы это сказалъ? — сама добродѣтель нуждается въ ограниченіяхъ.

Для того, чтобы нельзя было злоупотреблять властью, нужно, чтобы въ силу устройства государства власть останавливала власть. Государственное устройство можетъ быть таково, что никто не будетъ вынужденъ дѣлать то, къ чему законъ не обязываетъ, и не дѣлать того, что онъ позволяетъ.

2. Англійская конституція (XI кн., гл. 6) [1].

Въ каждомъ государствѣ есть троякаго рода власть: власть законодательная, власть исполнительная въ дѣлахъ, относящихся къ области международнаго права, и власть исполнительная въ дѣлахъ, касающихся гражданскаго права.

Въ силу первой государь или магистратъ создаетъ законы временные или постоянные, исправляетъ или отмѣняетъ тѣ, которые существуютъ. Въ силу второй онъ устанавливаетъ миръ или объявляетъ войну, посылаетъ или принимаетъ посольства, водворяетъ безо-

---

[1]) Переводъ значительной части этой главы заимствованъ изъ „Исторіи зап. Европы“ проф. Карѣева, т. III, гл. XIII.

пасность, предупреждаетъ вторженія. Въ силу третьей наказываетъ преступленія или разрѣшаетъ распри частныхъ лицъ. Эту послѣднюю власть называютъ властью судебною; другую — просто исполнительною властью государства.

Политическая свобода гражданина есть то спокойствіе духа, которое происходитъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности, а для того, чтобы обладать этой свободой, надо, чтобы правительство было таково, чтобы ни одному гражданину не пришлось бояться другого.

Если въ рукахъ одного и того же лица или учрежденія власть законодательная соединена съ исполнительной,—свободы не существуетъ, такъ какъ можно бояться, какъ бы одинъ и тотъ же монархъ или одинъ и тотъ же сенатъ не создавали тиранническихъ законовъ для того, чтобы самимъ же ихъ приводить въ исполненіе тиранническимъ образомъ.

Нѣтъ свободы и въ томъ случаѣ, если власть судебная не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена съ законодательною властью, власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной: ибо судья былъ бы законодателемъ. Если бы она была соединена съ исполнительною властью, судья могъ бы имѣть силу притѣснителя.

Все было бы потеряно, если бы одинъ и тотъ же человѣкъ или одна и та же корпорація начальниковъ, или знати, или народа распоряжалась всѣми тремя видами власти: властью создавать законы, властью

приводить въ исполненіе общественныя рѣшенія и властью судить преступленія и разрѣшать тяжбы частныхъ лицъ.

Въ большей части европейскихъ королевствъ правительство умѣренное, потому что государь, имѣющій въ своихъ рукахъ двѣ первыя власти, предоставляетъ своимъ подданнымъ пользованіе третьею. У турокъ, гдѣ эти три вида власти соединены въ рукахъ султана, господствуетъ страшный деспотизмъ.

Въ итальянскихъ республикахъ, гдѣ соединены эти три власти, свободы меньше, чѣмъ въ нашихъ монархіяхъ. Здѣсь правительство для того, чтобы поддерживать себя, нуждается въ столь же насильственныхъ средствахъ, какъ и турецкое правительство: доказательство—государственные инквизиторы и кружка, въ которую каждую минуту всякій доносчикъ можетъ опустить записку съ своимъ обвиненіемъ.

Посмотрите, каково можетъ быть положеніе гражданина въ этихъ республикахъ. Одно и то же учрежденіе въ качествѣ исполнителя законовъ имѣетъ всю власть, которую оно себѣ дало, какъ законодателю. Оно можетъ раззорить государство своими общими повелѣніями, а такъ какъ оно имѣетъ еще власть судебную, то можетъ уничтожить каждаго гражданина своими частными приказами.

Вся власть здѣсь соединена, и хотя нѣтъ внѣшняго великолѣпія, указывающаго на деспотическаго государя, но онъ чувствуется каждую миниту.

Точно также и государи, желавшіе сдѣлаться деспотическими, всегда начинали съ соединенія въ своемъ

лицѣ всѣхъ учрежденій; и многіе короли Европы соединили въ себѣ всѣ важнѣйшія должности своего государства.

Я думаю однако, что чистая наслѣдственная аристократія итальянскихъ республикъ не совпадаетъ вполнѣ точно съ деспотизмомъ Азіи. Большое число магистратовъ иногда дѣлаетъ менѣе жесткимъ учрежденіе: никогда вся знать не сходится въ однихъ и тѣхъ же планахъ: образуются различныя учрежденія, которыя сдерживаютъ другъ друга. Такъ, въ Венеціи большой совѣтъ имѣетъ своимъ предметомъ законодательство, прегади—исполненіе, а совѣтъ сорока имѣетъ судебную власть. Но зло заключается въ томъ, что эти различныя учрежденія образуются изъ магистратовъ одной и той же корпораціи, — откуда является почти лишь одна власть.

Судебная власть не должна быть вручаема постоянному сенату, но должна находиться въ рукахъ людей, взятыхъ изъ среды народа въ опредѣленное время года, способомъ, предписаннымъ закономъ, для образованія суда; который дѣйствовалъ бы лишь столько времени, сколько требуетъ необходимость.

Такимъ образомъ, судебная власть, которая кажется такой страшной въ глазахъ людей, не будучи болѣе исключительнымъ достояніемъ ни извѣстнаго сословія, ни извѣстной профессіи, становится, такъ сказать, невидимой и несуществующей (invisible et nulle). Нѣтъ постоянно судей предъ глазами, и начинаютъ бояться учрежденія, а не лицъ, его составляющихъ.

Нужно даже, чтобы, въ случаѣ важныхъ обвиненій, обвиняемый самъ выбиралъ своихъ судей, или, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ могъ отвести такое значительное число изъ нихъ, чтобы оставшіеся могли считаться судьями по его выбору.

Двѣ другія власти скорѣе могутъ вручаться постояннымъ правительственнымъ лицамъ или учрежденіямъ, такъ какъ эти виды власти не затрогиваютъ интересовъ частнаго лица, представляя изъ себя не что иное, какъ первый — только общую волю государства, а второй—исполненіе этой воли.

Но если судебныя учрежденія не должны быть строго опредѣлены, то судебныя рѣшенія должны быть опредѣлены въ такой степени, чтобы они были лишь точнымъ текстомъ закона. Если бы они были частнымъ мнѣніемъ судьи, то мы жили бы въ обществѣ, не зная точно своихъ обязательствъ.

Нужно также, чтобы судьи были одного состоянія съ обвиняемымъ или равными ему, дабы послѣдній не могъ подумать, что попалъ въ руки людей, желающихъ совершить надъ нимъ насиліе.

Если законодательная власть предоставляетъ исполнительной право подвергать тюремному заключенію гражданъ, которые могутъ дать ручательство въ своемъ поведеніи, то нѣтъ болѣе свободы, если только они задерживаются не для того, чтобы безъ промедленія отвѣчать на обвиненіе, которое законъ считаетъ важнымъ; въ такомъ случаѣ они дѣйствительно свободны, потому что подчинены лишь власти закона.

Но если законодательная власть считаетъ себя въ опасности вслѣдствіе какого-либо тайнаго заговора противъ государства или какихъ-либо сношеній съ внѣшними врагами, то она можетъ на короткое и опредѣленное время позволить исполнительной власти задерживать подозрительныхъ гражданъ, которые временно теряютъ свою свободу лишь для того, чтобы сохранить ее навсегда.

И это—единственное разумное средство замѣнить тиранническое учрежденіе эфоровъ и венеціанскихъ государственныхъ инквизиторовъ, являющихся столь же деспотическими.

Такъ какъ въ свободномъ государствѣ всякій, имѣющій свободную душу, долженъ былъ бы быть управляемъ самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законодательной властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ, а въ маленькихъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы народъ все то, чего не въ состояніи дѣлать самъ, дѣлалъ при посредствѣ своихъ представителей.

Люди знаютъ нужды собственнаго города гораздо лучше, чѣмъ нужды другихъ городовъ, и о способности своихъ сосѣдей судятъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ о способностяхъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Поэтому не слѣдуетъ, чтобы члены законодательнаго учрежденія были взяты безразлично изъ всей націи: надо, чтобы въ каждомъ главномъ мѣстѣ жители выбирали себѣ представителя.

Важное преимущество представителей заключается

въ томъ, что они въ состоянiи разсуждать о дѣлахъ. Народъ совершенно не въ состоянiи дѣлать это,— въ чемъ и заключается одно изъ важныхъ неудобствъ демократiи.

Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы представители, которые получили отъ выбравшихъ ихъ общую инструкцiю, получали отдѣльныя указанiя на каждый предметъ, какъ это практикуется въ нѣмецкихъ сеймахъ. Правда, что этимъ способомъ слова депутатовъ болѣе точно выражали бы голосъ нацiи; но это повлекло бы за собою безконечныя промедленiя, сдѣлало бы каждаго депутата господиномъ всѣхъ остальныхъ; и въ самыхъ настоятельныхъ случаяхъ вся сила нацiи могла бы быть остановлена какимъ-либо капризомъ.

Если депутаты, очень хорошо замѣтилъ М. Сидней, представляютъ всю нацiю, какъ въ Голландiи, то они должны отдавать отвѣтъ тѣмъ, которые ихъ послали: другое дѣло, когда они являются депутатами отъ мѣстечекъ, какъ въ Англiи.

Всѣ граждане въ различныхъ округахъ должны пользоваться правомъ голоса при выборѣ представителя, за исключенiемъ тѣхъ, которые находятся въ такомъ приниженiи (dans un tel état de bassesse), что не могутъ считаться имѣющими собственную волю.

Въ большей части древнихъ республикъ существовалъ важный недостатокъ: народъ имѣлъ право принимать активныя рѣшенiя, требующiя какого-либо исполненiя: вещь, къ которой онъ совершенно неспособенъ. Нужно принимать участiе въ правленiи лишь

для того, чтобы выбирать своихъ представителей; это онъ можетъ сдѣлать. Ибо если мало людей, знающихъ точную степень способности человѣка, то каждый въ состояніи рѣшить вообще, просвѣщеннѣе ли тотъ, кого онъ выбираетъ, чѣмъ бо̀льшая часть остальныхъ.

Представительное собраніе должно быть выбираемо не для того, чтобы принимать какое-либо активное рѣшеніе (résolution active), къ чему оно неспособно, но для того, чтобы издавать законы или чтобы слѣдить за тѣмъ, хорошо ли исполняются тѣ, которые изданы: эту обязанность оно можетъ выполнить очень хорошо, и кромѣ него нѣтъ никого, кто могъ бы хорошо сдѣлать это.

Въ каждомъ государствѣ всегда есть люди, отличающіеся своимъ происхожденіемъ, богатствомъ или почестями; если бы они были смѣшаны съ народомъ, и если бы у нихъ, наравнѣ со всѣми другими, былъ только одинъ голосъ, общая свобода сдѣлалась бы ихъ рабствомъ, и у нихъ не было бы никакого интереса защищать ее, такъ какъ бо̀льшая часть рѣшеній была бы противъ нихъ. Поэтому участіе ихъ въ законодательствѣ должно быть пропорціонально прочимъ преимуществамъ, которыми они пользуются въ государствѣ, а это произойдетъ, если они образуютъ особое учрежденіе, которое имѣло бы право останавливать предпріятія народа, подобно тому, какъ народъ имѣетъ право останавливать ихъ предпріятія.

Такимъ образомъ законодательная власть должна быть вручена и корпораціи знати, и корпораціи, ко-

торая будетъ выбрана для того, чтобы представлять народъ,—и каждая изъ нихъ должна имѣть свои собранія и обсужденія отдѣльно, должна имѣть различные взгляды и интересы.

Изъ трехъ властей, о которыхъ мы говорили, судебная власть является въ нѣкоторомъ родѣ несуществующей (en quelque façon nulle). Остаются только двѣ; и такъ какъ онѣ нуждаются въ регулирующей власти, которая сдерживала бы ихъ, то часть законодательнаго корпуса, состоящая изъ знати, вполнѣ подходитъ къ тому, чтобы производить такое дѣйствіе.

Корпорація знати должна быть наслѣдственной. Она является таковою, во-первыхъ, по самому своему существу, а, во-вторыхъ, необходимо, чтобы она имѣла очень большой интересъ въ сохраненіи своихъ прерогативъ, ненавистныхъ самихъ по себѣ, а въ свободномъ государствѣ тѣмъ болѣе подверженныхъ постоянной опасности.

Но такъ какъ наслѣдственная власть могла бы увлечься преслѣдованіемъ своихъ частныхъ интересовъ и забыть объ интересахъ народа, то нужно, чтобы въ вопросахъ, въ которыхъ очень важно было бы подкупить ее, какъ, напримѣръ, въ законахъ, имѣющихъ въ виду денежные налоги, она должна принимать участіе въ законодательствѣ лишь въ силу своего права останавливать, а не въ силу права дѣлать постановленія.

Я называю *правомъ дѣлать постановленія* (faculté de statuer) право самому издавать повелѣнія или вносить поправки въ тѣ, которыя были изданы кѣмъ-

либо другимъ, а *правомъ останавливать* (faculté d'empêcher) — право дѣлать недѣйствительнымъ рѣшеніе, принятое кѣмъ-либо другимъ: это именно и было властью трибуновъ въ Римѣ. И хотя тотъ, кто обладаетъ правомъ останавливать, можетъ обладать также и правомъ соглашаться, но на этотъ разъ согласіе есть не что иное, какъ провозглашеніе, что онъ не пользуется своимъ правомъ останавливать, и согласіе вытекаетъ изъ этого права.

Исполнительная власть должна быть въ рукахъ монарха, такъ какъ эта часть правленія, требуя почти всегда быстраго дѣйствія, завѣдуется лучше однимъ человѣкомъ, чѣмъ многими, тогда какъ то, что зависитъ отъ законодательной власти, часто лучше ведется многими, чѣмъ однимъ.

Если бы не было монарха и исполнительная власть была бы вручена извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго учрежденія, свободы бы больше не существовало, такъ какъ обѣ власти были бы соединены вслѣдствіе того, что одни и тѣ же лица принимали бы иногда и всегда могли бы принимать участіе въ обѣихъ.

Если бы законодательное учрежденіе долго не собиралось, то не было бы больше свободы, такъ какъ случилось бы одно изъ двухъ: или не было бы больше законодательныхъ постановленій, и государство впало бы въ анархію; или эти постановленія дѣлались бы исполнительною властью, и послѣдняя сдѣлалась бы произвольною.

Было бы безполезно, чтобы законодательное уч-

режденіе находилось въ постоянномъ сборѣ. Это было бы неудобно для представителей и кромѣ того слишкомъ отвлекало бы исполнительную власть, которая думала бы не объ отправленіи своихъ обязанностей, а о защитѣ своихъ прерогативъ и правъ.

Далѣе, если бы законодательное учрежденіе было въ постоянномъ сборѣ, то могло бы случиться, что его пополняли бы новыми депутатами лишь тогда, когда умирали бы прежніе; и въ такомъ случаѣ, разъ законодательное учрежденіе было бы испорчено, зло оставалось бы безъ лѣкарства. Когда различныя законодательныя учрежденія смѣняютъ другъ друга, то народъ, который составилъ бы дурное мнѣніе о настоящемъ законодательномъ учрежденіи, вполнѣ резонно возлагаетъ свои надежды на послѣдующее; но если бы постоянно оставалось одно и то же учрежденіе, то народъ, разъ замѣтивъ его испорченность, не надѣялся бы больше на его законы: онъ сталъ бы неистовствовать или впалъ бы въ лѣность.

Законодательное учрежденіе отнюдь не должно собираться само собою, ибо всякое учрежденіе только тогда считается имѣющимъ волю, когда оно находится въ сборѣ, и если бы оно не собиралось единодушно, нельзя бы было сказать, которая изъ его двухъ частей составляетъ настоящее законодательное собраніе: та ли, которая бы находилась въ сборѣ, или другая. Если бы оно имѣло право само себя отсрочивать, то могло бы случиться, что оно никогда бы себя не отсрочивало, а это было бы опаснымъ въ томъ случаѣ, если бы оно сдѣлало покушеніе про-

тивъ исполнительной власти. Впрочемъ, одно время болѣе, другое менѣе пригодно для сбора законодательнаго учрежденія. Поэтому необходимо, чтобы исполнительная власть опредѣляла время засѣданія и продолжительность собраній, сообразно съ обстоятельствами, которыя ей извѣстны.

Если исполнительная власть не имѣетъ права останавливать предпріятія законодательнаго учрежденія, послѣднее будетъ деспотическимъ; ибо такъ какъ она будетъ въ состояніи дать себѣ всю ту власть, какая ей можетъ вздуматься, то она уничтожитъ всѣ остальныя власти.

Но не слѣдуетъ, чтобы законодательная власть съ своей стороны имѣла право останавливать исполнительную: такъ какъ исполнительная власть, по самой сущности своей, есть власть ограниченная, то ее ограничивать безполезно, не говоря уже о томъ, что исполнительная власть дѣйствуетъ только по отношенію къ вещамъ преходящимъ. Власть римскихъ трибуновъ имѣла недостатокъ въ томъ отношеніи, что останавливала не только законодательство, но даже и исполнительную власть, что̀ причиняло великій вредъ.

Но если въ свободномъ государствѣ законодательная власть не должна имѣть право останавливать власть исполнительную, она имѣетъ право и должна имѣть возможность слѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ законы, которые она создала, были приведены въ исполненіе; и въ этомъ заключается преимущество то правленія, о которомъ мы говоримъ, предъ прав-

леніемъ Крита и Лакедемона, гдѣ *космы* и *эфоры* не отдавали отчета въ своемъ правленіи.

Каковъ бы однако ни былъ этотъ контроль, законодательное учрежденіе ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть права судить личность, а слѣдовательно и поведеніе того, который исполняетъ. Его особа должна быть священна, ибо она необходима государству для того, чтобы законодательное учрежденіе не сдѣлалось въ немъ тираническимъ: съ того момента, когда онъ былъ бы преданъ обвиненію и суду, свободы больше не существовало бы.

Въ подобнаго рода случаяхъ государство было бы не монархіей, но несвободной республикой. Но такъ какъ тотъ, кто исполняетъ, не можетъ ничего дурно исполнять безъ дурныхъ совѣтниковъ, которые ненавидятъ законы, какъ министры, хотя эти законы и защищаютъ ихъ, какъ людей, послѣдніе (т.-е совѣтники) могутъ разыскиваться и наказываться. И въ этомъ заключается преимущество образа правленія, о которомъ мы говоримъ, предъ образомъ правленія въ Гнидѣ, гдѣ потому, что законъ не позволяетъ призывать къ суду *амимоновъ*, даже по окончаніи ихъ полномочій, народъ никогда не могъ заставить ихъ дать отвѣтъ за несправедливости, которыя были совершены.

Хотя вообще судебная власть не должна соединяться ни съ какою частью законодательной, но это правило представляетъ три исключенія, основанія коихъ—въ частномъ интересѣ того, кто долженъ быть судимъ.

Вельможи всегда подвергаются ненависти; и если бы они были судимы народомъ, они могли бы находиться въ опасности и не пользовались бы привилегіей, которой пользуется самый незначительный изъ гражданъ въ свободномъ государствѣ,—привилегіей быть судимымъ равнымъ себѣ. Поэтому нужно, чтобы знатные призывались не къ обыкновеннымъ судамъ націи, но къ той части законодательнаго учрежденія, которая состоитъ изъ знати.

Могло бы случиться, что законъ, который въ одно и то же время проницателенъ и слѣпъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ бы слишкомъ строгъ. Но судьи націи, какъ мы сказали, являются лишь устами, произносящими слова закона, неодушевленными существами, которыя не могутъ смягчать ни его силы, ни строгости. Поэтому часть законодательнаго учрежденія, о которой мы только-что въ другомъ случаѣ сказали, что она является необходимымъ судебнымъ мѣстомъ, является таковымъ и въ этомъ случаѣ; дѣло ея высшей власти смягчить законъ въ пользу самого закона, произнося приговоръ менѣе строгій, чѣмъ законъ.

Могло бы еще случиться, что какой-либо гражданинъ въ общественныхъ дѣлахъ нарушилъ бы права народа и совершилъ бы преступленія, за которыя установленныя правительственныя лица не сумѣли бы или не захотѣли бы наказать. Но вообще законодательная власть не можетъ судить, и тѣмъ менѣе можетъ она судить въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ она представляетъ заинтересованную сторону, каковою является народъ. Поэтому она можетъ быть лишь об-

винительницей. Но передъ кѣмъ она будетъ обвинять? Унизится ли она до законныхъ судовъ, являющихся низшими, чѣмъ она, и кромѣ того состоящихъ изъ людей, которые, будучи народомъ, какъ и она, были бы увлечены авторитетомъ столь важнаго обвинителя? Нѣтъ: для того, чтобы сохранить достоинство народа и безопасность частнаго лица, слѣдуетъ, чтобы законодательная часть народа обвиняла предъ законодательною частью знати, которая не имѣетъ ни тѣхъ же самыхъ интересовъ, какъ первая, ни тѣхъ же страстей.

Въ этомъ заключается преимущество того образа правленія, о которомъ мы говоримъ, предъ большею частью древнихъ республикъ, гдѣ существовали подобныя злоупотребленія, такъ что народъ былъ въ одно и то же время и судьей, и обвинителемъ.

Исполнительная власть, какъ мы уже сказали, должна принимать участіе въ законодательствѣ чрезъ свое право останавливать; безъ этого она скоро будетъ лишена своихъ прерогативъ. Но если законодательная власть принимаетъ участіе въ исполненіи, исполнительная власть равнымъ образомъ погибнетъ.

Если бы монархъ принималъ участіе въ законодательствѣ чрезъ право постановлять, свободы болѣе не существовало бы. Но такъ какъ тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы онъ для своей защиты имѣлъ участіе въ законодательствѣ, надо, чтобы онъ принималъ въ немъ участіе чрезъ право останавливать.

Причина измѣненія образа правленія въ Римѣ и заключается въ томъ, что сенатъ, пользовавшійся од-

пою частью исполнительной власти, и магистраты, пользовавшіеся другою ея частью, не имѣли, подобно народу, права останавливать.

Вотъ, слѣдовательно, основное устройство того правленія, о которомъ мы говоримъ. Такъ какъ законодательное учрежденіе составлено изъ двухъ частей, то въ силу права останавливать другъ друга, онѣ будутъ другъ друга удерживать. Обѣ будутъ связаны исполнительною властью, которая, съ своей стороны, будетъ связана законодательною.

Эти три власти должны были бы находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія, но такъ какъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей онѣ будутъ принуждены итти впередъ, то онѣ будутъ принуждены итти въ согласіи.

Такъ какъ исполнительная власть составляетъ часть законодательной власти только въ силу своего права останавливать, она не можетъ входить въ обсужденіе дѣлъ. Даже не необходимо, чтобы она предлагала, такъ какъ, имѣя всегда возможность не одобрить рѣшенія, она можетъ отклонить рѣшенія тѣхъ предложеній, проведенія которыхъ она не хотѣла бы.

Въ нѣкоторыхъ древнихъ республикахъ, гдѣ народъ въ полномъ своемъ составѣ обсуждалъ дѣла, было естественно, что исполнительная власть предлагала ихъ и обсуждала вмѣстѣ съ нимъ; безъ этого въ рѣшеніяхъ былъ бы странный безпорядокъ.

Если исполнительная власть дѣлаетъ постановленія о взиманіи налоговъ, иначе, какъ въ силу согласія народа, свободы больше не будетъ, ибо исполнитель-

ная власть сдѣлается законодательной въ самомъ важномъ пунктѣ законодательства.

Если законодательная власть дѣлаетъ постановленіе о наложеніи податей не изъ года въ годъ, а навсегда, то она рискуетъ лишиться свободы, потому что исполнительная власть не будетъ болѣе зависѣть отъ нея; а когда пользуются подобнаго рода правомъ навсегда, то довольно безразлично, пользуются ли имъ въ силу собственной власти или въ силу чужой. То же самое будетъ и въ томъ случаѣ, когда законодательная власть постановляетъ не изъ года въ годъ, а разъ навсегда касательно сухопутныхъ и морскихъ силъ, которыя она должна ввѣрить исполнительной власти.

Для того, чтобы тотъ, кто исполняетъ, не могъ притѣснять, нужно, чтобы арміи, ввѣряемыя ему, сливались съ народомъ и были охвачены тѣмъ же настроеніемъ, какимъ охваченъ и народъ,—какъ это было въ Римѣ до Марія. А чтобы это было именно такъ, существуютъ лишь два средства: или тѣ, которые назначаются въ армію, должны быть достаточно зажиточными, чтобы отвѣчать за свое поведеніе предъ остальными гражданами, и должны вербоваться лишь на годъ, какъ это практиковалось въ Римѣ; или, если необходимо имѣть постоянное войско, въ которомъ солдаты принадлежатъ къ одному изъ самыхъ низшихъ классовъ народа, то нужно, чтобы законодательная власть могла распустить ихъ, какъ только захочетъ; необходимо, чтобы солдаты жили вмѣстѣ съ гражданами и чтобы у нихъ не было ни отдѣльнаго лагеря, ни казармъ, ни крѣпостей.

Разъ армія установлена, она должна зависѣть непосредственно не отъ законодательнаго учрежденія, но отъ исполнительной власти, такъ какъ по самой природѣ ея дѣло заключается болѣе въ дѣйствіи, чѣмъ въ обсужденіи.

Таковъ образъ мыслей у людей, что больше цѣнятъ мужество, чѣмъ боязливость, больше активность, чѣмъ благоразуміе, силу, чѣмъ совѣщанія. Армія всегда будетъ презирать какой-либо сенатъ и относиться съ почтеніемъ къ своимъ офицерамъ; она не будетъ повиноваться приказаніямъ учрежденія, состоящаго изъ людей, которыхъ она будетъ считать боязливыми и поэтому недостойными повелѣвать ею. Такимъ образомъ, разъ армія зависитъ лишь отъ законодательнаго учрежденія, то правительство станетъ военнымъ. А если случалось когда-либо противное, то это — вліяніе нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ: или армія всегда была отдѣлена, или она была составлена изъ нѣсколькихъ частей, зависѣвшихъ каждая отъ своей отдѣльной провинціи, или главные города занимаютъ такія превосходныя мѣста, которыя защищены однимъ своимъ положеніемъ и гдѣ нѣтъ войскъ.

Голландія находится въ большей безопасности, чѣмъ Венеція: она потопила бы взбунтовавшіяся войска, она уморила бы ихъ голодомъ. Ихъ нѣтъ въ городахъ, которые могли бы дать имъ пропитаніе; это пропитаніе поэтому случайное.

Если въ томъ случаѣ, когда армія управляется законодательнымъ учрежденіемъ, особыя обстоятельства

помѣшаютъ правительству стать военнымъ, то впадаютъ въ другого рода неудобства: одно изъ двухъ— или армія должна будетъ уничтожить правительство, или правительство ослабитъ армію.

А это ослабленіе будетъ имѣть роковую причину: оно произойдетъ отъ слабости самого правительства.

Если кто пожелаетъ прочесть замѣчательное произведеніе Тацита о нравахъ германцевъ, тотъ увидитъ, что это у нихъ англичане заимствовали идею о своемъ образѣ правленія. Эта прекрасная система была найдена въ лѣсахъ.

Такъ какъ всѣ человѣческія вещи имѣютъ конецъ, то государство, о которомъ мы говоримъ, потеряетъ свою свободу, и оно погибнетъ. Римъ, Лакедемонъ и Карѳагенъ погибли. Оно погибнетъ, когда законодательная власть будетъ болѣе испорчена, чѣмъ исполнительная.

Не мнѣ изслѣдовать, пользуются ли англичане въ дѣйствительности этою свободою или нѣтъ, ибо мнѣ достаточно сказать только, что она установлена ихъ законами, и болѣе я ничего не ищу.

Я не претендую на то, чтобы унизить этимъ другіе образы правленія, ни сказать, что эта крайняя политическая свобода должна уничтожить тѣхъ, которые имѣютъ лишь умѣренную свободу. Какъ могъ бы я сказать это,—я, который думаю, что даже излишекъ разума не всегда желателенъ, и что люди почти всегда лучше приспособляются къ серединѣ, чѣмъ къ крайностямъ.

Гаррингтонъ въ своей книгѣ «Oceana» также изслѣ-

довалъ вопросъ, какова наивысшая степень свободы, при которой возможно существованіе государственнаго устройства. Но о немъ можно сказать, что онъ искалъ эту свободу, отвергнувъ её, и что онъ строилъ Халкедонію, имѣя предъ глазами берегъ Византіи.

3. Идея XII книги.—О свободѣ гражданина.—Природа наказаній и ихъ соразмѣрность благопріятствуютъ свободѣ (XII кн., гл. 1, 2, 3 и 4).

Не достаточно разсмотрѣть политическую свободу въ ея отношеніи къ государственному устройству: нужно еще показать её въ ея отношеніи къ гражданину.

Въ первомъ случаѣ она создается въ силу извѣстнаго распредѣленія трехъ властей, но во второмъ её нужно разсматривать подъ другимъ угломъ зрѣнія. Она состоитъ въ безопасности, или въ увѣренности, которую имѣютъ относительно своей безопасности.

Можетъ случиться, что государственное устройство свободно, а гражданинъ не свободенъ; точно также гражданинъ можетъ быть свободенъ, а государственное устройство нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ, государственное устройство будетъ свободно de jure, а не de facto; гражданинъ же будетъ свободенъ de facto, а не de jure.

Лишь состояніе законовъ, и именно основныхъ законовъ, образуетъ свободу въ ея отношеніи къ налогамъ. Но въ отношеніи къ гражданину нравы, обы-

чаи, воспринятые примѣры могутъ вызвать её, а нѣкоторые гражданскіе законы ей благопріятствовать.....

Свобода въ философскомъ смыслѣ слова состоитъ въ осуществленіи своей воли или, по крайней мѣрѣ, (если говорить о всѣхъ философскихъ системахъ) въ убѣжденіи, что осуществляютъ свою волю. Политическая свобода состоитъ въ безопасности или, по крайней мѣрѣ, въ увѣренности, которую имѣютъ относительно своей безопасности.

Эта безопасность наибольшему риску подвергается въ общественныхъ или частныхъ обвиненіяхъ. Поэтому свобода гражданина главнымъ образомъ зависитъ отъ качества уголовныхъ законовъ.

Уголовные законы не могутъ сдѣлаться совершенными сразу. Въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе всего стремились къ свободѣ, не всегда находили ее. Аристотель говоритъ намъ, что въ Кумахъ родители обвинителя могли быть свидѣтелями. При римскихъ царяхъ законъ былъ столь несовершененъ, что Сервій Туллій произнесъ приговоръ надъ дѣтьми Анка Марція, обвиненнаго въ убійствѣ царя, своего тестя. При первыхъ франкскихъ короляхъ Клотарь издалъ законъ, чтобы обвиняемый не могъ быть осужденъ, не будучи выслушанъ: это указываетъ на противоположную практику въ какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ или у какого-либо варварскаго народа. Харондъ ввелъ судебныя преслѣдованія противъ ложныхъ свидѣтельствъ. Если невинность гражданина не обезпечена, свободы не существуетъ.

Знанія, кои пріобрѣтены въ какихъ-либо странахъ или будутъ пріобрѣтены въ другихъ, относительно самыхъ надежныхъ правилъ, которыхъ можно держаться въ уголовныхъ судахъ, затрогиваютъ интересы человѣческаго рода болѣе, чѣмъ что бы то ни было другое.

Лишь на примѣненіи этихъ знаній и можетъ быть основана свобода; и въ государствѣ, которое кромѣ того имѣло бы возможно лучшіе законы, человѣкъ, противъ котораго начали бы процессъ, и который завтра долженъ былъ бы быть повѣшенъ,—этотъ человѣкъ болѣе былъ бы свободенъ, чѣмъ паша въ Турціи.

Законы, которые губятъ человѣка по показанію лишь одного свидѣтеля, оказываютъ роковое вліяніе на свободу. Разумъ требуетъ двухъ свидѣтелей, такъ какъ одинъ свидѣтель, который утверждаетъ, и обвиняемый, который отрицаетъ, вызываютъ раздѣленіе и нужно третье лицо, которое это раздѣленіе прекратило бы......

Свобода торжествуетъ, когда уголовные законы извлекаютъ каждое наказаніе изъ особенной природы преступленія. Всякій произволъ исчезаетъ, наказаніе исходитъ не изъ каприза законодателя, но изъ природы вещей, и не человѣкъ совершаетъ насиліе надъ человѣкомъ.

Есть четыре рода преступленій. Преступленія перваго рода затрогиваютъ религію; преступленія второго рода—нравы, третьяго—спокойствіе, четвертаго—безопасность гражданъ. Наказанія, которыя налагаются

за нихъ, должны вытекать изъ природы каждаго изъ этихъ родовъ преступленій.

Въ классъ преступленій, касающихся религіи, я включаю лишь такія, которыя затрогиваютъ её непосредственно, какъ, напримѣръ, всѣ простыя святотатства, потому что преступленія, нарушающія ея отправленія, принадлежатъ къ природѣ тѣхъ, которыя нарушаютъ спокойствіе гражданъ или ихъ безопасность, и должны быть отнесены къ этимъ классамъ.

Для того, чтобы наказаніе за простыя святотатства было извлечено изъ природы вещей, оно должно состоять въ лишеніи всѣхъ преимуществъ, которыя даетъ религія: изгнаніе изъ храмовъ, удаленіе изъ общества вѣрныхъ—временное или на всю жизнь, стараніе избѣжать встрѣчи съ ними, проклятія, отлученіе отъ церкви.

Въ вещахъ, которыя нарушаютъ спокойствіе или безопасность государства, тайныя дѣйствія входятъ въ кругъ вѣдѣнія человѣческаго суда, но въ вещахъ, оскорбляющихъ божество, тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго дѣйствія, нѣтъ состава преступленія: все здѣсь происходитъ между человѣкомъ и Богомъ, который знаетъ мѣру и время своего возмездія. Если, смѣшивая вещи, магистратъ преслѣдуетъ также и тайное святотатство, то онъ вноситъ судебное разбирательство въ такого рода вещи, гдѣ оно не необходимо: онъ уничтожаетъ свободу гражданъ, вооружая противъ нихъ ревность робкихъ душъ и ревность душъ смѣлыхъ.

Зло заключается въ убѣжденіи, что нужно мстить за божество. Но нужно заставить почитать божество, а никогда не мстить за него. Въ самомъ дѣлѣ, если бы поступали по этому послѣднему убѣжденію, то какова была бы цѣль казней? Если законы людей должны мстить за безконечное существо, то пусть они будутъ согласованы съ его безконечностью, а не съ слабостями, невѣжествомъ, капризами человѣческой природы.

Историкъ Прованса [1]) передаетъ одинъ фактъ, который очень хорошо рисуетъ намъ, какое вліяніе можетъ оказать на слабые умы эта идея о мщеніи за божество. Еврей, обвиняемый въ оскорбленіи св. Дѣвы, былъ присужденъ къ смертной казни. Замаскированные рыцари, съ кинжалами въ рукахъ, взошли на эшафотъ и прогнали съ него палача, чтобы самимъ отомстить за честь св. Дѣвы... Я не хочу предупреждать заключеній читателя.

Ко второму классу относятся преступленія противъ нравовъ и приличій, каково, напримѣръ нарушеніе общественныхъ или частныхъ правилъ цѣломудрія, т.-е. нарушеніе благочинія при удовлетвореніи своихъ чувственныхъ наклонностей. Наказанія за такія преступленія также должны быть извлечены изъ природы вещей. Лишеніе преимуществъ, которыя общество связало съ чистотою нравовъ, штрафы, безчестіе, необходимость прятаться, публичный позоръ, изгнаніе изъ города и общества, нако-

---

[1]) Le P. Bougerel.

нецъ, всѣ тѣ наказанія, которыя относятся къ исправительной юрисдикціи, — всего этого достаточно для подавленія дерзости обоихъ половъ. Дѣйствительно, эти вещи скорѣе происходятъ отъ забвенія или презрѣнія къ самому себѣ, чѣмъ отъ злой воли.

Здѣсь идетъ рѣчь о преступленіяхъ, которыя затрогиваютъ только нравы, а не о тѣхъ, которыя нарушаютъ общественную безопасность, какъ напримѣръ похищеніе или изнасилованіе женщины, каковыя относятся къ четвертому классу.

Преступленія третьяго класса—тѣ, которыя нарушаютъ спокойствіе гражданъ; и наказанія за нихъ должны быть извлечены изъ природы вещей и имѣть связь съ этимъ спокойствіемъ, какъ напримѣръ тюремное заключеніе, изгнаніе, исправительныя мѣры и другія наказанія, которыя успокаиваютъ безпокойные умы и заставляютъ ихъ подчиниться установленному порядку.

Преступленія противъ спокойствія я ограничиваю вещами, которыя заключаютъ въ себѣ простое нарушеніе благочинія, потому что тѣ, которыя, нарушая спокойствіе, въ то же время наносятъ ущербъ и безопасности, должны быть отнесены въ четвертый классъ.

Наказаніями за эти послѣднія преступленія являются тѣ, которыя называютъ казнями (supplices). Это—родъ возмездія, когда общество отказываетъ въ безопасности гражданину, который лишилъ или хотѣлъ лишить ея другого. И тутъ наказаніе почерпается изъ природы вещей, основано на разумѣ и на источ-

никахъ добра и зла. Гражданинъ заслуживаетъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность до такой степени, что отнялъ жизнь, или намѣревался отнять ее. Эта смертная казнь является какъ бы лѣкарствомъ больного общества. Когда нарушаютъ безопасность относительно имуществъ, то могутъ существовать основанія для смертной казни; но, быть можетъ, было бы лучше и болѣе согласовалось бы съ природою, чтобы наказаніе за преступленія противъ безопасности имуществъ состояло въ отнятіи имуществъ. И это должно было бы быть такъ, если бы имущества были общими и равными; но такъ какъ законы въ этомъ отношеніи нарушаютъ чаще неимѣющіе имуществъ, чѣмъ другіе, то нужно, чтобы тѣлесное наказаніе замѣняло денежное.

Все то, что я сказалъ, основано на природѣ и очень способствуетъ свободѣ гражданина.

II. Перечень сочиненій Монтескье.

До самаго послѣдняго времени мы могли знать лишь тѣ произведенія Монтескье, которыя онъ опубликовалъ еще при своей жизни. Къ числу таковыхъ относятся:

1) Персидскія письма (напис. въ 1720 г., напеч. въ 1721 г.).

2) Сулла и Эвкратъ (напис. въ 1722 г., напеч. въ 1745 г.).

3) Гнидскій Храмъ (напис. въ 1723 г., напеч. въ 1745 г.).

4) Путешествіе на о-въ Паѳосъ (напис. и напеч. въ 1727 г.).

5) Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ (1734 г.).

6) Дополненіе къ Персидскимъ письмамъ (напеч. въ 1744 г.).

7) Духъ законовъ (начатъ ок. 1724, конч. въ 1747, напеч. въ 1748 г.).

8) Защита Духа законовъ (1750 г.).

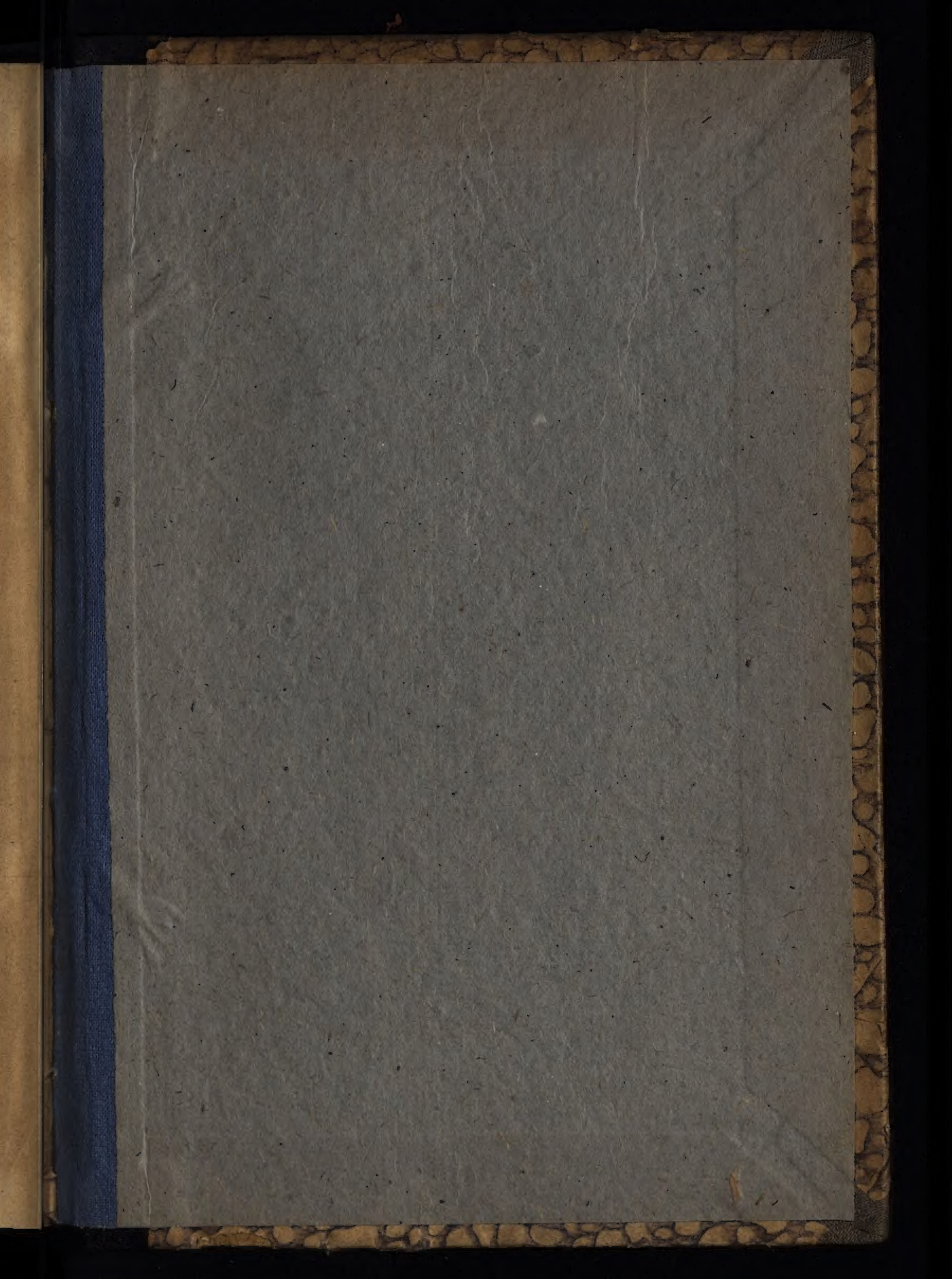
Наконецъ, только въ первые года настоящаго десятилѣтія приступлено было къ собранію и изда-

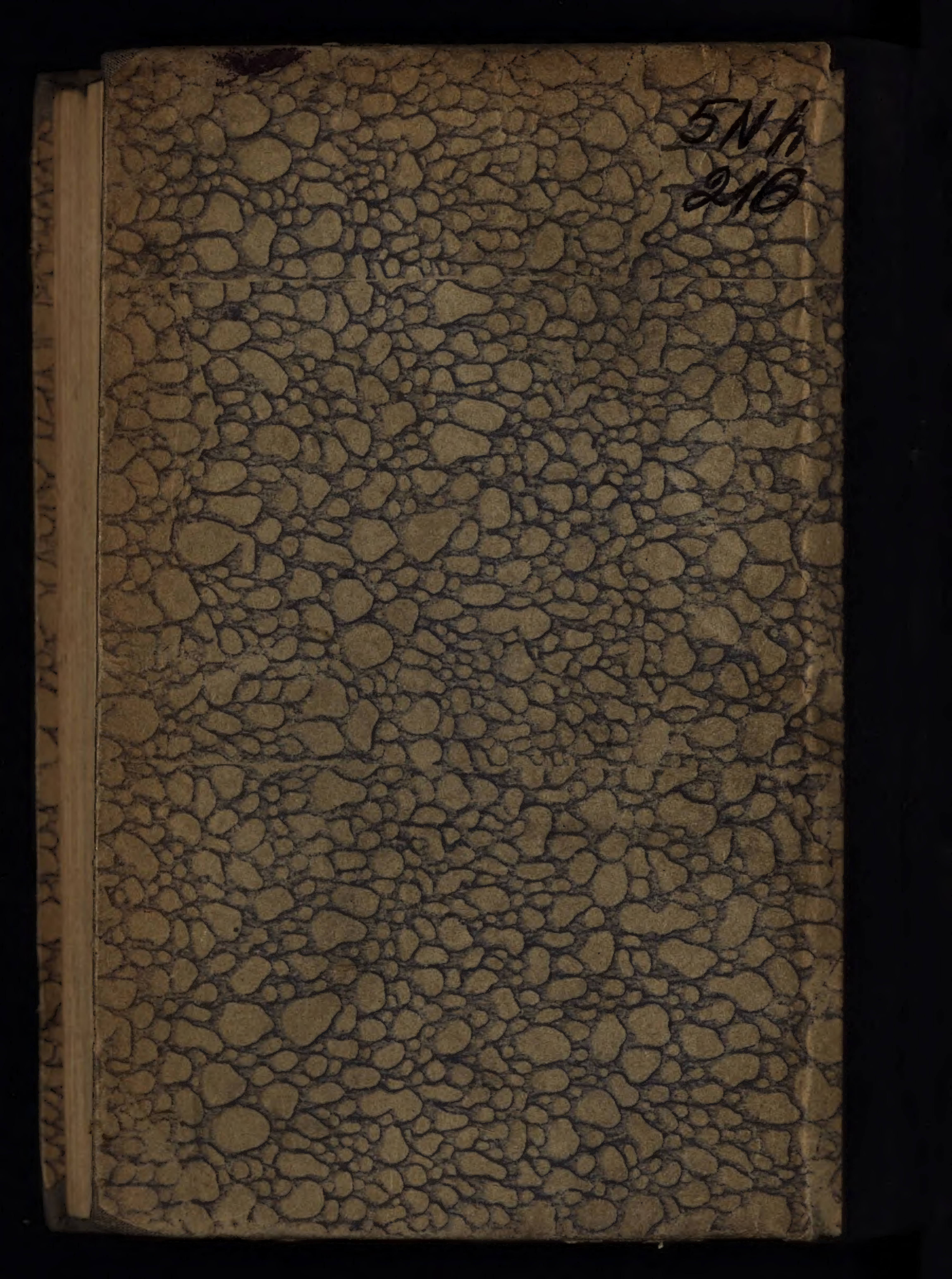
нію неизданныхъ сочиненій и замѣтокъ Монтескье. Наслѣдіе, оставшееся отъ него, является довольно значительнымъ: предполагается его рукописи издать въ 8 томахъ. Сюда должны войти: «Рѣчь о Цицеронѣ», «Похвала искренности», «Опытъ о причинахъ, могущихъ влiять на умы и характеры», этюдъ объ «истинной исторіи», «Размышленія о политикѣ», «Размышленія о характерѣ нѣкоторыхъ государей», «Замѣчанія на нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя лицомъ, переведшимъ на англійскій языкъ мое сочиненіе о римлянахъ», рядъ записокъ о путешествіи по Италіи, Германіи и Голландіи, наконецъ, довольно объемистыя рукописи, содержащія въ себѣ «мысли и размышленія», записанныя Монтескье во время составленія «Духа законовъ». Затѣмъ необходимо еще упомянуть о слѣдующихъ этюдахъ, написанныхъ имъ во время его занятій естественными науками: «Изслѣдованіе о сущности болѣзней вообще», «О причинахъ эхо», «О тяжести», «О приливахъ и отливахъ», «Замѣчанія объ естественной исторіи», «О прозрачности тѣлъ», «О системѣ идей». Всѣ эти разсужденія были докладами, прочитанными имъ въ бордосской академіи (1716—1722 г.г.), — къ каковымъ должно причислить еще: «Общее разсужденіе объ обязанностяхъ человѣка», «О различіи между уваженіемъ и извѣстностью», прочитанныя имъ передъ переѣздомъ въ Парижъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни онъ написалъ: «Лизимахъ», «Арзасъ и Исменія», «Опытъ о вкусѣ».

До сего времени появились: «Deux opusculus de M.»

(Бордо, 1891).—Mélanges inédits de M. (Бордо, 1892).— Voyages de M. (1894), т. I.

Полныя собранія т. н. «изданныхъ» сочиненій Монтескье (т. е. опубликованныхъ имъ самимъ) см. въ изд. L. S. Auger (1816), Parelle (1826—27), Dalibon (1827), Hachette (1865), Laboulaye (1875—79; лучшее изданіе). Ср. Dangeau, «Montesquieu, bibliographie de ses œuvres (1874).

5Nk
216